

Франсуа Рено, Серж Даже

АФРИКАНСКИЕ РАБЫ В ДАЛЕКОМ И НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт востоковедения

Серия
основана
в 1957 году

Франсуа Рено, Серж Даже

**АФРИКАНСКИЕ
РАБЫ
В ДАЛЕКОМ
И НЕДАВНЕМ
ПРОШЛОМ**

Москва
„НАУКА“

Главная редакция восточной литературы

1991

Renault F. et Daget S.
LES TRAITES NEGRIERES EN AFRIQUE.

Edition Karthala, Paris, 1985

Редакционная коллегия

К.В.МАЛАХОВСКИЙ (председатель), Л.Б.АЛАЕВ,
Л.М.БЕЛОУСОВ, А.Б.ДАВИДСОН, Н.Б.ЗУБКОВ,
Г.Г.КОТОВСКИЙ, Р.Г.ЛАНДА, Н.А.СИМОНИЯ

Перевод с французского

М.Б.ГОРНУНГА

Ответственный редактор

Л.Е.КУББЕЛЬ

Автор послесловия и комментариев

М.Б.ГОРНУНГ

Рено Ф., Даже С.

Африканские рабы в далеком и недавнем
Р 31 прошлом. Пер. с франц. и послесл. М.Б.Горнунга. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. — 214 с.: ил. (Рассказы о странах Востока).

ISBN 5-02-016600-6

Авторы книги — известные французские ученые, много и углубленно занимавшиеся историей работорговли. В настоящем издании большое внимание наряду с известной у нас трансатлантической торговлей африканцами уделено гораздо более древней арабской работорговле на Востоке. Немалый интерес представляет также и политико-экономический анализ отношения государств Западной Европы и США к запрещению рабства и работорговли в первой половине XIX в. По объему информации книга превосходит все, что публиковалось у нас до сих пор в связи с этой темой.

Р $\frac{1805030000-035}{013(02)-91}$ 73=90

ББК 63.3 (0) 5

ISBN 5-02-016600-6

© Главная редакция восточной литературы издательства „Наука”, 1991

ОТ АВТОРОВ

Для мировой истории с самого ее начала характерны разные формы господства человека над человеком. Среди этих форм одна из наиболее значительных — рабство. Историка или социологу довольно трудно дать всеобъемлющее определение рабства, которое может обозначать весьма несхожие явления: от предельно тяжелого труда до относительно легкой кабалы и даже выполнения ответственных обязанностей, от полного лишения личной собственности и семейной жизни до возможности получать некоторую компенсацию за труд, создавать семейный очаг и завещать часть своего имущества. Но общая черта всех форм рабства — зависимость людей от хозяина, который лишь один по традиции или закону мог изменить эту зависимость, что и лишало людей свободы самим распоряжаться своей судьбой.

В данной книге, однако, мы рассматриваем не само рабство, именуемое в одних странах „домашним”, в других — „домовым”¹, а его источник — работорговлю. Порабощенное население могло возникать и в районах его постоянного проживания, при превращении части жителей в рабов различными методами, но чаще всего рабы поступали извне как военнопленные или в результате работорговли. Иногда и то и другое происходило одновременно. Поскольку нередко простого воспроизводства рабов не хватало для удовлетворения все новых потребностей в них, то работорговля продолжалась непрерывно, следуя закону спроса и предложения.

Мы постараемся в нашей книге описать все это так, как оно и происходило на Африканском континенте, где главными составляющими процесса работорговли были внутренние миграции рабов и экспорт рабов в дальние страны. Поэтому мы лишь бегло коснемся

вопроса о рабах, попадавших в Африку извне, — европейцах, оказавшихся рабами в странах Магриба, и мамлюках — потомках ввезенных в Египет рабов. Наше внимание сконцентрировано на „черных” рабах. Именно они с античного времени являлись предметом столь различной по интенсивности и механизму торговли, что было бы вернее говорить об этой работоторговле во множественном числе.

В силу такого многообразия африканской работоторговли ее следует рассматривать одновременно в хронологическом и географическом планах. Вплоть до XVII в. источники, касающиеся торговли рабами на континенте и их экспорта в средиземноморские страны, на Ближний Восток и на берега Индийского океана, так немногочисленны и отрывочны, что в освещении этого периода сохраняются обширные белые пятна. Тем не менее мы все же можем обрисовать основные черты обширной сети работоторговли и примерно оценить ее масштабы в разные периоды — этому посвящена первая часть книги.

Вторая часть касается работоторговли на Атлантическом побережье в XV—XIX вв., нацеленной на европейские колонии в Америке. По этому вопросу есть богатые архивные источники и опубликовано много работ, довольно различных по своему уровню. В последнее время ряд тщательных исследований еще больше обогатил наши знания, позволив достаточно детально суммировать их в этой книге.

В третьей части мы возвращаемся к транссахарской и восточноафриканской работоторговле, но рассматриваем их эволюцию уже в XVIII—XX вв. За последние двадцать с лишним лет наука все больше вскрывает размах до сих пор малоизвестного явления — длительного сохранения в этих регионах интенсивной работоторговли, пришедшей на смену работоторговле на Атлантическом побережье после ее прекращения (если и не полностью, то во всяком случае в больших масштабах).

Часть I

РАБОТОРГОВЛЯ ДО XVII ВЕКА

Античность

Первые упоминания о „статусе раба” в Африке восходят к древнейшим источникам, ко времени фараонов в Египте. По-видимому, этот статус не распространялся на его коренных жителей. Скорее всего, он касался только инородцев, захваченных насильно или полученных в качестве дани от подчиненных земель. К таким рабам, вероятно, надо отнести и те группы населения, которые сначала были допущены в Египет, а затем порабощены, подобно, например, иудеям в библейском сказании. В этих условиях число рабов в стране должно было меняться в зависимости от характера и интенсивности внешних связей Египта. С древнейших времен они установились с южными соседями — нубийцами. Долина Нила благоприветствовала как развитию торговых контактов с ними, так и военным набегам. Поэтому периоды мирных отношений чередовались здесь с вооруженными конфликтами.

Нубия привлекала египтян не только золотыми рудниками, экзотическими товарами, путями проникновения дальше на юг, но также и людьми. Нубийцы, безусловно, издавна стали предметом торговли, но чаще всего нубийцы-рабы были пленниками, захваченными при происходивших время от времени военных операциях, которые участились в эпоху Нового царства (вторая половина II тысячелетия до н. э.), когда владения Египта расширились до Четвертого порога Нила. Захват рабов происходил не только в ходе завоеваний или при подавлении восстаний, но и в мирное время. Власть Египта осуществлялась „царским сыном

Куша", т. е. вице-королем. Одной из его главных функций была отправка фараону нубийских товаров. Сохранились их подробные списки с точными цифрами. В списках фигурируют и черные рабы. Многие из них получали египетские имена, но некоторые имена указывают на такие районы происхождения невольников, как Дарфур; последний и много позже будет крупным очагом работорговли, оставаясь с древних времен и местом охоты за рабами. В то же время Новое царство усилило свою экспансию (помимо Палестины и Сирии) в Ливии, вывозя из нее людей и скот. Ливийцы, которых нередко после пленения метили каленым железом, очень ценились за свои бойцовские качества.

Определить общую численность всех этих рабов невозможно. Но в то же время ее не следует преувеличивать, так как рабский труд не был господствующей формой труда в экономике Египта. Однако такой труд имел место, и большинство рабов принадлежали фараону и использовались для разных целей: для работы во дворцах и государственных имениях, для заготовки и затем транспортировки больших монолитов для помпезных памятников, наконец, для воинской службы, имевшей первостепенное значение в империи завоевателей. Для того времени нельзя еще говорить о работорговле в прямом смысле слова, так как не существовало соответствующей системы торговли, просто людей направляли на принудительные работы. Торговля рабами стала зарождаться лишь после того, как фараоны начали дарить рабов храмам, своим фаворитам и воинам, чье усердие требовало вознаграждения. Таким образом нубийцы и ливийцы оказывались на положении рабов в самых разных слоях египетского общества. Владение рабами в качестве домашних слуг свидетельствовало об определенном социальном статусе, и рабы все чаще становились объектом сделок купли-продажи, отдачи в наем и под залог, короче, они превращались в товар в руках частных собственников¹.

Положение коренным образом изменилось начиная с XI в. до н. э., когда Египет вступает в эпоху упадка, утрачивает завоеванные области и переживает периоды внутреннего территориального распада. Страна же Куш, наоборот, укрепляется в это время настолько, что начинает захватывать земли своих прежних угнетателей и сажает на египетский трон фараонов XXV

династии („суданской”), которая правила 70 лет в VIII—VII вв. до н. э. После изгнания сирийцами из Египта эта династия укрылась на своей родине, образовав к югу от Второго нильского порога обширную империю. Ее столица из Напаты была перенесена в Мероэ (севернее нынешнего Хартума) *. Военные действия в это время велись активно: во-первых, приходилось защищаться от набегов кочевников из пустыни, а во-вторых, с целью захватить новые территории. Все это приводило к появлению значительного числа рабов. Их использовали для постройки тех грандиозных монументов, многие из которых сохранились и поныне, а также для возделывания земли, устройства оросительных систем и, наконец, в качестве слуг у представителей правящих классов. Но последнее, безусловно, больше относилось к женщинам, так как среди прислуги всегда было больше рабынь, чем рабов.

Помимо использования невольников внутри страны, все более возрастал вывоз их из Мероэ в Египет и другие средиземноморские страны². Он, безусловно, осуществлялся по долине Нила, но рабы с юга поступали в Египет и по Красному морю из Сомали. Так, в одном из источников II в. н. э. отмечается, что именно по этому пути от мыса Хафун вывозилось „все больше и больше лучших рабов...”³. Из того же района рабов, по-видимому, вывозили также в Персию, а один современный историк считает „вполне вероятным”, что последние сасанидские цари покупали рабов из Восточной Африки для формирования своей армии⁴.

Империя Мероэ была разгромлена в IV в. н. э. своим бурно развившимся соседом Аксумом, предшественником Эфиопии**. Аксумская империя — крупное в политическом отношении государство — в то же время

* Мероитское царство, существовавшее на территории современного Судана в IX в. до н. э. — IX в. н. э. CV в. оно сохраняло власть только на небольшой территории вокруг Мероэ. В египетских источниках оно именовалось „Куш”, а в надписях на древнегреческом языке — „Эфиопия”. Первая столица — Напата — располагалась на правом берегу Нила у Четвертого порога, а Мероэ лежало южнее Пятого порога. — *Здесь и далее примечания переводчика.*

** Широко распространенное в прошлом название этой страны „Абиссиния” (население — абиссинцы) теперь считается устаревшим. Всюду в тексте, где это возможно, оно заменено на синоним „Эфиопия” (население — эфиопы).

была и одной из крупнейших торговых держав той эпохи, а аксумский порт Адулис (к югу от нынешнего порта Массауа) являлся первостепенным экономическим центром. Отсюда экспортировалось множество товаров, в частности слоновая кость, но и немало рабов, захваченных при военных набегах. Спрос на аксумских рабов у иноземных торговцев оставался неизменным на протяжении столетий⁵. И намного позже на невольничьих рынках наиболее высоко ценились эфиопы („абиссинцы“), как мужчины, так и женщины.

В другой части Африки прежде всего заметно было могущество Карфагена. Его морские связи с Западной Африкой все еще остаются спорными. Что же касается сухопутных контактов, то они нам совсем неизвестны, в частности и потому, что карфагеняне стремились не разглашать их, дабы избежать конкурентов, в особенности греков. Но, конечно, связи с внутренними частями континента Карфаген имел, и осуществлялись они с помощью древних обитателей Фецана — гарамантов, располагавших сведениями о самых удаленных областях. Гараманты проникали на юг благодаря наличию в пустыне цепи оазисов, главные из которых располагались на полпути к озеру Чад, в Каваре. Этот путь известен с древнейших времен. Согласно имеющимся свидетельствам единственное, что вывозилось из пустыни, это карбункулы — драгоценные камни. Но, безусловно, к этому можно добавить рабов. Геродот в V в. до н. э. прямо говорит о гарамантах, которые „охотятся на своих колесницах, запряженных четверками лошадей, за эфиопскими троглодитами, так как они бегают быстрее всех людей, о которых мы намерены рассказать“⁶.

Такая „охота“ не могла быть не чем иным, кроме как набегами на тиббу*, населявших обширную территорию к югу от нынешней Ливии, к северо-востоку от Нигера и к северу от Чада. В центре этой территории располагается нагорье Тибести. Природная ловкость его жителей и, безусловно, прекрасное знание местности затрудняли их захват в плен. Поэтому гарамантам и приходилось для того, чтобы догнать тиббу, пользоваться самым быстрым в то время средством

* Тиббу (теда) — антропологически смешанное население (с негроидными и европеоидными чертами).

передвижения. Часть пленников, по-видимому, продавалась в Карфаген, поскольку в пунических могильниках найдены скелеты негроидов. Негры, безусловно, использовались как воины в карфагенской армии⁷. Имеются серьезные основания полагать, что негры были и в армии Ганнибала, занявшей Италию во время Второй Пунической войны (во всяком случае во вспомогательных войсках, например, в качестве погонщиков слонов — корнаков)⁸. Возможно, именно тогда римляне впервые познакомились с теми, кого позже в Риме стали называть „эфиопами”.

Этим словом, его иногда переводят как „обожженные лица”, долгое время называли всех выходцев из областей, расположенных к югу от Сахары, пока не стали различать среди них разные народы. Происходит это слово от греков, встретивших темнокожих людей в Египте, с которым Греция давно установила контакт. Позже греки стали привозить „черных” африканцев к себе, например, в Афины, превратившиеся в V в. до н. э. в настоящую империю в Эгейском море. Она поглощала множество рабов из „латинского мира” и с Ближнего Востока. По именам рабов иногда можно определить страну их происхождения, что позволяет выявить среди них, например, египтян, хотя определить таким путем их процент в общем числе рабов у греков невозможно⁹. Эти рабы использовались на различных работах. Самой тяжелой считалась добыча свинцово-серебряной руды в массиве Лаврион на юге Аттики. Работа велась самыми примитивными орудиями в узких галереях, освещенных чадившими масляными светильниками. На ночь рабов, как стадо, размещали в грязных загонах. Такие условия существования нередко приводили к крупным бунтам.

Судьба домашних рабов в городе представляется намного более терпимой. Доля таких рабов в общей численности городского населения, видимо, была довольно высокой, так как в те времена считалось признаком крайней нищеты не иметь в семье хотя бы одного раба. Черных рабов среди них встречалось мало. Они, скорее, были объектом, вызывавшим любопытство; Теофраст считал их демонстрацию признаком хвастовства: „(некто) совершал, — указывает этот автор, — свои выходы в сопровождении черного раба”¹⁰. Но способная личность и среди черных рабов могла выдвинуться, как, например, баснописец Эзоп,

который, как предполагают, был африканского происхождения.

Подобная картина рабовладения, но в значительно больших масштабах и намного разнообразнее, складывалась в Риме в последние века республики и в наступившем затем периоде империи. Продолжительные завоевательные войны привели к превращению в рабов значительного числа не только военнопленных, но и вообще масс населения, угнанного из побежденных стран.

Большинство таких невольников попадало на стран. Большинство таких невольников попадало на Апеннинский полуостров, где их число достигало нескольких миллионов. Использование рабов было крайне разнообразным: слуги и секретари в частных домах, рабочие в мастерских и т. д. Некоторые рабы жили в довольно благоприятных условиях, но многие — в очень тяжелых. Это прежде всего рабочие общественных служб, выступавшие на арене гладиаторы, рудокопы и, как правило, рабы в сельском хозяйстве.

Последняя категория становилась все более многочисленной, так как рабы заменяли свободных крестьян, забранных в римскую армию, и своим трудом обеспечивали продуктивность крупных поместий. Вся эта рабочая сила, как уже было отмечено, поступала благодаря завоевательным войнам Рима, охватившим все Средиземноморье, включая Северную Африку и Египет. Однако и в этом случае нет никакой возможности определить, какова была реальная доля африканских невольников во всей массе рабов Рима. Рабы из Африки, как и из европейских стран, поступали и после формального окончания войн, поскольку для Рима это отнюдь не всегда означало конец военных действий.

В 24—22 гг. до н. э. римский префект Египта Петроний отразил нашествие нубийцев, продвинувшихся до Асуана, отбросил их и, преследуя, дошел до их столицы Напаты, захватив множество пленных. Часть из них он продал, а тысячу рабов отправил в подарок императору Августу. Ситуация в Египте не была стабильной, и в последующие века дипломатические отношения между римскими оккупантами и южными соседями страны,

в частности блеммийми*, не раз нарушались военными конфликтами. Взятых в плен блеммий отправляли в Рим, где, как правило, они становились гладиаторами¹¹. Но, видимо, какая-то небольшая часть этих пленных оставалась в Египте. Именно для этого периода характерно развитие купли и продажи рабов в Александрии, в результате чего этот крупный город становится важным центром работорговли¹². Однако в данном конкретном примере речь идет еще не о работорговле, а о своего рода обмене слугами, поскольку экономическая система Египта в это время по-прежнему основывалась не на рабском труде и общее число рабов в стране, по-видимому, было довольно ограниченным¹³.

Границы Римской Африки находились под угрозой не только в Египте, но и в Ливии. Для того чтобы упредить возможные нападения, устраивались военные экспедиции, которые, вероятно, достигали района озера Чад, где могли захватываться в рабство черные африканцы¹⁴. Такие эпизодические захваты невольников сочетались с постоянным торговым грузопотоком, возросшим с началом использования во II в. н. э. верблюдов. Рим был более всего заинтересован в золоте из Судана, но наряду с ним, а также страусовыми перьями и карбункулами вывозились, конечно, и рабы. За них расплачивались тканями, посудой, металлическими изделиями¹⁵. Так начинали вырисовываться контуры той торговли невольниками, которая впоследствии получит огромный размах.

Аравия и завоевание Северной Америки

Мы уже упоминали Аксумскую империю как одного из экспортеров рабов в античное время. Только для этой страны есть отдельные сведения о работорговле в период между упадком Римской империи и зарождением ислама. Один из многочисленных регионов, с которым Аксум поддерживал торговые отношения, —

* Блеммий — древние кочевники в северо-восточной части Сахары (Нубийская пустыня), образовавшие племенные союзы. В правление династии Птолемеев служили в наемных войсках Египта. В VIII—IX вв. смешались с завоевателями-арабами.

Аравия, особенно такой ее важный центр, как Мекка. В ней находилось много эфиопов, купленных торговцами этого города на побережье Эритреи или у аксумских негодзиантов. Приобретенных рабов в основном использовали для домашних услуг или на тяжелых работах, но иногда их привлекали и к военной службе.

Курейшиты, населявшие Мекку, постоянно конфликтовали с соседними воинственными племенами, что, конечно, мешало торговле Мекки. Поскольку среди бедуинов имелись враждовавшие между собой группы, курейшиты заключали с некоторыми из них союзы для защиты от других групп. Для укрепления своих сил курейшиты использовали и эфиопов за их репутацию храбрых и сильных воинов — „широкочлечих негров”, воспетых в арабской поэзии.

В то же время к выходцам из Аксумской империи относились с подозрением, поскольку Аксум в то время владел Южной Аравией и тем самым представлял для остальной Аравии политическую угрозу. По этой причине рабов-эфиопов брали в войска в Мекке только в случае крайней необходимости, а по окончании военных действий стремились поскорее вернуть их к обычным работам. В других местах на Аравийском полуострове эфиопам, по-видимому, доверяли больше, так как из них разные царьки и эмиры набирали телохранителей. Роль этих воинов стала более значительной в VII в. Около тысячи их участвовало в завоевании Египта, что было не так мало, учитывая небольшую численность армии; появление среди наступавших эфиопов вызывало изумление и ужас у противника¹⁶.

Это завоевание составило часть молниеносной арабской экспансии, распространившейся после смерти пророка Мухаммеда в разных направлениях. Одно из последствий арабской экспансии на Африканском континенте — возобновление, а затем и расширение торговли рабами, на чем мы и остановимся подробнее. На первых порах работоторговля охватила два соседних с Египтом региона: Нубию на юге и Магриб на западе.

Нубия после падения империи Мероэ распалась на несколько царств, в которых распространилось христианство. Позже два из них, расположенные на севере и в центре Нубии, объединились в одно со столицей в Донголе. Жители этой страны сначала успешно защищались от нападений арабов, но, когда военное

давление усилилось, они предпочли „купить мир”, заключив в 652 г. соглашение, известное под названием „бакт”. „Вы должны ежегодно, — предписывали среди прочих требований победители, — поставлять иламу (халифу) мусульман 360 рабов, отобранных из невольников средней ценности в вашей стране, исключая слабосильных. В это число должны входить мужчины и женщины, стариков и малолетних не поставлять. Рабы должны передаваться в руки правителя Асуана”. Впоследствии эта дань возросла за счет дополнительных подношений различным лицам, участвовавшим в передаче рабов: 40 „голов” — правителю Египта, 20 — эмиру Асуана, 5 „голов” — главному судье этого города, выдававшему расписку о поступлении дани, по одному рабу каждому из 12 нотариусов, помогавших судье¹⁷.

Такая практика существовала, по-видимому, несколько столетий, а ее односторонние преимущества слегка смягчались тем, что мусульманская сторона как бы в обмен на рабов поставляла пшеницу, ткани, лошадей и даже, впрочем, иногда опровергается, вино. Мусульманам тем не менее удавалось так изменять сложившийся порядок, что работорговля значительно превысила объемы давно установленной дани. В Египте имели место разные формы торговли рабами. Они определялись правовыми различиями в продаже людей, попавших в рабство в результате военных действий, и тех, кто стал жертвой воровского разбоя на дорогах. Первые можно было покупать свободно, а торговля вторыми считалась „абсолютно незаконной”. Однако грань между этими группами рабов провести не так легко, особенно когда дело касалось женщин; один арабский историк писал о периоде, последовавшем за заключением „бакта”: „В это время у большого числа мусульман наложницами были нубийские рабыни”¹⁸.

Нубийские рабыни действительно всегда очень ценились за красоту, приветливость, умение ухаживать за детьми. Что касается мужчин-нубийцев, то их обычно привлекали к воинской службе, и дальше мы узнаем, насколько значительную роль играли нубийцы в египетской армии начиная с IX в. Их достоинства были вполне оценены, поскольку тогда во всем арабском мире бытовала поговорка: „Лучшие рабы — нубийцы”. Однако нубийцы бывали не только жертвами, но и

участвовали в набегах на жителей южных областей и использовали своих пленников сами или же платили ими контрибуции по „бакту”¹⁹. Именно таким путем работорговля продвинулась весьма далеко на юг, с чем, безусловно, связано начало нарастания потока экспорта рабов уже не только на север, но и в страны Персидского залива. Далее мы увидим, что в VII—IX вв. в Месопотамии на самых тяжелых работах использовались десятки тысяч рабов, которых называли „зенджи”. В арабских текстах это слово часто обозначало жителей восточного побережья Африки. Однако не всегда слово „зенджи” строго соответствовало такому узкому географическому определению. Оно могло относиться ко всем жителям Восточной Африки и даже вообще ко всем черным рабам.

Приходится констатировать, что свидетельства того времени почти ничего не сообщают об экспорте рабов с африканского побережья Индийского океана южнее Сомали. По этой причине мы можем искать источник массового вывоза рабов где-то в другом месте. Недавние археологические находки свидетельствуют о широких связях Аксумской империи с бассейном Среднего Нила, а это позволяет считать, что многие „зенджи” были выходцами из этих районов²⁰. Вывезенные через Африканский Рог, они следовали транзитом через Аравию по давно проторенному пути и затем попадали и в Месопотамию. „Бакт” в конечном счете, несмотря на всю его изначальную ограниченность, привел к быстрому нарастанию африканской работорговли в этом направлении.

Аналогичное явление происходило и на западе континента, когда началась арабская экспансия в направлении Магриба, хотя здесь имелись свои особенности. На жителей Барки в Киренаике наложили контрибуцию в 13 тысяч динаров, но победители потребовали выплатить ее детьми — мальчиками и девочками. Это был, однако, не типичный случай. Большое число рабов в виде дани арабы потребовали от двух крупных групп оазисов: в Уаддане, к югу от залива Сидр, и в Феццане. Древний арабский автор сообщает, что от каждой из них поступило по 360 рабов, но не указывает, за какой срок. Однако, судя по тому, что слово „дань” и число рабов буквально совпадают с условиями описанного выше „бакта”, речь, безусловно, идет о ежегодной дани. Современный же историк, прекрасный

знаток Западной Африки того времени, полагает, что обложенные данью жители оазисов должны были поставлять черных рабов. Это вполне правдоподобно, так как еще Геродот сообщал об аналогичных случаях в тех же районах. Видимо, древняя практика здесь как бы восстановилась с приходом новых завоевателей.

Экспансия арабов, как правило, сопровождалась и крупными захватами пленников в самом Магрибе. Например, двести берберских девушек, „исключительной красоты” и очень дорогих, были привезены в Египет одним арабским военачальником²¹. В подобных случаях речь шла уже не о регулярной дани, да и суть такого явления заключалась в другом: с вторжением пришельцев возникала база для крупной работорговли.

Военное проникновение арабов в Магриб не распространялось за пределы Сахары, но купцы пересекли пустыню и завязали торговые обмены с суданскими народами. Эти связи, активно продолжавшиеся до XIX в., принимали различные формы, но стали одной из главных особенностей истории этих областей. Зарождение транссахарской торговли восходит к античному времени, но подлинное ее развитие началось лишь с VIII в., когда сторонники секты хариджитов* — ибадиты, изгнанные из Кайруана, основали город Тахерт (нынешний Тиарет в Алжире), а их учение распространилось до Уарглы. Купцы этих двух городов, вероятно, добирались и до „петли Нигера”**, где занимались обменом соли на золото и рабов²². Оба „товара” — к ним можно еще добавить слоновую кость, эбеновое дерево и мускус — долгое время оставались основой суданского экспорта на север Африки.

Недолгое время оставался неосвоенным путь через Сахару, который можно назвать „центральной” по отношению ко всей Западной Африке. Далее же к восто-

* Хариджиты — старейшая секта политического толка в исламе, получившая особенно широкое распространение в Магрибе (Северо-Западная Африка), где они вместе с другой раскольнической мусульманской сектой — ибадитами — привлекли к своему учению часть местного берберского населения.

** „Петля Нигера” — условное название территории от Томбукту до Гао в излучине р. Нигер, где она меняет направление своего течения с северного на южное.

ку все те же мусульмане-ибадиты пользовались путем, несомненно существовавшим с доисторических времен, от Зауилы в Фещане до района озера Чад. Дальше мы еще вернемся к транссахарским связям, складывавшимся в этом районе.

Суданские империи

В рассматриваемый период через Сахару проложили еще один „западный” путь. Он шел из Марокко через долину Тафилалет на юго-востоке страны, где долгое время город Сиджильмаса служил для североафриканских купцов „воротами в страну черных”. От этого города дорога поворачивала на юго-запад и вела в империю Гана — крупное политическое образование в междуречье Сенегала и Нигера, переживавшее в то время эпоху своего расцвета*.

Обладая прямым доступом к месторождениям золота (Бамбук и Буре) в верховьях указанных выше рек, империя Гана быстро стала известной арабам и сильно привлекала их. Главный письменный источник, которым мы располагаем по этому вопросу, — донесение арабского географа ал-Бакри. Он дал общую картину Ганы и, в частности, описал город Аудагост, рассказав о богатстве его жителей, проявлявшемся среди прочего и во владении „многими рабами”. Некоторые, утверждал автор, имели „до тысячи рабов и более”²³. Цифра не преувеличена, но поскольку она явно превышает потребности домашнего хозяйства, то предполагает широкое использование рабов для возделывания земли и добычи золота.

Приведенные сведения предполагают также торговлю рабами, но ал-Бакри о ней ничего не сообщает. Ничего не говорится о работорговле даже при упоминании военных действий, предпринимавшихся соседями Ганы — мусульманами из Силлы (в среднем течении

* Гана — государственное образование в Западной Африке, существовавшее в IV—XIII вв. на территории современных Мали и Мавритании. К XIII в. потеряло независимость и вошло в состав исламизированных средневековых государств, возникших в этой части Африки. В 1957 г. бывшая английская колония Золотой Берег, провозгласив независимость, приняла древнее название Гана.

Сенегала) против „черных язычников”²⁴. Можно ли сделать вывод, что она вообще не имела места? Это трудно предположить, поскольку известно, что продажа военнопленных была тогда общепринятым делом. Такое предположение к тому же противоречило бы данным современника ал-Бакри, уточнявшего, что большинство черных рабов, продававшихся в мусульманском мире, происходили не из нильских стран, а из Западной Африки ²⁵, где самый оживленный торговый путь шел через Гану. Поэтому какая-то часть африканских рабов обязательно должна была проходить этим путем. Именно с ними, безусловно, связано происхождение „черного населения”, жившего тогда на заболоченной и нездоровой равнине Гарб в Марокко. „Там могли жить только негры”, — сообщает ал-Бакри, и появление среди них белого человека вызывало удивление и любопытство²⁶. Но черные рабы вывозились и еще дальше. Среди женщин, привезенных из Судана, выбирали самых красивых и отсылали их в сопровождении евнухов к аббасидским принцам в Багдад и к другим знатым вельможам. Надо заметить, что в этом направлении тогда отсылались не только черные рабы, но и рабы-европейцы²⁷.

Империя Гана погибла в XI в. под ударами Альморавидов, пришедших с территории нынешней Мавритании. Торговые связи, которые до этого были, по-видимому, довольно широкими, прекратились. Аудагост терял свое значение, и в XII в. географ Идриси описывает его уже как „маленький городок в пустыне, где мало воды”²⁸. В стране воцарилась анархия. Принявшие мусульманство жители Ганы так же, как их единоверцы из Теркура (Фута-Торо) и Силлы, регулярно совершали набеги („раззия”) на языческое население с целью захвата рабов. Всех язычников-анимистов называли „ламлам”, т. е. „неверными”, которых вера разрешала обращать в рабство. Эти племена считались плодовитыми, и потому их рассматривали как неистощимый источник новых рабов²⁹.

Для жертв набегов находили покупателей среди купцов из Магриба, приезжавших, несмотря на распад империи Гана, еще „в большом числе” на ее земли³⁰, откуда устремлялись и в другие регионы³¹. Это купечество в то время получило действительно огромный рынок, так как Альморавиды, продолжая свою экспансию, завоевали Марокко и западную часть Алжира,

а затем в ответ на призыв о помощи живших в Испании арабов, атакованных кастильцами, подчинили себе и эту страну. В результате владения Альморавидов простерлись от Сенегала до берегов Тахо. Именно в это время на юге Испании число суданских рабов, которых ранее было здесь довольно мало, резко возросло³².

В XIII в. в Западной Африке сложилось другое крупное политическое образование — империя Мали*; в период своего расцвета она простиралась от Атлантического океана до города Гао. Торговля рабами была, по-видимому, очень широко распространена в империи. Арабский историк XIV в. утверждал: „Король этой страны (мусульманин) постоянно ведет святую войну и непрерывно участвует в походах против своих соседей — негров-язычников”³³. Часть пленных включалась в личную прислугу монарха и его приближенных. Численность такой прислуги, по-видимому, была довольно значительной, если принять на веру сообщения о свите (около 10 000 человек), сопровождавшей Мусу, императора Канкана, во время его знаменитого паломничества в Мекку в 1324 г.

Другие работы, на которых использовали рабов, были куда более тяжелыми: добыча золота — источника богатства и мощи империи³⁵, или соли — важного предмета товарообмена. Но часть захваченных при набегах рабов вывозилась, и число таких невольников могло быть довольно значительным. Известны два главных направления вывоза рабов из Мали. Первое — на север; по нему, например, шел караван, насчитывавший „около шестисот девочек-рабынь”, с которым двигался в Марокко знаменитый арабский путешественник Ибн Баттута в XIV в.³⁶. Второе — в Египет, где в 1275 г., по сообщению арабской хроники Макризи, после военной экспедиции было продано 10 000 суданцев³⁷. Они происходили из принильских районов, а указанная цифра свидетельствует о большом спросе

*Мали — государственное образование в Западной Африке, существовавшее в VIII — XVII вв. на территории современных Гвинеи и Мали. Первоначально находилось в зависимости от Ганы, но к XIII в. Мали само подчинило значительную часть своего бывшего сюзерена. В 1660 г., после провозглашения независимости колонии Французский Судан, новая африканская республика приняла древнее название Мали.

на рабов, что привлекало работоторговцев. По словам уже упоминавшегося Омари, именно рабы были источником „доходов, которые он (император Мали) получал от набегов на землю язычников”³⁸.

Таковы известные нам примеры большой распродажи рабов в Египте. С образованием империи Мали произошло смещение транссахарских торговых путей, сходящихся в районе „петли Нигера”. Путь из Марокко переместился к востоку. Другие караваны двигались с юго-запада на северо-восток, прямо связывая Западную Африку с Египтом. Торговля по этому пути стала столь же оживленной, что и по первому, которому купцы оказывали предпочтение раньше. Это относилось и к торговле рабами: их вывозили и той и другой дорогой. В эпоху расцвета империи Мали какое-то число рабов, несомненно, поступало в эту страну и с востока. Так, во время знаменитого паломничества Мусы, он сам и его приближенные, проезжая через Каир, покупали там местных „певиц”³⁹. При дворе малийского монарха находились также „около тридцати турок-пажей, купленных для него в Каире”⁴⁰. Ибн Баттута в одной деревне на Нигере, чуть выше Томбукту, встретил паломника, имевшего раба-араба, родившегося в Дамаске и, безусловно, тоже купленного в Египте⁴¹. Но поступление рабов с востока было все же очень незначительным и сводилось к немногочисленным невольникам, купленным для престижа королевского двора или даже ради простого любопытства. Этот небольшой приток рабов не шел ни в какое сравнение с их оттоком в обратном направлении.

Империя Мали пришла в упадок в XV в., и ее завоеватель *сонни* (правитель) Али создал в 1464 — 1492 гг. на руинах старой империи новую — Сонгай (или Гао)*, которая занимала примерно ту же территорию, что и ее предшественница. Али продолжал сложившуюся в Мали практику депортации завоеванного населения. Она получила наибольший размах в ходе военных кам-

*Сонгай (Сонгаи, „империя” Гао) — государственное образование в Западной Африке, существовавшее в VII — XVII вв. в восточной части „петли Нигера” (в основном на территории современного Мали). При правлении Али Бера (Али Велико-го), носившего титул „сонни”, Сонгай достигает расцвета (1464 — 1492). Последующие правители Сонгай носили титул „аския”. Столица — Гао.

паний, особенно многочисленных при *аскии* (императоре) Мухаммеде (1493 — 1528). Эти кампании были направлены главным образом против народа моси, но захватывали и другие районы, например, Галам в верховьях Сенегала, где жили сонинке⁴², или же район Гобер к востоку от нынешней республики Нигер⁴³.

Такие военные экспедиции продолжались и при преемниках Мухаммеда⁴⁴. Набеги совершались на племена анимистов, и если принятие ими ислама могло спасти некоторых пленников от рабства⁴⁵, то, как мы увидим ниже, это происходило, безусловно, далеко не всегда. Большинство пленников становилось рабами. Впрочем, не так редки были случаи, когда побежденные сами добровольно шли в рабство к победителям, так как все равно оставались без средств к существованию в краю, разоренном войной⁴⁶.

Вывоз пленников проводился иногда выборочно, в соответствии с конкретными запросами. Так, *аския* Мухаммед, захватив один город в Масине, вывез для себя и для своего брата пятьсот каменщиков⁴⁷, а его сын Дауд забрал себе из числа пленных после одной военной кампании много певцов⁴⁸. Но бывали и депортации более многочисленных групп населения, иногда целых племен, названных одним автором того времени „кабальными”. Этот автор насчитал до 80 таких племен. Они оказались в такой кабале, вероятно, в более раннее время, т. е. в эпоху империи Мали. Каждое из этих племен выполняло особую трудовую повинность и выплачивало оброк в соответствии с нею. Одни занимались земледелием и поставляли продовольствие; другие (из их числа брали конюхов для королевских конюшен) пасли лошадей; третьи, жившие на Нигере, поставляли вяленую рыбу, а также держали наготове пироги с гребцами для государственных нужд; четвертые выделяли прислугу для монарха и его приближенных, и, наконец, пятые изготавливали оружие — копья и стрелы, требовавшиеся для часто воевавшей армии.

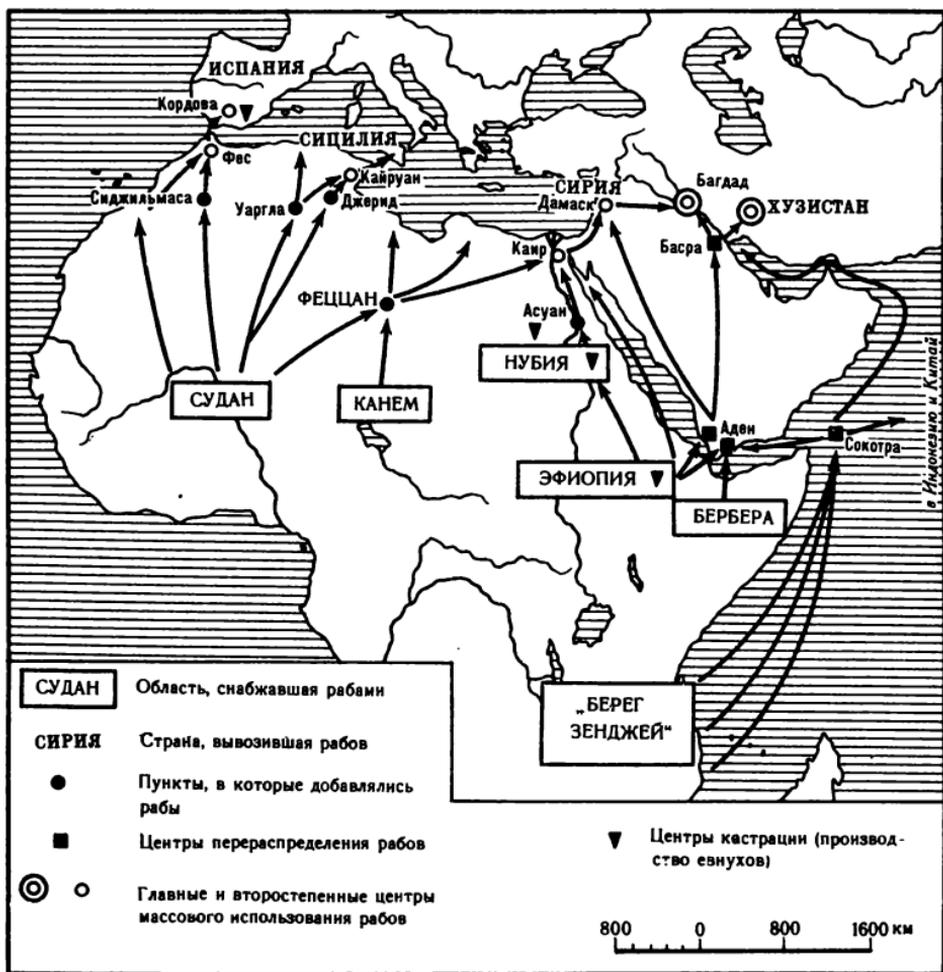
Надо отметить, что это кабальное население обычно эксплуатировалось вполне умеренно. Заранее определялся размер оброка, и, помимо него, ничего более с населения не требовали. Иногда даже и оброк не выплачивался полностью, если для этого действительно не было реальной возможности. В подобных случаях речь идет, скорее, не о полном рабстве, а о за-

крепощении или просто о выплате побежденными дани⁴⁹. Однако в одном из таких племен, находившемся в личном владении монарха, существовала и более тяжелая форма кабалы. Речь идет о „зенджах“; это слово мы уже встречали в другом контексте, в данном же случае оно обозначает вполне определенную группу населения. Зенджи были своего рода резервом людского фонда для монарха, который использовал этот резерв, чтобы одаривать (иногда целыми деревнями) своих вельмож⁵⁰ или иностранных монархов, например правителя Марокко⁵¹.

В принципе кабальные племена должны были выполнять свои подневольные обязанности лишь в пределах государства. Но на практике они порой оказывались в кабале и вне его пределов, так как аския иногда собирал людей из разных племен, чтобы, например, выменять их на лошадей из Северной Африки⁵². Впрочем, такие случаи были довольно редки. Однако торговля рабами совершенно иной размах приобретала в восточных районах, куда свозили пленников, захваченных при набегах на поселения анимистов, живших восточнее и южнее Сонгай. Так возникли крупные рынки рабов в Томбукту⁵³ и в Гао⁵⁴.

Отсюда на север шла дорога на Туат, ставшая в эпоху империи Сонгай главным путем через Сахару. Туат и далее на северо-востоке Уаргла служили важными центрами перераспределения товаров, где встречались купцы, специализировавшиеся на транссахарской торговле, с торговцами из Берберии (Северная Африка). Часть привозимых рабов оставалась в этих центрах, например в Уаргле, где черные женщины были в таком большом числе, что население здесь оказалось сильно смешанным с негроидами⁵⁵. Большинство же рабов отправляли дальше: в Тунис (но, как будет показано ниже, рабы сюда поступали в основном по восточному пути); в Алжир, где ежегодно дей столицы получал тридцать черных рабов как „подношение“ от правителя Уарглы⁵⁶; безусловно, в Тлемсен — крупный в то время политический и торговый центр, очень тесно связанный с Суданом⁵⁷. Но основной поток рабов по этому направлению шел в Марокко, куда рабы поступали также по западному пути от мавританского побережья, в частности из Аргена и Сенегала. В Марокко мавры и арабы приобретали ценные товары, привозимые с севера (лошадей, изделия из

шелка и т. п.), расплачиваясь за них „большим числом невольничьих голов” и при этом рискуя самим оказаться похищенными португальцами, начавшими появляться в этих местах⁵⁸.

Торговля черными рабами в средневековье

В Марокко таким образом поступало немало рабов, и на юге страны возникли многочисленные невольничьи рынки: в Тадле, к северо-востоку от Марракеша⁵⁹; в Тафилалете, который по-прежнему, несмотря на упадок Сиджильмасы, часто посещали купцы⁶⁰; по всему верхнему течению уэда Дра, служившему еще одним проходом в Марокко с юга между Марракешем и Туатом⁶¹; наконец, в Сусе, где по берегу Атлантического океана тоже есть проход на север в Марокко, аналогичный долине уэда Нун, расположен-

ной несколько южнее⁶². Во всех этих местах возникала такая концентрация „черных“, что и здесь тоже происходило заметное их смешение с местным населением. Впрочем, это было характерно и для многих других центров торгового обмена с внутренними районами континента.

Столицей Марокко до первой четверти XVI в. был Фес; это объясняло его привилегированное положение в стране. Именно здесь султан принимал дань, в том числе и такую, как от вождя области Танзит на узде Дра, — сто рабынь и несколько десятков евнухов. Вместе с ними посылались экзотические животные и разные ценные предметы. Черных рабынь можно было увидеть повсюду в городе: большинство служанок в банях были негротянками, да и вообще черная прислуга считалась здесь столь обычной, что даже в домах скромного достатка полагалось включать в число свадебных подарков черную рабыню⁶³.

Таково было положение рабынь, но рабов-мужчин ожидала более тяжелая участь: прежде всего они были нужны для работы на обширных плантациях сахарного тростника, расположенных в разных районах страны (Сус, Хауса к югу от Марракеша, окрестности Эс-Сувейры). Возделывание плантаций, сбор и размельчение тростника, получение из него сахара — все это требовало многочисленной рабочей силы. Именно ее составляли в основном черные рабы⁶⁴, с которыми впоследствии оказались связаны многие важные события.

В рассматриваемый период сахар обеспечивал Марокко треть его доходов, став главным предметом экспорта в обмен на европейские товары. Развитие производства столь важного продукта оказалось под угрозой в XVI в. с приходом к власти династии Сааидов. После захвата ими Марракеша в 1525 г. они, проводя свою линию политического укрепления и экономической экспансии, овладели Туатом, а затем и соляными копиями Тегаза в пустыне. Соль из этого месторождения была основным предметом торгового обмена с Суданом. Экспансия в направлении Тегазы имела поэтому целью подчинить себе всю транссахарскую торговлю, однако достигнутые успехи могли полностью утратить свое значение из-за начала упадка внутренней экономики Марокко.

Военные столкновения, сопровождавшие воцарение новой династии, привели к запустению плантаций сахарного тростника и разрушению большинства предприятий по его переработке. Когда на трон в 1578 г. взшел Ахмед аль-Мансур, он занялся восстановлением сахарного производства, чтобы обеспечить расширение соответствующих товарообменов. Но для этого опять потребовалось множество рабочих рук, а найти их было негде, кроме как в традиционных местах захвата невольников — в районах к югу от Сахары. А еще более надежным представлялось овладеть этими местами, а потому, продолжая политику экспансии своих предшественников, Ахмед аль-Мансур решил завоевать Судан. Такое решение, видимо, преследовало далеко идущие планы, но совершенно очевидно, что один из них — восстановление численности рабов, необходимых для сахарного производства⁶⁵. В 1591 г. армия паши Джудера с большими трудностями пересекла пустыню и легко одержала победу над войсками Сонгай у Тондиби. Это привело к падению империи Сонгай и установлению господства Марокко в районе „петли Нигера”. В результате участились набеги за рабами, что, в свою очередь, вызвало рост предложения на невольничьем рынке в Томбукту и резкое падение здесь цен на рабов⁶⁶. Эта тенденция стала почти постоянной, даже усиливалась, так как возрастало число рабов, поступавших к султанам Марокко в качестве дани. В 1599 г. Джудер вернулся в Марокко и привел своему властелину большой караван с предметами роскоши и „большим числом” (впрочем, не уточненным) рабов — мужчин, женщин, евнухов⁶⁷. Его преемник, Махмуд, успешно подавлял восстания, захватывая при этом много невольников и доставляя их султану. Только в одном из его невольничьих караванов насчитывалось 1200 рабов⁶⁸ (в спешке не очень-то разбирали, кто из пленных язычник, а кто мусульманин).

В конце концов дело дошло до того, что жители Туата, „потрясенные числом рабов, проводимых через их оазис”, и тем, что среди невольников не делали различия по религиозным признакам, обратились за разъяснением к проживающему в Томбукту и пользовавшемуся большим авторитетом правоведа Ахмеду Бабе. Он подтвердил принцип, что всякий мусульманин — свободный человек. Что же касается „неверных”,

го они могут быть обращены в рабство только в результате истинной „священной войны” — джихада, то есть войны, начатой „за божье дело” в соответствии с законами и лишь после того, как мирные переговоры окажутся безуспешными. Во всех остальных случаях ислам считает обращение в рабство незаконным, и, если неизвестна причина, по которой человек стал рабом, продажа его противоречит закону. В реальной жизни все происходило иначе, и Ахмед Баба вынужден был признать, что при набегах за рабами часто не проводили различия между мусульманами и язычниками, не соблюдая никаких норм мусульманского права. „Эта торговля рабами, — заключил он, — одно из самых больших несчастий нашего времени”⁶⁹.

Господство Марокко над районом „петли Нигера” продолжалось недолго, а те из завоевателей, кто осел здесь, быстро смешались с автохтонным населением. Как же это сказалоь на работорговле? Шел уже XVIII век — из-за нехватки источников информации „темный” период в истории Западной Африки, во всяком случае, ее внутриконтинентальной части. Сведения, дошедшие до нас об этом времени, относятся в основном к прибрежным районам, где с XV в. все чаще стали появляться европейцы. Они занимались здесь торговлей, которая быстро свелась главным образом к вывозу рабов, о чем подробнее будет рассказано во второй части книги. Но было бы интересно сейчас проследить влияние этого нового явления на транссахарскую работорговлю. Продолжалась ли она в ущерб прибрежной торговле или же, наоборот, сочеталась с ней, не мешая ей? Один факт позволяет склониться ко второму предположению.

В конце XVII и в начале XVIII в. знаменитый султан Марокко Мулей Исмаил создал большую армию из черных солдат, в которой „одновременно выполняли приказы” 12 000 человек⁷⁰. Трудно сейчас уточнить, в какой степени это войско пополнялось харратинами — жителями южных провинций — и суданцами, доставленными через пустыню⁷¹, но, по-видимому, по давней традиции, последних было немало. Это тем более вероятно, что, несмотря на широко распространенное мнение, транссахарская торговля не пришла в упадок с исчезновением империи Сонгай; рабы, золото и слоновая кость продолжали занимать видное место среди товаров, поступающих из Судана в Марок-

ко⁷². Число рабов вполне могло уменьшиться, так как больше не было нужды в рабочей силе для плантаций сахарного тростника, пришедших в полный упадок из-за конкуренции сахара, привозимого из стран Нового Света.

Центральный Судан

В то время как в Западном Судане сменяли друг друга великие империи, постоянно связанные торговлей с Северной Африкой, другой торговый путь, соединявший область озера Чад с Триполитанией через центральную часть Судана, тоже отличался заметной активностью. Центр перераспределения товаров на этом пути находился в Завиле, в Феццане — области древних гарамантов. Именно здесь обосновались купцы-ибадиты, пользовавшиеся в течение всего периода, соответствующего европейскому Средневековью, большой известностью в мусульманском мире потому, что продавали много рабов⁷³.

Этот торговый путь упоминается уже с IX в., и к тому же иных товаров, кроме рабов, арабские историки на этом трассахарском пути не видели. Посредниками служили жители Кавара, расположенного на полпути между Феццаном и озером Чад⁷⁴. Сначала для организации набегов за пленниками обращались к помощи воинственных племен, какими были в то время канури. А через три столетия сами канури создали в Канеме (на северной оконечности озера Чад) довольно мощное государственное образование, простиравшееся на севере до Феццана и включившее Кавар с соляными копами Бильмы.

Владея, таким образом, ценнейшим товаром и важным путем в транссахарской торговле, новое государство смогло развивать широкие торговые связи, в том числе вывоза в разных направлениях рабов. На западе их обменивали на медь, добытую в Такеде к северу от Гао⁷⁵. Севернее Завилы торговый поток распадался. Один путь вел в Марокко, куда отсылалось „очень большое число детей“⁷⁶, другой — в Тунис, где династия Заридов нуждалась в значительных контингентах черных воинов для войн с Фатимидами из Каира. Рабы вывозились в Тунис и после завоевания его Альмохадами из Марокко⁷⁷. Еще один работорговый

путь вел в Египет, и с ним связаны серьезные конфликты.

Правившая в Канеме династия приняла ислам еще в конце XI в. и совершала набеги на анимистов, живших южнее в районах, заселенных столь густо, что ряд авторов называли их настоящими „питомниками рабов”⁷⁸. Но в XIV в. наступил упадок Канема, вызванный междоусобицами. Канем потерял часть своих владений и не мог больше устраивать набеги. Приезжавшие с севера арабские купцы были недовольны уменьшением числа рабов, предназначенных для продажи, и, пользуясь нараставшей в стране анархией, сами начали захватывать в неволю даже принявших мусульманство подданных Канема. Это приняло настолько большой размах, что король Канема даже послал официальный письменный протест египетскому монарху⁷⁹.

Упадок Канема не привел к исчезновению его правящей династии. Она лишь перебралась на другой берег озера Чад, в Борну (северо-восточнее современной Нигерии), где возникло новое государство, достигшее расцвета в XVI в. Об этом периоде сообщают хроники, авторы которых оставили довольно подробные сведения о Борну. Так, в начале XVI в. Лев Африканский дал описание того, как здесь происходили основные торговые сделки. За привезенные с севера товары рассчитывались главным образом рабами: например, за одну лошадь давали 15—20 человек. Лошади вообще высоко ценились правителями Борну, желавшими завести у себя кавалерию. Используя приобретенных указанным путем животных, устраивали новые набеги на соседние с Борну области, чтобы захватить там столько невольников, сколько требовалось для расчета за очередную партию лошадей. Подобные набеги длились порой по несколько месяцев, и привезшие лошадей купцы вынуждены были дожидаться возвращения правителя с пленниками для окончательного расчета⁸⁰.

Какая-то часть уведившихся на север через Сахару невольников (оценить которую теперь невозможно) вообще вывозилась за пределы Африки через порты Мисурата (восточнее Триполи) и Киренаика. Последний, по-видимому, стал довольно крупным поставщиком „живого товара” для европейских стран Средиземноморья: христианской Испании (ранее мы упо-

минали о вывозе в предшествующие века рабов в мусульманскую часть этой страны), Южной Франции, Италии. В указанные страны рабов завозили издавна, но раньше это были преимущественно „склабы” (или славяне), которых привозили с Балканского полуострова, но еще больше из Причерноморья. Однако после взятия турками в 1453 г. Константинополя всякая связь с этими областями оказалась нарушенной, и все внимание работорговцев обратилось на Африку.

В XV—XVI вв. число черных рабов в Европе, которое ранее было довольно незначительным, стало быстро расти. Эти рабы оказались сосредоточены главным образом в городах Испании — Барселоне, Валенсии и Севилье, в таких областях Франции, как Руссильон и Лангедок, на Сицилии и в Италии — в Неаполе и Венеции. Некоторые данные о числе черных невольников в этих местах можно выявить в скрупулезно составленных нотариальных актах, фиксировавших куплю-продажу рабов. В них указывалось, в частности, откуда были невольники. Наиболее часто упоминались горы Барка в Киренаике, но в Испанию рабы поступали также из Марокко, а в Италию — из Туниса и Египта⁸¹.

Черные рабы, вывозимые через Средиземноморье, попадали, кроме того, и в Турцию⁸², все больше привлекая торговцев. Став хозяином на Балканском полуострове, Османская империя начала наращивать свою экспансию в Северной Африке, завоевав в 1517 г. Египет, а в 1551 г. — Триполи. Возникло напряжение в отношениях с Борну, обеспокоенным стремлением новых хозяев на Средиземноморском побережье распространить свою власть и на Феццан. Борну издавна претендовало на господство в этой области, и, чтобы создать противовес османскому давлению, Идрис Алома (царствовавший в Борну более тридцати лет в конце XVI в.) завязал тесные отношения с Марокко, также видевшим для себя угрозу в османском закреплении в Алжире. Связи Борну с Марокко проявлялись среди прочего и в отправке туда рабов. В это время жителями Туата — важного транзитного пункта на пути в Марокко — отмечалось прибытие „большого числа людей из Борну”⁸³.

Однако Идрис был заинтересован и в своих новых соседях на севере, снабжавших его армию ружьями. По этой причине торговые связи с севером все-таки

развивались, и, как указывает один автор той эпохи, „многочисленные турки” наезжали в Борну, чтобы „сколотить состояние”⁸⁴. Такое выражение, исходя из особенностей эпохи, несомненно, означало приобретение большого числа рабов, торговля которыми здесь все расширялась.

В следующем столетии отношения Борну с Османской империей носили более официальный характер, включая обмен посольствами, привозившими по традиции богатые подарки. Посольства, отправлявшиеся в Триполи, всегда привозили черных рабов и евнухов. Паша, в свою очередь, должен был посылать в Борну „равноценные подарки”. Одна из таких „посылок” привлекает особое внимание, так как кроме двухсот лошадей она включала „пятнадцать молодых европейцев-вероотступников”⁸⁵. Мы уже упоминали о „восточных невольниках”, попадавших в самое сердце Африки, нечто подобное было и в этом случае. Но все же надо подчеркнуть, что тут речь идет о „вероотступниках” (ренегатах), то есть явно о христианах, перешедших в мусульманство. Однако принятие религии хозяев не спасло молодых невольников от превращения в предмет товарообмена, пусть даже в предмет роскоши.

К западу от Борну возникали государства хауса*. Они значительно позже включились в систему транссахарских связей, так как находились в стороне от главных их путей. Они пересекали пустыню на довольно большом удалении от государства хауса. Однако в XV в., после того как севернее территории, населенной хауса, возник крупный центр караванной торговли — Агадес, положение изменилось. Благодаря этому у хауса наладились прямые контакты с Северной Африкой. Помимо проникновения ислама в страну хауса, что, безусловно, произошло в ту же эпоху, новые

* Хауса — многочисленный народ в бассейне р. Нигер. В XIII—XVI вв. на этой территории сложились небольшие раннефеодальные государства хауса: Кано, Качина, Зария и др. С XIV в. шла их быстрая исламизация, а с XV в. они оказались в зависимости от Мали и Сонгай. После падения Сонгай некоторые государства хауса в XVII—XVIII вв. переживали короткий, но бурный расцвет. К XIX в. большинство хаусанских государств оказались подчиненными халифату Сокото, возникшему на территории современной Северной Нигерии.

контакты способствовали развитию ряда городов, до этого прозябавших в изоляции. Теперь же в них за крепостными стенами стали селиться выходцы из самых разных мест, и города хауса постепенно становились активными центрами политической и экономической жизни. Таких городов насчитывалось семь, но наиболее крупными были два — Кацина и Кано. Последний больше известен благодаря старинным хроникам.

У Кано, безусловно, была долгая история, и его территориальная экспансия восходит еще к XI в. В середине XV в. произошел решающий скачок в развитии Кано, вызванный деятельностью энергичного „галадимы” (визиря, или дворцового правителя). Хроника рассказывает о том, как он в течение семи лет подряд опустошал лежавшие к югу от города области, населенные анимистами. Приобретя таким образом значительное число рабов, он расселил их в тридцати одной деревне по тысяче человек в каждой и в строго равном соотношении мужчин и женщин (пятьсот и пятьсот) для обеспечения высокой рождаемости. Надо учесть также, что много рабов отправлялось „сарки” (королю), которому галадима по окончании всей кампании привез в подарок еще три тысячи невольников. За это он был удостоен титула „мощь города”⁸⁶. Естественно, что такой приток живой силы стал решающим фактором в политическом и экономическом укреплении государства.

Невольников использовали прежде всего в сельском хозяйстве, а также в качестве носильщиков на новых торговых путях. Кроме того, рабы существенно укрепляли армию либо как солдаты, либо становясь „платежным средством” за лошадей для кавалерии, позволявшей предпринимать еще более крупные набеги за невольниками. Сначала они совершались в районы, населенные анимистами, а позже не щадили и мусульманские. В XVI—XVII вв. города-государства хауса часто вели борьбу друг с другом, например, Кано и Кацина. Такие войны тоже сопровождалась захватом пленных, которых, как и любых других невольников, продавали и вывозили⁸⁷.

Требования религии оказались бессильными против интересов работорговли. Характеризуя ситуацию, сложившуюся в то время в Борну и в государствах хауса, один из нигерийских историков прямо пишет, что „душой торговли” были рабы, а торговля стала глав-

ным фактором во всех аспектах развития государства⁸⁸. Когда господствовали ее интересы, другие соображения отступали.

Говоря об этих районах Центрального Судана, нельзя обойти молчанием особый вид работорговли — продажу евнухов. Пользуясь часто употребляемым выражением, можно даже сказать, что здесь находился центр их „производства“. Такая репутация была у Борну⁸⁹, но, по-видимому, она еще более характерна для страны хауса. Особая „специализация“ этих областей была подмечена еще в XI в.⁹⁰. Затем, безусловно, в ходе преобразования городов в своеобразные государства, расширявшие свои торговые связи, она еще больше усилилась. Так, отмечается, что в XVI в. в Кано „стало очень много“ евнухов⁹¹ и в свиту сарки, совершавшего выезд, входила по меньшей мере сотня евнухов⁹². Мощная соседняя империя Сонгай не отставала в этом отношении. Во время победоносного похода на Гобер (одно из государств хауса) аския Мухаммед приказал оскотить внуков побежденного короля и взять их в качестве слуг в свой дворец⁹³. Эту деликатную операцию произвели компетентные местные специалисты. Кастрированные пленники оказались не в одиночестве во дворце аския, они присоединились к многочисленным евнухам, охранявшим огромный гарем⁹⁴. Позже, в 1584 г. один из преемников Мухаммеда, отправляя султану Марокко ценные подарки, включил в них среди прочего 80 евнухов⁹⁵ — весьма внушительное и в то время число для этого „предмета роскоши“. Подобный размах стал, вероятно, возможен лишь потому, что империя Сонгай достигла в то время своего апогея и, подчинив часть районов хауса, обеспечила тем самым постоянное поступление оттуда евнухов.

Египет и Восточный Судан

Мы уже знаем, что Восточный Судан (тогда еще христианская Нубия) был обложен ежегодной данью, выплачивавшейся рабами, и как быстро все это переросло в работорговлю. Она приобрела широкий размах, и с IX в. черные невольники, поставлявшиеся Египту, например, для службы в армии, исчислялись десятками тысяч⁹⁶. В то же время, по свидетельству

географа XII в., как мы уже отмечали, очень большим спросом в Египте пользовались нубийские женщины, считавшиеся самыми красивыми и умелыми наложницами; Идриси писал: „Все египетские принцы желают их иметь”. Нубиек доставляли даже визирю в Испанию. По этим причинам они продавались очень дорого⁹⁷. Но в данном случае речь идет все же о торговле невольниками, предназначенными для зажиточных людей, т. е. об особом виде работорговли. Какой же характер она имела в широком плане?

Ответ на это мы находим у другого арабского географа, которого мы тоже уже упоминали, — Бакри. Он сообщает, что в Абу-Мине, городе в Верхнем Египте, где имелись изображения представителей самых разных профессий, встречаются и изображения торговца рабами, „в окружении предметов своей торговли” и с дырявым кошельком, по-видимому символизирующим, „что торговец рабами никогда не накопит состояния”⁹⁸. Но эту ремарку Бакри можно понимать по-разному. С одной стороны, можно сделать вывод, что продажа рабов была столь ограниченной, что оказывалась нерентабельной. С другой — речь, видимо, идет все же о достаточно широко распространенном занятии, если оно все-таки изображено в ряду прочих профессий. А может быть, совсем наоборот — таких торговцев настолько много, что не каждому удастся отхватить достаточно большую долю даже при значительном объеме этой торговли?

Если верно первое предположение, то объем работорговли был незначительным весьма недолгое время. Уже в XIV в. в результате повторного нападения Египта на Нубию она попала под его власть и в ее столице Донголе делами стал управлять губернатор-мусульманин. Выплата дани Египту продолжалась, но, безусловно, в еще более тяжелых условиях, так как страна была завоевана. Дань по-прежнему состояла в основном из рабов⁹⁹, но их вывозили в Египет немного больше. Историк того времени Ибн Хальдун так характеризует население Нубии: „Именно из него набираются рабы”¹⁰⁰. Эти слова отражали реальное положение вещей и указывали на то, что поставки рабов действительно выходили далеко за пределы установленной дани. Свидетельство историка подтверждает постоянный и больший, чем из других мест, экспорт рабов из Нубии.

Эти рабы поступали из районов, примыкавших к собственно Нубии с юга: Дарфура, Кордофана, Сенна-ра. Последнее название носила столица королевства фунгов, созданного этим негроидным населением в XVI в.* Их государственное образование на Голубом Ниле впоследствии сильно расширилось. Набеги в его пределы за рабами совершались особенно часто, так как приобретение рабов обходилось недорого, и именно это привлекало египетских купцов. По свидетельству одного путешественника, они тут „ежегодно покупали большое число рабов”¹⁰¹. Сеннар, кроме того, стал перевалочным пунктом для невольничьих караванов из более отдаленных областей, включая Эфиопию.

Автор XII в. сообщает, что местные жители имели здесь привычку даже красть друг у друга детей и продавать их купцам, отправлявшим затем детей в Египет по суше или морем¹⁰². Надо ли понимать указание о „детях” как некое свидетельство того, что именно они занимали основное место в работорговле? Для того времени это вполне возможно, но через несколько веков возрастные рамки рабов, пользовавшихся спросом, явно расширились, поскольку есть свидетельство о том, что в Каир в период паводков на Ниле, когда облегчалась навигация, привозили на продажу „много молодых и старых мавров из Эфиопии”¹⁰³. Спрос на них действительно был велик, так как эфиопов высоко ценили за трудолюбие, энергичность и верность. Эти качества, между прочим, давали возможность некоторым из них впоследствии занимать значительные посты.

Итак, Нубия была главным, а долгое время и единственным источником ввоза рабов в Египет. Постепенно появлялись новые пути поступления рабов в Египет, связанные с возникновением Мали в Западном Судане и Канема в Центральном Судане. Особенно оживленными были караванные тропы, пересекавшие Сахару наискось и обеспечивавшие непосредственную

* Дарфур — обширное нагорье на территории Судана; с XVI в. — султанат, завоеванный в XIX в. Египтом. Кордофан — историко-географическая область между Дарфуром и Белым Нилом, в XVI в. была покорена Сеннаром. Сеннар — султанат на юге современного Судана, возникший в XVI в. на землях покоренных фунгами; с начала XIX в. попал под власть Египта.

связь указанных государств с дельтой Нила. По этим путям каждый год двигались также караваны паломников в Мекку. Проезжая через Каир, паломники нередко для покрытия дорожных расходов продавали черных рабов, специально взятых для этой цели. Мы уже приводили пример с паломничеством главы Мали Канкана Мусы. Это не единственный случай, и в XVII в. монарх Борну вез с собой более 7000 рабов¹⁰⁴.

Монархи, безусловно, путешествовали с большой пышностью. Люди более низкого положения брали с собой не столь многочисленную свиту. Однако для обеспечения своих материальных потребностей во время длительных путешествий им приходилось брать в дорогу товары для обмена на довольно большую сумму. Например, один лишь караван из Текруру помимо большого количества золота имел еще „1700 голов невольников — мужчин и женщин”¹⁰⁵. Мы остановились именно на этом примере, потому как в нем указана конкретная цифра, что редко встречается в источниках того времени, но благодаря этому нам становится понятной величина работорговли в повседневной практике. Паломничество было не единственным путем поступления рабов в Египет. Постоянно невольников привозили сюда и купцы-работорговцы, что видно и из упоминавшегося выше письменного протеста монарха Канема. Караваны купцов обычно проходили через Завилу в Феццане, ставшую крупным транзитным торговым центром, а затем двигались через Киренаику. Это наиболее короткий путь в Египет. Другая дорога была намного длиннее, но позволяла купцам посетить Триполи, Тунис и даже Алжир.

Один итальянский путешественник XV в. оценивал вывоз черных рабов через указанные порты Северной Африки в одну-две тысячи в год, но при этом речь шла только о детях примерно десятилетнего возраста¹⁰⁶. В следующем столетии польский путешественник также приводит цифру в две тысячи рабов, но составлявших уже не объем годового вывоза из портов, а число людей, которых в отдельные дни продавали на невольничьем рынке в Каире¹⁰⁷. Таким образом, работорговля заметно возросла, что было связано с включением в Османскую империю регентств Северной Африки и, несомненно, увеличением товарообмена

между ними*. Трудно даже представить себе судьбу несчастных людей, которых после долгого и изнурительного пересечения Сахары отправляли по Средиземному морю. Тому же польскому путешественнику рассказывали, что с рабами в пути обращались жестоко и даже могли безнаказанно убить.

Египет в конце концов стал получать рабов из всей Суданской зоны от Атлантики до Красного моря, что, в свою очередь, способствовало развитию работорговли на всей территории страны. Но главными центрами продажи невольников стали два самых больших города Египта — Каир и Александрия. Продажа рабов в них могла проводиться через посредников, которые по поручению владельцев невольников ходили с рабами по улицам и предлагали их купить¹⁰⁸. Однако чаще для торговли рабами в обоих городах выделялись определенные места, иногда для продажи отдельно мужчин и женщин, хотя в других местах рабы могли продаваться вместе, без различия пола невольников.

Европейские путешественники оставили нам многочисленные описания этих рынков, облик которых произвел на них сильное впечатление. Приведем одно такое описание; в нем автор особо подчеркивает наличие среди невольников единоверцев — эфиопских христиан (из страны мифического „пресвитера Иоанна”)** , а кроме того, оно дает типичную картину торговли рабами, имевшую место более трех веков назад.

* Авторы называют регентствами государственные образования в Северной Африке (имаматы, халифаты, султанаты или эмираты), которые в XVI—XVII вв. в большинстве своем оказались в вассальной зависимости от Османской империи; их правители (беи, деи, паши) назначались из Стамбула.

** В эпоху крестовых походов в Западной Европе распространились слухи о населенной темнокожими христианами „земле священника Иоанна” (или „Царстве пресвитера Иоанна”). Легендарную страну на протяжении нескольких веков помещали то в Африке, обычно отождествляя с Эфиопией, то в разных частях Азии (см. *Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства*. М., 1970).

„На двух-трех улочках вблизи Канкали (квартал в Каире) продаются бедные рабы-христиане; я их видел свыше четырех сотен сразу, и большинство из них черные, так как их похищают на границах „пресвитера Иоанна“. Их ставят по ранжиру у стены совсем голых и со связанными за спиной руками, чтобы можно было их лучше рассмотреть и увидеть, нет ли у них каких-нибудь изъянов, а перед тем, как привести на рынок, их водят в баню, причесывают и взбивают им волосы, чтобы подороже продать; надевают на ноги и на руки браслеты и кольца, на уши подвески, на пальцы и на кончики косичек; в таком виде ведут их на рынок где барышничают ими, как лошадьми. У девочек в отличие от мальчиков надета вокруг бедер маленькая тряпка, чтобы прикрыть срамные места; каждый может осмотреть раба и потрогать спереди и сзади, заставить пройти и пробежать, заговорить и спеть, можно осмотреть зубы, узнать, не гнилое ли дыхание; когда покупатель готов совершить сделку, купить девочку, ее отводят в сторону, прикрывают большим одеялом и тут ее тщательно осматривают в присутствии покупателя его доверенные матроны, чтобы убедиться в ее девственности. Если это так, то девочка стоит дороже”¹⁰⁹.

Торговые операции на подобных рынках имели целью не только обеспечение местных потребностей в невольниках. Рабы покупались здесь также для своего рода реэкспорта. Покупатели-турки увозили невольников в разные районы Малой Азии, но главным образом в Константинополь, где монарший двор, целый класс богачей и само функционирование большой столицы требовали огромного числа слуг и другой рабочей силы¹¹⁰. Другим направлением реэкспорта были Палестина и Сирия¹¹¹, хотя, по-видимому, сюда вывозилось гораздо меньше рабов.

Невольники, о которых шла речь выше, были африканцами. Однако в Египет поступали невольники и другого происхождения. Один путешественник сообщает, например, о продаже в Каире татарских детей¹¹², хотя это был настолько редкий случай, что продажа привлекла всеобщее внимание. Значительно более многолюдным можно считать приток в Египет невольников из азиатских стран, что даже привело к образованию в стране особого военного корпуса — мамлюков.

В Египте действовала практика, сложившаяся еще в Багдадском халифате при Аббасидах, — создание своего рода преторианской гвардии из иностранцев, которые из-за отсутствия привязанности к данной стране могли хладнокровно подавлять восстания местного населения. Мамлюки сначала набирались из представителей тюркских народов, их привозили с азиатских равнин, затем с Кавказа, из Прикаспия. Среди мамлюков

были даже монголы. Особая миссия, возложенная на этих невольников, давала им и особые права, которыми они не преминули воспользоваться в собственных интересах. В 1250 г. они захватили власть в стране и создали династию, правившую до 1517 г., когда Египет попал под власть Османской империи. За этот период число мамлюков еще больше возросло, но на этот раз главным образом за счет европейцев — выходцев с Балкан и из Венгрии, попадавших в плен к туркам во время их завоевательных войн.

Учитывая все формы работорговли в Египте, можно считать, что она нарастала на протяжении нескольких веков и к XVI в. достигла значительного объема. Мы не можем согласиться с историком наших дней, который оценивает его в 12—19 миллионов человек¹¹³, поскольку все-таки трудно себе представить продвижение таких огромных людских масс по сахарским караванным тропам даже на протяжении целого столетия. Тем не менее не вызывает сомнения тот факт, что в это время дельта Нила стала главным очагом работорговли в Африке.

Восточная Африка и Индийский океан

Если мы продолжим наш путь по побережью Африки на восток, то доберемся до побережья Сомали, откуда, как отмечалось, африканских рабов вывозили начиная с античного времени, хотя сведений об этом у нас мало. Арабский географ X в. сообщает, что отсюда вывозили евнухов, но, уточняет он, „худшего сорта“¹¹⁴. Тем не менее и на них находился спрос в Южной Аравии, откуда этих евнухов могли переправлять и значительно дальше, так как Аден в ту эпоху стал местом встречи судов, приходивших из Красного моря, Персидского залива, Индии и даже Китая¹¹⁵. Евнухи были, безусловно, из местных жителей, а не из числа эфиопов, которых всегда ценили.

Эфиопские евнухи пользовались очень большим спросом. Как мы видели, их доставляли в Египет по суше и по морю. Морской путь чаще всего проходил через острова Дахлак, лежащие на широте порта Массауа и ставшие давно уже важным торговым перекрестком. Но Египет был не единственной страной, куда везли евнухов. Другой такой страной, ввозившей,

безусловно, большое число евнухов, был Йемен, имевший даже особый договор с правителями Дахлака. Одна из статей касалась торговли рабами. В соответствии с ней в Йемен одновременно поставлялась тысяча рабов, включая пятьсот эфиопских женщин, так же высоко ценившихся в гаремах, как и нубийки.

В конце концов эфиопских рабов в Западном Йемене стало так много, что им удалось осуществить в XI в. государственный переворот, а один из них (вольноотпущенник) основал династию, правившую полтора столетия¹¹⁶. Такой оборот дела отнюдь не приостановил ввоз новых рабов. Как и в доисламский период, эфиопы по-прежнему очень ценились как прекрасные воины и без них не могли обойтись в армии. Один итальянский путешественник, побывавший в Адене в начале XVI в., сделал оригинальное сопоставление воинских подразделений, подготовленных местным султаном для военных действий против Саны. 3000 воинов-эфиопов султана представлялись итальянцу более мощной силой, чем имевшие по сравнению с ними довольно жалкий вид 80 000 местных воинов. Эфиопы были куплены совсем молодыми (в возрасте около двенадцати лет), что позволило воспитать их в полной преданности хозяевам¹¹⁷. Безусловно, частью этого воспитания стало обращение в ислам, но, как свидетельствуют путешественники¹¹⁸, оно требовалось и для взрослых рабов-воинов.

Именно этим обстоятельством и объясняется, даже учитывая нравы той эпохи, жестокость поступка Албукерки. Этот португальский вице-король Индии в 1513 г. вторгся в Красное море, где захватил два арабских судна, перевозивших в Джидду как невольников подданных „пресвитера Иоанна“. Придя в ярость от захвата христиан мусульманами, он приказал отрубить носы, уши и руки всем морякам плененных судов¹¹⁹.

Эфиопов, помимо Египта и Аравии, вывозили в Индию, что происходило через порт Зейла, куда стекались многочисленные купцы, в основном за рабами или барышами¹²⁰. Об этом направлении вывоза рабов подробнее будет сказано дальше.

Рассмотренная зона вывоза рабов охватывала берега южной части красноморского побережья и Аденского залива. Восточный морской фасад Сомали и побережье, протянувшееся от него на юг, вплоть до современного Мозамбика, имели как с географической, так и с де-

мографической точек зрения совершенно иной характер. Африканское побережье Индийского океана с античных времен было постоянно связано с азиатскими странами. Этому благоприятствовала сама природа — смена муссонных ветров, когда с ноября по март дуют ветры с северо-востока на юго-запад, а с июня по октябрь господствуют ветры обратного направления. Поэтому в течение года парусники могли совершать плавания в обоих направлениях.

Начиная с VIII в. еще одно обстоятельство, но уже связанное с населением, должно было облегчать такие связи. Речь идет о расселении на восточном побережье Африки иммигрантов арабского и персидского происхождения, покидавших свои страны из-за религиозного диссидентства. Эти переселенцы создали цепочку городов от Могاديшо в Сомали до Софалы вблизи Бейры, крайнего пункта на побережье, которого достигали муссонные ветры. Отсюда же вывозилось золото, добывавшееся на рудниках Мономотапы (Зимбабве). Значение этих городов возрастало по мере прибытия в них новых иммигрантов, интеграции их с местным населением, развития широких торговых связей. Их апогей приходится на XIV—XV вв., а резкий упадок связан с португальскими завоеваниями.

Население этих районов получило у арабских авторов общее название „зэнджи”. Как отмечалось выше, этот термин довольно расплывчат, а иногда его вообще относили ко всем „черным”. Во всяком случае „зэнджи” означало если не всех жителей восточного побережья Африки, то, безусловно, население, жившее на территории от среднего течения Нила до Софалы. Видимо, эта область считалась наилучшим местом для добычи рабов. Именно на это указывает само слово „зэнджи”, имеющее уничижительный налет. Не говоря уже о таких нейтральных физических признаках, как, например, очень темный цвет кожи, зэнджи воспринимались как существа с особо неприятными свойствами (вроде дурного запаха тела), да еще и с каннибальскими привычками. Что же касается оценки арабами их моральных качеств, то это резюмирует старая поговорка: „Голодный зэндж — ворует, сытый — насылует”.

Но в то же время некоторые недостатки зэнджей даже приобретали коммерческое значение. Считалось, что они „крайне бойки” в том смысле, что всегда ве-

селы из-за полной беспечности. Последнюю объясняли „неполноценной организацией их мозга”, из-за чего зенджи, попав в рабство, якобы тут же забывали о своем прежнем свободном положении и удовлетворялись уготованной им судьбой. Кроме того, они имели репутацию рабов, способных выносить самую тяжелую работу, и были довольно недороги. Все это, вместе взятое, как бы предопределяло их невольничью судьбу. Именно поэтому рабы занимали в экспорте с восточного побережья Африки заметное место наряду со слоновой костью, золотом, экзотическими животными, раковинами каури, амброй и т. д.¹²¹.

Эти товары вывозились в самые разчые места по всему югу Азии. Особенно много товаров шло в Месопотамию, где Аббасиды, победив в VIII в. в Дамаске Омейядов, перенесли столицу халифата в Багдад и образовали новую династию, самым знаменитым представителем которой стал Харун-ар-Рашид (786—809 гг.). Здесь возникла „блестящая цивилизация”, нуждавшаяся среди прочего в большом числе рабов для строительства новых городов, в частности столицы Басры, а также для возделывания плантационных культур, без чего не могло просуществовать огромное городское население.

Рабы в мусульманский мир того времени поступали из самых разных регионов. Прежде всего это были славяне из Восточной и Центральной Европы, которых привозили на продажу франки, евреи и венецианцы. Затем шли тюрки из Средней Азии, с транзитных рынков Самарканда и Бухары; именно этих рабов брали для воинской службы. Наконец, доставляли сюда и черных рабов, в Месопотамии это были зенджи.

Принимая во внимание описанную выше репутацию зенджей у арабов, понятно, что их направляли на самые тяжелые и грязные работы. Зенджи в основном сосредоточивались в южных районах, где им приходилось уничтожать солевую кору на почве, чтобы сделать ее пригодной для возделывания. Куски такой коры сносились подальше от полей и складывались, образуя целые холмы. Черные рабы жили там же, где работали, не имея возможности создать семейный очаг и получая для пропитания лишь немного вареной пшеницы и фиников. Это существование зенджей омрачалось еще особой жестокостью надсмотрщиков из числа вольно-

отпущенников, доказывавших таким образом свое усердие.

Подобные тяжелейшие условия иногда приводили к бунтам, но их сразу же подавляли. Однако репрессии не устраняли проблем, которые обострились в IX в., когда в халифате осложнилась политическая обстановка. Центральная власть стала ослабевать, уступая власти губернаторов на местах. Распри между арабами, персами и турками лишь усиливали общий беспорядок. Возникла угроза восстания, которое и не преминуло вспыхнуть, как только появилась фигура, способная его возглавить. Ею стал один из главных противников халифа, Али-бен-Мухаммед.

Он привлек на свою сторону зенджей, поднявших мятеж в 869 г. Целые города, включая Басру, были разграблены, а их жители истреблены или спаслись бегством. Войска халифа, посланные для подавления восстания, были опрокинуты. После этого начались бунты местных крестьян, тоже влачивших жалкое существование. В тех районах, где зенджи прочно захватили власть, они создали очаги своего государства с собственной администрацией и судами, налогообложением и армией. Рабство, однако, они не отменили, теперь арабы оказались слугами и даже предметом торговли.

Такое положение сохранялось более 10 лет, пока халифу не удалось собрать и вооружить армию в 50 000 человек. Она отобрала захваченные восставшими земли, а повстанцев загнала в болота, где они отчаянно сопротивлялись еще два с половиной года. Окончательно повстанцев разгромили лишь в 883 г. Общее число жертв за этот период оценивается по-разному: от 500 000 до 2,5 миллиона человек¹²².

Описанные события не привели, однако, к прекращению ввоза черных рабов, так как в этот период именно они оказались фактически единственным источником невольников. Это было связано с тем, что с XI в. два первых источника поступления рабов, упомянутых ранее, иссякли. Славян, полностью перешедших в христианство, единоверцы уже не могли продавать мусульманам. Последние, в свою очередь, также стали поступать по отношению к принявшим ислам тюркам, тем более что воинственные турки из жертв превратились в победителей и сами занялись работоторговлей. Африка, таким образом, становилась единственным

континентом, откуда еще можно было черпать живую силу.

Наряду с другими регионами Африки ее восточное побережье тоже испытало последствия сложившейся ситуации. Географ XII в. Идриси описывает те уловки, с помощью которых арабы в „стране зенджей” заманивали детей и крали их. Он подробно рассказывает и об одном шейхе острова, расположенного в Османском заливе, организовавшем походы за зенджами („много их забирал в рабство”) ¹²³. Дальше мы еще вернемся именно к Оману, который станет играть все более важную роль в перепродаже в страны Персидского залива рабов с восточноафриканского побережья. Сообщение Идриси показывает, с какого времени это началось.

Перепродажа рабов происходила не только в страны, расположенные по берегам Персидского залива, но и дальше на восток, вплоть до Индии. Мы уже приводили данные о присутствии в этой стране рабов, вывезенных из Эфиопии. Поступали в Индию и зенджи. Всех африканских невольников называли по-арабски „хабши” (иногда — „сиди”) — это подчеркивало, что торговля этими рабами находилась в руках арабов. Африканские рабы в Индии сначала использовались на самых простых работах. Путешественник Ибн Баттута, который в XIV в. пересек полуостров Индостан с севера на юг и достиг Цейлона, нередко встречал африканских невольников среди слуг, сторожей, солдат и моряков. Некоторым из них удавалось проявить себя, особенно эфиопам, и тогда они занимали высокие должности вплоть до губернаторов в мусульманском султанате Дели, действовавших, по существу, как независимые правители.

В последующие годы сюда привозилось еще больше африканских невольников, но особенно много в середине XV в., когда наступил расцвет городов на восточном побережье Африки и возрос экспорт рабов отсюда. „Массовый” вывоз рабов происходил и после вторжения мусульман в Эфиопию в 1527 г., сопровождавшегося захватом многочисленных военнопленных. Именно в это время присутствие африканцев стало в отдельных районах Индии важным политическим фактором. Африканцы, оказавшиеся в большом числе в армии Бенгалии, сумели узурпировать власть, и в 1487—1493 гг. в Бенгалии правили „хабши”. Поте-

ряв власть в Бенгалии, они еще долго сохраняли свое влияние в других областях Индии. Так, они сыграли решающую роль во внутренних конфликтах, раздравших султанат Бахманидов в глубине Декана (XIV—XV вв.). На западном побережье Индостана один из самых знаменитых „хабши” — Малик Анбар, когда-то купленный в Багдаде, утвердился даже как визирь, установив контроль над страной. Он осуществил большие реформы, а его сын продолжал дело отца до тех пор, пока не был разбит войсками императора моголов. Но наибольшее число эфиопов находилось в Гуджерате (области к северу от Бомбея), где они занимали важные посты в военном флоте и армии, по крайней мере до XVIII в., когда их навсегда вытеснили местные жители. Взлет и падение! После периода такого взлета слово „хабши” в Индии приобрело уничижительное значение и по отношению к людям с очень темной кожей, неимущим и (совершенно непонятно, по какой причине) с аппетитом Гаргантюа...¹²⁴.

Ареал экспорта африканских рабов на востоке распространялся еще дальше, вплоть до Китая. Появление там черных невольников отмечается с VII в.¹²⁵. Их привозили арабские купцы, образовавшие в Кантоне такую значительную общину, что она смогла в следующем веке устроить здесь бунт и разграбить город. Подобные действия, возможно, спровоцировало издание эдиктов, запрещающих ввоз в Китай многих товаров. Власти хотели таким путем избежать вывоза из страны металлических изделий, чему способствовал рост товарообмена. В числе запрещенных к ввозу товаров были и рабы. Неизвестно, ни как строг был этот запрет, ни как долго он действовал; надо думать, не очень долго, так как спрос на рабов продолжал существовать. Китайцы были прекрасно информированы о достоинствах эфиопских женщин, что и объясняло высокие цены на этих невольниц. Китайцы придерживались арабского взгляда на зенджей и за внешний вид и затруднения в овладении языками называли их „демонами”, „дикарями”, „варварами”. В то же время пригодность африканских рабов к самым тяжелым работам и их покорность невольничьей судьбе очень ценились в Китае.

Один текст XII в. сообщает, что большинство зажиточных семей в Кантоне имело в качестве слуг рабов-африканцев¹²⁶. Вероятно, их число впоследствии

даже возросло, когда воцарившаяся в XIV в. династия Мин стремилась усилить морскую мощь империи. Помимо использования традиционных посредников в торговле с восточным побережьем Африки, с ним установились и прямые контакты путем отправки туда крупных флотилий. Эти контакты расширялись, и их следы обнаружены в ряде археологических раскопок в Африке, где найдены китайские монеты и фарфор того времени. Могадишо, по-видимому, занимало особое место в этих контактах, а некоторые историки даже говорят о своего рода китайском протекторате, якобы просуществовавшем здесь вплоть до прихода португальцев.

Другой регион на юге Азии, куда привозились черные рабы, — острова Юго-Восточной Азии. У этого обширного архипелага издавна имелись связи с землями в западной части Индийского океана. Безусловно, индонезийцы уже в V в. достигали Мадагаскара. Начавшиеся с этого времени миграции в значительной мере способствовали формированию населения острова. От Мадагаскара же не так далеко до восточного побережья Африки с его богатыми материальными и людскими ресурсами.

Индонезийцы побывали здесь довольно рано, так как найденная на Яве надпись с упоминанием о рабах-зенджах на этом острове относится примерно к 800 г.¹²⁷

Зенджи пользовались большой известностью в этих далеких краях, как об этом свидетельствует текст X в. В нем сообщается, что люди с островов „Ваквак” (так именовали Малайский архипелаг) появлялись у побережья с флотом из тысячи судов после плавания, длившегося год и сопровождавшегося разбоем. Эти люди заявляли, что они прибыли „за товарами, подходящими для их страны и Китая, например, такими, как слоновая кость, черепаховые панцири, шкуры пантер, амбра, а также за зенджами, легко переносившими неволю из-за своей большой физической силы”¹²⁸. Таким образом, для приобретения этих рабов снаряжались крупные и продолжительные экспедиции, маршрут которых мог быть довольно протяженным, если есть упоминание о Китае, указывающее на завоз африканских рабов и в эту страну. Такой факт вряд ли был единичным, поскольку два века спустя, по сообщению Идриси, восточное побережье Африки настолько регулярно посещалось судами с островов „Забедж” (т. е. с Явы и Суматры), что „люди понимали язык друг друга”¹²⁹.

Безусловно, не следует преувеличивать масштабы вывоза черных рабов в Южную и Юго-Восточную Азию, который, несомненно, намного уступал рассмотренному выше экспорту африканских невольников в то же время в другие регионы. И все же следы первого достаточно заметны на протяжении довольно длительного периода.

Использование рабов

С VIII по XVII в., т. е. в период, которому посвящена большая часть данного раздела, черных рабов вывозили из всей Суданской зоны, от Атлантики до Красного моря, а также из Восточной Африки. Невольники оседали как в пределах Африки, так и вне ее, иногда даже далеко за границами мусульманского мира. Как же их использовали? Вскользь мы уже касались этого вопроса, но все же следует задержаться на нем, хотя это относится к собственно работорговле лишь косвенно.

Большое число невольников использовалось в качестве домашней прислуги. В Северной Африке, например, негритянки имели репутацию отличных кухарок. На Ближнем Востоке и в Индии очень высоко ценилась эфиопская прислуга. Особо следует отметить спрос на темнокожих наложниц, иметь которых разрешал мусульманский закон. Больше всего ценились за красоту фульбе, нубийки и эфиопки. При достижении человеком определенного положения в мусульманском обществе (не говоря уже о монархах) считалось необходимым иметь гарем. Например, „Хроника Кано” сообщает, что один сарки (король) прославился тем, что первым в династии стал обладателем тысячи женщин¹³⁰. Традиция создания больших гаремов требовала и специальной службы — евнухов.

Мы уже видели, как в Борну и государствах хауса возникали центры, специализировавшиеся на „производстве евнухов”. Были и другие такие центры — царство Хадья* в Эфиопии и Верхний Египет¹³¹. Крайне

*Хадья — мусульманское государство, длительное время существовавшее на территории Эфиопии (XIV—XIX вв.), переживая периоды подъема и упадка. В конце XIX в. добровольно слилось с Эфиопской империей.

примитивные способы кастрации вели к огромной смертности тех, кого подвергали операции, и поэтому цены на евнухов были очень высокие. Один сарки из Кано отдал, например, за двенадцать евнухов десять лошадей¹³². Зная, что в то время лошадь обменивалась на пятнадцать обычных невольников, мы видим, что евнухи ценились примерно в двенадцать раз дороже простого раба. Таким образом, они входили в число „предметов роскоши” и их почти всегда преподносили важным лицам в качестве подарка.

Обязанности евнухов не ограничивались охраной гаремов. Поскольку у них не могло быть семейных привязанностей, они менее зависели от многих житейских обстоятельств, что гарантировало верность хозяину, и поэтому евнухам иногда поручались важные дела и доверялись ответственные должности. Это даже не было редким явлением. „Домашние невольники”, как их впоследствии называли (особенно тех, кто родился в доме хозяина), могли пользоваться его особым расположением и выполняли поручения, требующие полного доверия. Они становились скорее помощниками, чем слугами.

Другое использование рабов-мужчин — военная служба. Мусульманские государства включали в свои армии черных солдат — рабов, специально приобретаемых для увеличения численности вооруженных сил. Обычно эти солдаты хорошо дрались, а в ряде случаев именно благодаря им или их многочисленности достигалась победа. В армию Марокко такие солдаты, по видимому, стали включаться особенно давно, во всяком случае уже с XI в., в эпоху Альморавидов. Среди черных солдат хорошо проявили себя рабы из племени уолоф, участвовавшие в 1541 г. в штурме Агадира, находившегося в руках португальцев. Уолоф сражались „как дьяволы, а не как люди”, писал о них с восхищением один из оборонявшихся¹³³.

Подобные подвиги лишь усиливали желание разных правителей иметь у себя таких солдат, чем, в частности, серьезно занялся знаменитый султан Исмаил, создавший в годы своего правления (1672—1727) „черную армию” Марокко. Она насчитывала при нем 150 000 человек и, по существу, обеспечивала свое воспроизводство, так как солдаты женились на соплеменницах, а рождавшиеся мальчики заранее предназначались для военной службы. Подготовка к ней была разносторонней и включала обучение многим ремеслам¹³⁴.

Постепенно черные солдаты приобрели такое значение, что их позиция могла оказаться решающей во время кризисов престолонаследия. Они сгоняли с трона одного претендента, сажали на его место другого, требовали особой платы за поддержку претендентов, короче, становились решающей силой в установлении баланса политических сил¹³⁵. Это стало серьезной угрозой для внутренней безопасности страны, и поэтому постепенно роль этих войск свелась к личной охране султанов. В Алжире такой функции у черных солдат не было, но в Тунисе именно они позволили Зиридам* в XI в. добиться здесь независимости от правившей в Каире династии Фатимидов. Когда же в отместку Каир организовал вторжение кочевых племен в Тунис, то за своего властелина, как пишет арабский историк, с яростной энергией дралось „множество рабов из его черной гвардии, жертвовавших за него жизнью”¹³⁶.

Аналогичная ситуация сложилась в Египте. Здесь, как упоминалось, в армии уже в IX в. насчитывалось несколько десятков тысяч черных солдат и примерно столько же их было и позже. Их привозили с юга, из Нубии; они отличались крепким телосложением. Высоким ростом, устрашающим видом и своей многочисленностью они поразили персидского путешественника, посетившего Каир в XI в.¹³⁷. Когда в 1169 г. знаменитый Саладин, назначенный визирем Египта, пожелал выйти из-под власти халифа, назначенного Фатимидами, черные солдаты подняли мятеж, чтобы защитить халифа. Однако халиф отказался от их поддержки, и они разбрелись по стране, подвергаясь безжалостному преследованию. Спустя два года Саладин без труда сверг халифа и объявил себя султаном. Негров сделали прислугой, конюхами, и потребовалось несколько веков своего рода исправительного срока, чтобы негров вновь стали брать в армию, но и то лишь в качестве нижних чинов¹³⁸.

Мы уже упоминали, что и вне Африки, например, в Аравии, рабы-эфиопы использовались как воины. Еще более заметную роль в этом плане сыграли „хабши”, весьма многочисленные в некоторые периоды в армиях

*Зиригы — династия, правившая в Тунисе в X—XII вв. и создавшая под покровительством Багдадского халифата суннитское государство со столицей Кайруан.

разных королевств Индии и потому активно участвовавшие в политической жизни этой страны.

В домашнем услужении или на службе в армии у рабов складывались разные судьбы, что во многом зависело от характера их хозяина или начальника. Изредка рабы могли даже войти в хозяйскую семью или же играть заметную роль в делах. Совершенно иной оказалась жизнь рабов, направленных на тяжелые работы. В рассмотренных нами регионах повсеместно развивались активные торговые связи, но в то же время часто не хватало вьючных животных или же использование их было невозможно, например, на горных караванных тропах. В этих случаях товары переносили на спине или на голове носильщики. Переносимый ими груз превышал 30 кг, а дневные переходы составляли 15—20 км. Носильщики, которых использовали особенно часто, сообщает автор XVI в., „не сохраняли вообще волос на голове из-за значительного веса переносимых ими обычно на ней грузов”¹³⁹. Такая работа была, конечно, уделом рабов, но обязанности невольников в караванах были и иными. Из них формировали, например, даже вооруженный эскорт, необходимый для обеспечения безопасности в пути. В городах, где останавливались караваны, рабы также занимались охраной товаров или какой-либо работой, которая обеспечивала их существование¹⁴⁰.

Отнюдь не более легкая работа ждала рабов на плантациях. Хотя в сельском хозяйстве мусульманских стран рабы африканского происхождения были не так многочисленны, как в хозяйствах европейцев в Америке, но все же их и здесь насчитывалось немало. Невольники использовались, в частности в сахарских районах, для ухода за посадками пальм и сбора фиников. Главным делом рабов в Сахаре была постройка фоггар — особых подземных галерей, в которых собирались подземные воды, направлявшиеся самотеком к орошаемым землям. Сеть фоггар иногда была очень плотной, и, например, в оазисе Туат их общая протяженность достигала 2500 км.

Системы фоггар, которые выкапывались с помощью примитивных орудий труда, требовали многочисленной рабочей силы не только для их сооружения, но и для поддержания их деятельности. Водостоки быстро заносились песком, и их приходилось чистить один-два раза в год. Таким образом, рабский труд обеспечивал поступление воды, дававшей жизнь в пустыне.

Не с этим ли трудом связана старинная традиция в Табельбале, на северо-западе Сахары? Здесь, когда в семье умирали двое детей подряд, следующего новорожденного объявляли „проданным неграм”, чтобы отвести от него этим злой рок. „Продажа” была чисто символической, так как ребенок оставался в семье, но, став взрослым, он должен был всю жизнь делать весной пожертвования своим „названным хранителям”¹⁴¹.

Многочисленная рабочая сила, помимо сахарских оазисов, использовалась на плантациях сахарного тростника в Марокко, так же как и в крупных поместьях Месопотамии (об этом мы уже говорили выше, рассказывая о последствиях большой концентрации рабов). Такая концентрация африканских невольников встречалась и в других местах, например в провинции Лахса на северо-востоке Аравии (современный Бахрейн), где один персидский путешественник XI в. насчитал 30 000 черных рабов на сельских работах — это очень значительная цифра в сравнении с довольно немногочисленным населением¹⁴².

Существовали еще более тяжелые работы — рудники: добыча золота в Западной Африке, меди — в Такедде в Сахаре, золота и драгоценных камней — в Нубии. Находиться в плохо укрепленных копиях было всегда опасно для жизни. Примитивные орудия труда изнуряли людей, буквально выковыривавших руду из породы и выносивших ее в корзинах на поверхность. Часто питание рабов было очень скудным. В Тегазе, расположенной посреди пустыни, земледелие невозможно и поэтому все продовольствие туда доставлялось караванами, а если хотя бы один из них запаздывал, то людей косила голодная смерть¹⁴³.

Арабы издавна интересовались золотыми месторождениями Нубии. Здесь также в качестве рабочей силы использовали черных невольников, которых покупали специально для этой цели. Кроме того, они должны были под предводительством своих хозяев бороться с местным населением, противившимся ограблению его исконных богатств¹⁴⁴. По берегам Красного моря несколько позже возник еще один вид рабского труда — ловля жемчуга. Для него использовали достаточно сильных юношей, обучая их продолжительным погружениям в воду. Нырятьщиков спускали на веревке с каменными грузилами, держали как можно дольше под водой и, если юноши ничего не приносили, их били.

Исключительная тяжесть этого труда, страх перед морской стихией, которая была совершенно незнакома привезенным из глубины материка молодым людям, наказания — все это вело к огромной смертности среди ловцов жемчуга¹⁴⁵.

Мы располагаем очень немногими сведениями об условиях жизни этих тружеников на земле, под землей и на море. Рабы представлялись настолько ничтожными людьми авторам старинных хроник, что не вызывали у них никакого интереса.

Из бегло рассмотренных нами различных форм деятельности рабов видно, что именно благодаря их труду основные звенья экономического механизма того времени могли функционировать. Такое использование рабов не прекращалось, так как работорговля непрерывно поставляла невольников из многих областей Черной Африки. Было бы интересно поэтому попытаться определить общее число людей, попавших в Африке в рабство за то время, которому посвящен первый раздел нашей книги. Однако необходимые данные редко точны или очень отрывочны. Один американский исследователь все же взялся за такой подсчет. Те немногие конкретные данные об объемах торговли рабами, которые ему удалось найти, он дополнил косвенными свидетельствами, например разными сообщениями о численности черных невольников в странах мусульманского мира. На основе сложной аргументации — в ее детали здесь нет смысла входить — он предложил следующие оценки (в хронологическом порядке)¹⁴⁶:

Годы	Общее число вывезенных рабов
------	------------------------------

Транссахарская работорговля

650—800	150 000
800—900	300 000
900—1000	1 740 000
1100—1400	1 650 000
1400—1500	430 000
1500—1600	550 000
1600—1700	710 000

Красноморский регион

800—1800	2 000 000
----------	-----------

Восточное побережье

800—1700	900 000
----------	---------

Приведенные оценки, безусловно, гипотетические, и сам автор подчеркивает, что приводит их „с огромным сомнением”. Нам представляется, что для X—XIV вв. приведенные цифры имеют, скорее, тенденцию к завышению, а для XV и особенно XVI в. они занижены, так как работорговля в этот период была очень активной. По этим вопросам можно долго дискутировать, но что действительно важно, так это представленная общая картина, свидетельствующая о размахе работорговли. Она была весьма заметным явлением на протяжении веков, но приобрела особенно большие масштабы с появлением европейцев на западном и восточном побережьях Африки.

Часть II

ТОРГОВЛЯ АФРИКАНСКИМИ РАБАМИ ЧЕРЕЗ АТЛАНТИКУ

Подобно торговле рабами, шедшей через север и восток Африки, работорговля через Атлантическое побережье строилась на двух принципах: взаимной выгоде как для белых, так и для черных, участвовавших в этой экономической операции, с которой связаны рациональные и нерациональные выгоды, и на насилии, одинаково типичном в данном случае для всех партнеров. Оба принципа и определяли в работорговле отношение к отдельным людям, которых отрывали от привычной психологической, культурной и социальной среды, несмотря на их порой неистовое сопротивление. Но этих людей силой заставляли покидать родные места, обрекая на страх, страдания и смерть.

В то же время в сравнении с продажей рабов на севере и востоке континента торговля невольниками через Атлантику имела свои отличия, которые нельзя считать просто вариантом какого-то общего процесса работорговли, имеющего практически всегда одинаковые главные элементы. В данном случае, наоборот, именно специфические черты составляли саму суть торговли неграми, вывозившимися по Атлантическому океану, а именно: исторически относительная непродолжительность этой работорговли, ее массовый характер, особый отбор невольников по полу и возрасту, многочисленность направлений сбыта рабов за океаном и обширность ареалов импорта африканских рабов, адекватность технических и материальных средств работорговли масштабам вывоза рабов и, наконец, характер использования невольников в конечном пункте их сбыта.

За четыре столетия, т. е. с середины XV и до середины XIX в. (более короткий срок, чем продолжительность работорговли на севере и востоке Африки), работорговцы вывезли через Атлантику, по последним оценкам, 12—14 миллионов африканцев. Ритм и масштабы вывоза этих невольников хорошо прослеживаются хронологически: в течение двух первых из указанных столетий вывоз возрастал медленно, достиг максимума в последней трети XVIII в. и постепенно сошел на нет в XIX в. Что касается географических областей, откуда черпались ресурсы невольников, то они различались социальными, юридическими, культурными и, безусловно, религиозными и политическими условиями.

На огромном пространстве, равном половине всей суши планеты, глубокие изменения общества произошли во многом потому, что стал возможен вывоз невольников, и благодаря их труду такие изменения имели место в странах, традиционно называемых западными, т. е. в европейских державах, владевших в то время колониями на американских берегах Атлантического океана. В то же время значительные изменения эта работорговля породила и в африканских странах, главным образом в Западной Африке (между шестнадцатыми параллелями северной и южной широт), хотя нельзя забывать, что в апогей „невольничьей эры” груженные людьми суда уходили через Атлантику даже из портов восточного побережья Африки, от Мозамбика до Занзибара.

Эти два разных мира оказались тесно связаны друг с другом системой торговли африканцами. Для функционирования системы с обеспечением большой прибыли всем заинтересованным в работорговле сторонам надо было организовать „производство” и транспортировку живого товара в Африке и обеспечить надежные средства доставки невольников в западный мир.

Двумя главнейшими особенностями работорговли через Атлантику, по-видимому, следует считать то, что ее жертвами (в результате специального отбора рабов на вывоз) были на две трети взрослые мужчины и то, что африканцы вывозились в основном в страны Америки.

Африканцы преимущественно населяют сушу. Сахарское „море” хотя и смертельно опасно, но все же суша, оставляющая надежду на спасение. Парусно-

сельные шхуны берберских моряков или арабские фелюги никогда не отходили далеко от берегов, а перевоз невольников через Атлантику означал пересечение реального и, как казалось, бесконечного океана. В XIX в. один французский рабовладелец шутил, и в его шутке отражались взгляды эпохи, что морское путешествие — это лишь „перемещение (невольников) с одного берега океана на другой”. Однако во время подобных „перемещений” гибло в среднем 15% невольников. В определении факторов такой смертности главная роль отводилась даже не скученности рабов в трюмах кораблей, а продолжительности плавания. Что же касается конечных целей работорговли, то если на севере и востоке Африки она прежде всего сводилась к пополнению гаремов или сералей детьми обоого пола, молодыми женщинами и их оскопленными стражами, то через Атлантику, вне всякого сомнения, вывозилась лишь рабочая сила, и работорговля, таким образом, несла чисто экономические функции.

Африканцы, вывезенные на американские плантации или рудники, обрекались на труд в рабовладельческой системе, мало похожей на рабство в Африке, за исключением отдельных крайностей. Каторжный труд за океаном вызывал большую смертность (кроме североамериканских хозяйств). Стремление к большей продуктивности рабовладельческих хозяйств вело к высокой смертности невольников — именно это противоречие предопределяло необходимость непрерывного вывоза рабов из Африки. Считается, что, поскольку они производили продукцию, имевшую спрос на европейском рынке, эта рабочая сила способствовала росту экономики Западной Европы. Однако в действительности такой вывод скорее отражает внешнее впечатление, возникшее от недостаточно точных расчетов, но работорговля и рабовладение, безусловно, обогатили немало частных лиц, владевших капиталами и манипулировавших с рабами.

Никак нельзя смешивать работорговлю и рабовладение. Это первое условие принятого нами метода анализа, другие требования которого мы рассмотрим ниже. Безусловно, негры в обеих Америках исходно берут начало от африканских невольников, — они своего рода диаспоры. Но, лишь рассматривая отдельно работорговлю и рабовладение, можно уяснить особенности работорговли во всей ее сложности. К сожа-

лению, в данной книге мы не можем претендовать на полную характеристику работорговли через Атлантику, на это потребовалось бы много томов.

В архивах стран, занимавшихся работорговлей, сохранились многочисленные и объемистые досье, касающиеся всей истории торговли рабами через Атлантику. Кроме того, в самой Африке, хотя пока и не так часто, отсутствие письменных документов восполняется записями устных преданий, которые тоже можно использовать в научных целях. Намечились хорошие перспективы международного сотрудничества в этом направлении, связывающего разные континенты. Таким образом, сложность изучения рассматриваемой проблемы проявляется совершенно в ином.

Трактовка истории торговли африканскими невольниками зависела и все еще зависит от разного восприятия оценок ее предпосылок и исторических условий того времени. Американцы, европейцы и африканцы не одинаково видят одни и те же вещи. Американцы сделали поразительные расчеты по работорговле. В Париже, в Сорбонне, Раймон Мони нарушал душевный покой французских историков, возглашая: „Работорговля — это некрасиво”. Африканский же историк возлагает на Западную Европу дающую моральную и экономическую ответственность за современную отсталость его континента. В своей книге „От биологии к культуре” профессор Жак Рюффье вторит ему, заявляя: „Торговля черными рабами до сих пор остается запретной темой, вызывающей стыд; ее стараются не замечать, если не ищут ей оправданий”. Да, недостойный заговор состоит в том, что молчание объединяет иногда и частного владельца документов о торговле черными невольниками, например француза, и африканца, хранящего предания об их продаже. И тот и другой предпочитают молчать, так как их сведения могут открыть то, что и сегодня им обоим не хотелось бы делать достоянием гласности. Но задача историка как раз и заключается в том, чтобы не поддаваться состоянию души, не бояться стыда, избегать умолчаний, разрушать табу. Таков избранный нами метод.

Этот метод покойный Роджер Энсти называл „клиническим”, т. е. оперировать с причинением наименьшей боли, но все же оперировать. Подобный метод верен существу исторической науки, он предохраняет от предвзятости и отбрасывает пафос. Для периода

1770—1850 гг. мы обнаружили более 500 ценных, эмоционально окрашенных свидетельств. Но все эмоции можно свести к пяти-шести формулировкам, отражающим общий характер разных высказываний. „Клинический” метод стремится избегать европоцентристских или афроцентристских взглядов, лишь слегка прикрывающих свою биологическую суть (значение группы крови, цвета кожи: „я — черный, я — белый”), а потому как бы проецирующих расизм из прошлого в настоящее.

Наш метод рассматривает работорговлю такой, какой она была на самом деле, — совокупностью подготавливавших ее действий в сочетании с официальными и неофициальными сделками в рамках региональной и межрегиональной экономической активности, которая повсеместно являлась межэтнической, международной и коллективной деятельностью. Вся мерзость работорговли — реальность и порождена людьми. Хотя она и относится к прошлому, но все равно вызывает отвращение. Принятый метод анализа тем не менее позволяет „торговлю, известную как торговля черными” (так ее именовали в XIX в.) рассматривать как историческое явление в прямом значении этого понятия. Такой подход дает возможность установить, а может быть, и раскрыть механизмы торговли рабами через Атлантику.

Мы выделяем три крупных периода в работорговле через Атлантику. В отношении первого из них (1440—1640 гг.) может показаться, что мы немного больше внимания уделяем политическим аспектам проникновения западноевропейских стран в Африку, чем проблеме собственно работорговли. Но это объясняется тем, что зарождавшийся вывоз черных рабов через Атлантику сначала был лишь незначительным элементом международной торговли, почти целиком монополизированной государствами Иберийского полуострова. Только после глубоких изменений политической ситуации в Европе торговля на Гвинейском побережье стала необходимостью и для ряда других стран европейского побережья Атлантики, также захватившими территории в обеих Америках.

Второй период (1640—1807) как бы расширяет не совсем точную, но заслуживающую внимания формулировку, выдвинутую французским историком Гастон-Мартеном, — „негритянская эра”. Возникает вопрос о

трактовке понятий „работорговая Европа” и „работорговая Африка”. Для Европы этот период характерен провалом в организации монополизированных смешанных хозяйств при явном успехе частных хозяйств, использовавших труд рабов-африканцев. Для африканской стороны надо отметить формирование в это время крупных политических образований типа королевств Ашанти и Дагомея, городов-государств к востоку от дельты Нигера, королевства Лоанго*. Португальская колония Ангола с трудом поддерживала свое существование лишь за счет интенсивной работорговли.

Третий период охватывает время с 1807 по 1870 г. Это — эра аболиционизма**. Сама продолжительность этого периода показывает, что внезапного прекращения работорговли не было и запрещение длившейся веками продажи невольников очень медленно вступало в силу.

Наиболее заметные этапы в рассматриваемый период совпадают с усилением репрессий за работорговлю, с изменениями в характере экономики, с модернизацией, которая что-то рушила из прошлого, а что-то создавала вновь. И хотя этот период наиболее близок хронологически к нашему времени, его изучение только еще начинается.

Страны Западной Европы в Африке и их торговля, 1440–1640 гг.

Вывоз невольников из Африки на американское побережье не мог начаться раньше конца XV — начала XVI в., поскольку до этого времени европейцы еще не

* Ашанти — военно-политическое объединение племен и государственное образование на территории современной Ганы в XVII–XIX вв. со столицей Кумаси. Экономическую основу составляли работорговля и добыча золота. Дагомея — государство на территории современного Бенина в XVII–XIX вв., столица Абомей. Города-государства на нигерийском побережье: Аллада (Ардра) с портом Оффра, Вида (Уида), Гран-Попо и др. Лоанго — государственное образование на территории современного Конго в XVI–XIX вв., также активно занимавшееся работорговлей в XVII–XVIII вв.

** А б о л и ц и о н и з м — движение за отмену рабства негров, зародившееся в конце XVIII в. во Франции и Англии и получившее особенно большое развитие в США в первой половине XIX в.

открыли и не эксплуатировали американские территории. Поэтому работорговля через Атлантику шла сначала из Африки в Европу, в отдельные области самой Африки и на острова, лежащие относительно близко от западного побережья материка. В течение примерно целого столетия португальцы на берегах Африки занимали монопольное положение, право на которое неоднократно подтверждалось Ватиканом. Но постепенно это право стало все чаще оспариваться другими европейскими государствами, проникавшими в Африку.

Одним из доказательств их высадки на африканское побережье в довольно низких широтах (19—17° с. ш.) была демонстрация португальцами в Лиссабоне или Лагуше „мавров”. Именно таким образом инициатор и главный организатор экспедиций для открытия новых земель, наследный принц Генрих (незаслуженно получивший прозвище „Мореплывателя”, так как сам он не плавал южнее Сеуты) добивался официальных субсидий на новые плавания дальше Рио-де-Оро.

Число таких черных невольников, как правило, было небольшим, поскольку их просто ловила на побережье команда судов, а это не всегда удавалось. Начиная с 1441 г. подобные экспедиции стали обычным делом, но многие из них успеха не имели. В августе 1444 г. Лансарот привез в Лагуш 240 мавров, пятую часть которых составляла „доля” инфанта Генриха.

В том же году Диниш Диаш высадился на побережье между устьем Сенегала и Зеленым Мысом. Отсюда он привез четырех черных невольников, впервые захваченных „в их собственной стране христианами”, а еще несколько таких невольников ранее были обменены на товары у кочевников. В 1445 г. Антао Гонсалвиш провел первую работорговую операцию в прямом смысле этого слова, обменяв португальские товары „на девять черных и немного золотого песка”¹.

В том же году и опять под командой Лансарота из португальских портов вышла большая экспедиция, насчитывавшая 27 судов. Шесть из них достигли „Страны черных”, а одно — мыса Рохо. С момента первого плавания за мыс Боядор в 1433 г. и до 1446 г. 51 португальское судно доставило в Европу около тысячи африканцев, большинство чернокожих. Официально эти захваты людей оправдывались возможностью

обратить души язычников в „истинную веру”. Но тем не менее африканцев продали на рынке в Лагуше. С 1448 г. португальское королевство перешло от идеологической войны с маврами к мирным отношениям торгового характера.

На острове Аргин португальцы построили „замок”, который быстро стал превращаться в центр торговли. Именно здесь португальцы узнали, что из Африки кроме людей можно вывозить слоновую кость, камедь, шкуры, древесину, золотой песок. С 1470 г. и до конца столетия в результате преодоления ряда природных и технических трудностей плавания к новым землям Африки участвовали. С продвижением от Сьерра-Леоне на юго-восток и потом на восток стало очевидным, что из Африки наряду со значительным количеством золота можно вывозить и очень высоко ценимый на европейском рынке товар — пряности (сначала это был „фальшивый перец” — малагетта, а затем из королевства Бенин стал поступать и настоящий черный перец). За такой товар стоило побороться, отстаивая свою монополию в средиземноморской Европе.

Три последовательных и связанных друг с другом события привели к тому, что работоторговля перестала зависеть только от отдельных набегов и случайных покупок. Прежде всего произошла колонизация островов в Атлантическом океане — Сан-Томе, архипелага Зеленого Мыса, Азорских островов, где стали широко внедрять культуру сахарного тростника, уже успешно возделывавшегося на Мадейре (в 1452 г. одно руанское судно привезло сахар с этого острова во Францию). Экономическая колонизация требовала рабочей силы. В данном случае она, по-видимому, черпалась из Бенина, Габона и Конго.

Затем в 1482 г. с согласия подкупленных местных африканских властей Португалия в стратегических целях строит на землях фанти (на западном побережье современной Ганы) замок Сан-Хорхе да Мина (Эль-Мина) — „золотой рудник”, но в действительности золото поступало из внутренних районов, в основном с земель конфедерации народов акан*. Считается, хотя

* Конфедерации народов акан — военно-политические племенные объединения (типа упомянутого выше Ашанти) в XV—XIX вв. на территории современных Ганы и Кот-д’Ивуара. В их экономической основе работоторговля также играла важную роль.

это точно не установлено, что именно повышенный спрос иностранцев на золото на побережье вызвал рост его добычи на рудниках. Это, в свою очередь, подтолкнуло самих африканцев к поиску дополнительной рабочей силы. К тому же европейские товары, привозимые на побережье, оседали здесь лишь частично. Желание сбыть их как можно дороже в глубине континента — другая причина дополнительного спроса на рабочую силу — носильщиков. Он обеспечивался в Эль-Мине продажей португальцами за золото невольников, которых они привозили, по-видимому, с Сан-Томе и из Бенина, возможно, и из Конго. Так возник работорговый поток из одной части Африки в другую. Продолжительность его существования неизвестна, равно как и число перемещенных таким путем невольников. В конце XV в. работорговля здесь, вероятно, не превышала тысячи человек в год. Эль-Мина стала стратегическим центром португальского „присутствия” в Африке на пространстве от Аргина на севере Сенегала до устья Заира, а вскоре и до более южного пункта — государства Ндонго, которым правил нгола*.

Наконец, третье событие, оказавшееся событием мирового масштаба, — открытие Нового Света морями, состоявшими на службе у Изабеллы Католической, „королевы Испании”. Незамедлительным следствием этого явилось разделение планеты на две зоны — испанскую и португальскую, соответственно к западу и востоку от линии, условно проведенной на карте папой Римским в 1493 г. Год спустя это было признано обеими заинтересованными державами и с меньшим энтузиазмом остальной Европой. Затем по Тордесильясскому договору от Южной Америки была отделена еще неизвестная в Европе Бразилия, открытая на исходе XV в. португальцем Альваришем Кабралом. Португальцы быстро колонизовали свои американские владения; испанцы делали это медленнее, уделив много сил поиску Эльдorado, т. е. стремясь превратить миф в реальность. Освоение плодородных земель постепенно привело к высоким урожаям местных и при-

* Ндонго — государственное образование, существовавшее в XV — XVII вв. на территории современной Анголы. Верховный правитель Ндонго назывался „нгола”, и по этому титулу Ндонго называли также Нгола (Ангола).

возных культур: табака, какао, хлопчатника, кофе, индиго, сахарного тростника, кукурузы. Затем колонизаторы стали быстро развивать и горное дело.

Так на западе и на востоке от освященной папской буллой линии расцветали порожденные „Очень Католической Испанией” и „Очень Правовой Португалией” алчные монополии и хозяйства, уносившие человеческие жизни. Самая большая трудность для развития колониальной экономики заключалась в обеспечении ее рентабельности.

Лас Казас, епископ Чиапы, обрушивался на варварство испанцев, уничтожавших индейцев с тем размахом, который теперь называют геноцидом. Но опыт, достигнутый после привоза в Америку нескольких сот африканских невольников, показал испанцам, что один африканец работает лучше четырех индейцев. А так как те и другие были язычниками, то Лас Казас добился от испанских монархов лишь того, что в рабство стали обращать только индейцев, захваченных в „справедливых войнах”. Что же касалось африканцев, то сам их вывоз в Америку был объявлен полезным для постепенного перехода их „из природного варварства в праведную христианскую веру”. О правоверности католика Лас Казаса написано немало, но именно он обеспечил рабовладельцев и белых торговцев, поставивших черных невольников, аргументом, доказывавшим законность их действий с точки зрения религиозной морали. Этот аргумент использовался без существенных изменений на протяжении трех столетий. Поскольку местная рабочая сила в Америке быстро иссякла, испанская империя здесь создавалась трудом африканских рабов.

Испания изобрела такую форму хозяйства, которая одновременно удовлетворяла требованиям королевской власти, экономики, морали и религии. Это так называемая практика „асьенто”. Сначала она касалась только аренды ферм, а затем превратилась в подряд по обеспечению колоний рабочей силой — невольниками. Между так называемым посредником и королевской властью заключался контракт, по которому первый брал обязательство поставлять в королевские колонии столько черной рабочей силы, сколько предусматривал этот юридический акт.

„Асьентист” — купал право на такой контракт и, в свою очередь, мог прибыльно уступить его, а мог и сам

продавать африканских рабов по им же самим установленной цене. „Корона” от этой системы получала доходы, возравставшие пропорционально росту тарифа на такие контракты и увеличению спроса на „привлеченную” рабочую силу. Экономика получала выгоду от этой системы потому, что обеспечивались доходы на разных уровнях, что теоретически гарантировало хозяйственную активность. Мораль тоже была соблюдена, так как при продаже контрактов иностранцам королевская власть как бы не принимала участия в торговле неграми на Гвинейском побережье, т. е. официально Испания сохраняла „чистые руки”. И религия получала выгоду, ведь из-за запрета вывозить в Новый Свет язычников „асьентисты” (в первую очередь „очень правоверные португальцы”) крестили негров целыми группами на побережье Африки перед посадкой на суда для пересечения океана. Хотя наше изложение схематично, но это отнюдь не карикатура².

Американец Кёртен несколько двусмысленно назвал дискуссию о числе вывезенных африканских невольников „игрой в цифры”. В подобной игре схватываются между собой те историки работорговли, которые совершенно по-разному подсчитывают или оценивают всегда уязвимые „исходные данные”. Немаловажное значение в такой „игре” могут иметь и различные идеологические подходы. Методически же эти подсчеты — нелегкая, никогда не дающая полного удовлетворения работа. Научная критика результатов исследований порождает сомнения и в достоверности использованных источников, что действительно справедливо по мере углубления историков в далекое прошлое, т. е., другими словами, в достатистическую эру.

Тем не менее, что касается организации, управления, доходов системы „асьенто”, цифры, содержащиеся в официальных документах, пользуясь современной терминологией, „заслуживают доверия”. Помимо данных Жоржа Сцелля, относящихся к началу нашего века, исследования Генриетты и Пьера Шоню свидетельствуют о том, что в 1551—1640 гг. Испания использовала 1222 невольничьих судна, которые перевезли, вероятно, 170 000 человек³. Но это не определяет общего числа африканцев, вывезенных в обе Америки между 1451 и 1650 гг. Филипп Кёртен оценивает его примерно в 645 000 человек. Совсем недавно Пол Лавджой⁴ определил для периода 1451—1600 гг. эту

численность от 345 000 до 391 000 человек, а для следующих пятидесяти лет (1600—1650) — от 593 000 до 672 000 человек. Не будем заниматься „уточнением” причин расхождений в сотни тысяч человек, а отметим просто, что оценки числа вывезенных из Африки за два века рабов уже приближаются к миллиону.

По крайней мере все сходятся на том, что за первые сто лет работорговли через Атлантику ее темпы нарастают относительно медленно, но после начала создания колониальной империи в Америке резко увеличились. В этом плане „вилка” приведенных выше цифр, во-первых, отражает сложности в поиске нужных документов и, вероятно, методические трудности исследования, а во-вторых, указывает на то, что параллельно с вывозом невольников, „узаконенным” испанской и португальской организациями „Каза де контратасьон” и „Каза да Гинеа”, были и другие источники торговли африканцами, располагавшие своими средствами для экспорта и импорта рабочей силы.

Монополия, предоставленная Испании и Португалии римским папой, сильно раздражала некоторые державы в Европе. Франциск I вообще „не мог понять”, как это ему запретили участвовать в разделе мира. Когда же северные страны Европы отделились от римско-католического сообщества, а затем схватились между собой по религиозно-политическим причинам, папская монополия утратила всякое значение. Это относится к Англии, Франции и Голландии, бывшей, по существу, испанской колонией в Европе. Так совпало, что, когда церковная реформация охватила северо-европейские страны, испанские владения в Америке стали давать доходы. Экономические последствия новой идеологической конъюнктуры быстро сказались и на берегах Африки.

В 1530-х годах появились первые контрабандистские суда католических держав — Испании и Франции, а позже и Англии. В 1554 г. Джон Лок организовал торговую экспедицию, достигшую португальского владения Эль-Мина, а в 1557 г. Тауэрсон доплыл до Бенина. Три первые крупные английские экспедиции за африканскими невольниками в 1559—1567 гг. под командованием Джона Хоукинса частично финансировались самой английской королевой. Хоукинс применил на побережье севернее экватора старый метод, которым к тому времени португальцы пользовались

только в Анголе, когда вооруженная корабельная команда сама отлавливала „живой груз”⁵.

Нам мало что известно о начале борьбы Франции с монополией Португалии на работорговлю. Историк Филипп Баррей в вышедшей в начале нашего века и с тех пор не переиздававшейся книге только для района Гавра указывает 23 судна, совершивших плавание к Атлантическому побережью Африки в 1539—1564 гг. Для периода 1571—1610 гг. он нашел документы о 228 судах, ходивших из портов Нормандии к „Гвинейским побережьям”, т. е. Сьерра-Леоне, „Бонн жан”, Эль-Мина, Бенин, „Кап Лупп” (мыс Лопес), острова Сент-Омер (по-видимому, Сен-Томе)⁶. Были ли это плавания за невольниками? Автор книги подчеркивал, что ни один из использованных им источников не позволяет это утверждать категорически. В период торговли с Африкой разнообразными товарами покупка рабов действительно не была обязательным явлением. Тем не менее для этого же периода характерно широкое развитие контрабандных перевозок невольников, и закономерно возникает тот же вопрос, который историки всегда ставят в связи с нелегальной работорговлей в XIX в.: что же делали эти французские суда у берегов Африки, если конечным пунктом их плаваний были „Перуанская Индия” или Бразилия? Не перевозили же они тропическую древесину в страну с самыми пышными тропическими лесами? Не возили же они из Африки золотой песок, чтобы помочь увеличить объем добычи золота в „Эльдорадо”, откуда этот драгоценный металл все равно доставляли в Европу? Понятно, что подобные предположения абсурдны и следует продолжать, насколько это технически и материально возможно, изыскания в архивах, а ответы на исторические вопросы могут оказаться самыми неожиданными.

Наиболее серьезно нацелились на прорыв иберийской монополии голландцы. Этому сначала способствовало своеобразие их политической организации. Сначала они действовали как борцы за свою независимость от имперского протектората Испании (в ходе восстания 1566 г., затем местных стычек, которые в 1580—1590 гг. переросли в войну, продолжавшуюся на разных широтах до 1650 г.). В то же время голландцы использовали в своих интересах борьбу за вакантный португальский престол, которая закончилась в 1580 г. „личной унией”, связавшей Португалию с Испанией, а несколько позже

привела к полной аннексии Португалии. Испания стала господствовать на всем Иберийском полуострове и в то же время над всеми заморскими владениями Португалии. Такой поворот событий, вышедших за рамки Европы, очень богатая Голландия сумела использовать для расширения своей колониальной экспансии. Все, что ранее принадлежало Португалии и перешло к Испании, стало объектом голландских атак, в частности в Бразилии и на берегах Африки.

В 1594 г. голландское судно достигло Лоанго. Новые иностранцы были радушно встречены местным правителем в надежде, что они помогут противостоять двадцатилетним устремлениям португальцев из Луанды установить свое господство и над Лоанго. В 1612 г. голландцы получили от народа фанти согласие на постройку форта в Мурри, недалеко от Эль-Миной. Это означало создание первого бастиона конкурентов вековому присутствию здесь португальцев. За два десятка лет голландцы сумели научиться торговать на этом берегу, и если верить Сэмюэлю Брауну (швейцарцу из Базеля, хирургу на службе голландской Вест-Индской компании), то кораблям этой компании рекомендовалось продавать меньше оружия и не брать на борт невольников. Удачное внедрение голландцев на африканское побережье все же не гарантировало успеха в военных действиях. В 1625 г. (при поддержке фанти), а затем и в 1630 г. попытки голландцев овладеть Эль-Миной провалились. Это им удалось сделать только в 1637 г., за три года до распада унии Испании и Португалии.

Начиная с первой четверти XVII в. соперничество и конфликты между европейскими державами охватили всю планету. Они происходили на Атлантическом побережье Северной и Южной Америки, а также на островах Карибского бассейна. Испанская империя утратила часть своих владений на Антильских островах; одни из них по соглашению, другие из-за военных поражений перешли к союзникам или врагам Испании: Ямайка и Барбадос — к Англии, западная часть Сан-Доминго — к Франции, оккупировавшей к тому времени Мартинику, Гваделупу и относящиеся к ним острова; Голландия захватила Тобаго, ряд других небольших островов, Суринам и часть Гвианы, которую уже делили между собой Англия и Франция. Датчане и шведы тоже имели на Антильских островах небольшие владения, где стали

развивать свою рабовладельческую систему, тоже участвуя в том, что получило название „международной работорговли” в этом регионе⁷.

Середина XVII в. была нелегкой для господства Португалии в мире и ее монополии на побережье Африки к северу от экватора. После поражения у Эль-Мины, ставшей затем на два с половиной века голландской крепостью, португальцы отнюдь не были вытеснены с побережья. Что же касается голландцев-победителей, то им не удалось завоевать то монопольное положение, которое ранее занимали португальцы. Западное побережье Африки оказалось открытым для европейской конкуренции. Попытки монополизировать где-либо присутствие часто зависели здесь от позиции местных африканских властей, где они еще сохранились. В других же местах на побережье началось прямое соперничество между европейцами.

В своей книге „История побережья Верхней Гвинеи в 1545—1800 гг.”⁸ ее автор Уолтер Родни дал одно из лучших описаний португальской работорговли в этот период на участке от побережья Сенегамбии* до мыса Палм. Многие из черт работорговли, которые развились впоследствии, возникли, видимо, еще в конце XVI в., в частности методы добычи невольников, о чем еще будет говориться ниже. В ряде других публикаций тоже есть ценные материалы для сравнительного анализа, что, однако, не означает их полной достоверности.

По мнению Родни, только из области Верхней Гвинеи в 1562—1640 гг. ежегодно поставлялось по 5000 невольников. Однако, по данным других авторов, получается, что в 1631—1640 гг. в обе Америки вывозилось лишь около 2200 невольников в год (в 1639 г., например, из Лоанго вывезено около 200 африканцев). Таким образом, ошибочно думать, что вывоз невольников шел из всех пунктов одновременно и постоянно. Правильнее считать, что у этого потока как бы то открывались, то закрывались шлюзы. Уже в 1690-х годах только из одного пункта — Уида (к востоку от Эль-Мины и Золотого Берега) европейские невольничьи суда вывози-

* Сенегамбия — название, которым в XVII—XIX вв. в Европе обычно обозначали прибрежный район Западной Африки между реками Сенегал и Гамбия. В указанный период на этой территории существовали различные крупные и мелкие государственные образования.

ли в среднем 15 000 африканцев в год. Такой количественный скачок за полстолетия был вызван ростом спроса на рабов, для удовлетворения которого требовалась „рационализация” работоргового дела в пределах как Африки, так и Европы

Развитие „специализированной” торговли, 1640—1807 гг.

Экономические и чисто коммерческие условия развития торговли африканскими невольниками в пределах Западной Европы в указанный период позволяют считать, что в XVIII в. по спросу и предложению товара этот вид торговли был наиболее стабилен. Такое наблюдение позволяет точнее сформулировать предложенное понятие — „работорговая Европа”, которое исторической науке еще следует изучить.

В то же время в пределах Африки торговля рабами возрастала и ее организация совершенствовалась. Во всяком случае, это было характерно для территорий, имевших государственное управление, а в меньшей степени и для родоплеменных объединений. Но можно считать, что работорговля повсеместно стала одной из наиболее активных форм деятельности в Африке из-за постоянного спроса на рабов в XVIII в. Африканистам предстоит еще основательно доказать достоверность такой оценки и правомерность другого предложенного понятия — „работорговая Африка”.

Каждое из двух понятий включает одни и те же взаимосвязанные элементы: спрос, производство, потребление. Европа благодаря своему спросу на рабочую силу использовала в работорговле производимые ею товары. Спрос африканцев на европейские товары и их потребление обеспечивались за счет „производства людей” и для продажи на экспорт. С узкоэкономической точки зрения товарообмен, связывавший белых и черных работорговцев, был таким же обычным рынком, как и любой другой рынок. Но точно также очевидно, что обычный экономический анализ и связанные с ним количественные показатели никак не могут дать удовлетворительного объяснения такому феномену, как работорговля.

1. Эра африканской работорговли и „работорговая Европа”

Первые проявления организованной системы торговли африканскими невольниками через Атлантику были связаны с деятельностью крупных коммерческих компаний, явно стремившихся к монопольному положению, и их филиалов. Такие компании в большом числе возникали во Франции, и одна за другой приходили в упадок из-за неумелого управления ими, что было широко известно во всем мире. В конце XVI в. отдельные способные коммерсанты, подобные Андре Брю в Сенегале, были, скорее, исключением среди лиц сомнительных достоинств, более интересовавшихся личными выгодами, чем интересами дела. Только „Компания обеих Индий” около 1725 г. удалось обеспечить себе монопольное положение года два-три, но затем и она с трудом поддерживала свое существование.

В отличие от французов созданная голландцами еще в 1625 г. „Вест-Индская компания” действовала очень активно более столетия, но в конце 1720-х годов захирела и совсем угасла к 1736 г. У англичан создание „Королевской компании по изучению внутренней Африки” не имело большого успеха. Она уступила место „Королевской африканской компании”, просуществовавшей до середины XVIII в. Ее сменила „Компания негочантов, торгующих с Африкой”, ликвидированная лишь в XIX в.

Насколько сходны между собой были такие компании? Все они были „смешанными”, т. е. включали в дело капиталы не только государства, но и разных лиц, близких к королям и видным политическим деятелям. Осознанно или неосознанно, все это повторяло путь, открытый еще Елизаветой Английской в предшествующем веке. Другая общая черта этих компаний — ни одна из них не смогла полностью выполнить взятые на себя обязательства. Одна из целей компании — добиться права на „асъенто” от испанцев (окончательно оно перестало существовать только с 1789 г.). Это право переходило к португальцам, от них к голландцам, опять вернулось к португальцам. Французы утратили его по Утрехтскому договору в 1713 г. в пользу англичан, даже создавших в связи с этим особую „Компанию южных морей”. Последняя, для того чтобы выполнить контракт о поставке в течение тридцати лет 144 000

африканских невольников, подрядила „Королевскую африканскую компанию”, но и это не помогло выполнить обязательство. Таким образом, в отличие от долго державшегося мнения расцвет работорговли был связан не с монопольными компаниями, а явился результатом свободного частного предпринимательства, пользовавшегося субсидиями и получением долгов от бывших компаний.

В вопросах изучения африканской работорговли французская историческая мысль отличается научными успехами благодаря исключительно широким исследованиям преждевременно ушедшего из жизни молодого ученого Жана Метта⁹. Параллельно с ним канадец Роберт-Луис Стейн в США и бельгиец Ж.Эверерт опубликовали ценные работы о работорговле в Нанте — „главном” невольничьем порте Франции в XVIII—XIX вв. Эти три исследователя продолжили работы Жана Мейе, использовавшего старые, но фундаментальные методы изучения экономической истории¹⁰.

В 1707—1793 гг. французы 3342 раза снаряжали экспедиции за невольниками, и при этом одна треть таких экспедиций приходится на первые 11 лет после окончания войны за независимость США. Цифра, безусловно, внушительная, но не следует из этого делать вывод, что Франция была главной работорговой страной в западном мире. Первое место, видимо, останется за Англией, второе — за Португалией. При современном состоянии изученности международной работорговли такую очередность нельзя установить точно, но в то же время оценка общего числа западно-европейских экспедиций за африканскими невольниками в XVIII в. в 12 000 представляется, по-видимому, заниженной. Вполне допустимо говорить даже о 15 000 таких экспедиций, но в любом случае эти цифры подтверждают большой размах работорговых операций. Мы проанализируем это на примере данных по Франции, по которой у нас больше документальных свидетельств.

Торговля невольниками требовала капиталов; они могли поступать из разных источников — частных, муниципальных, государственных и международных, а в ряде случаев быть смешанного происхождения. Если немцы, швейцарцы, голландцы и англичане активно участвовали своими капиталами во французской работорговле, то данных о таком же участии францу-

зов в иностранной работорговле нет. Оценить весь объем капиталовложений во французскую работорговлю крайне трудно, но по самым минимальным подсчетам он составил не менее пятисот миллионов ливров за столетие. Вполне вероятно, что он даже достигал миллиарда ливров. Капитал был необходим для снаряжения экспедиций и очень часто складывался из кредитов от разных лиц, число которых в каждом случае доходило до десятка и более. Анализ элементов, составлявших массу капитала работорговли, позволяет воссоздать ее экономическую организацию — основу „работорговой Европы”.

Работорговля требовала постройки и оснащения кораблей. Невольничьи суда отнюдь не всегда были старыми, прогнившими кораблями. Судя по документам, среди них имелись и великолепные суда. К постройке невольничьих судов, а значит, и к работорговле поэтому проявляли интерес все, кто имел отношение к постройке и оснащению кораблей: лесорубы, плотники, да и вообще все ремесленники, участвовавшие в этом деле, а кроме того, производители льна и парусного полотна, пеньки и канатов, литейщики и кузнецы „невольничьих оков”, простые и зажиточные крестьяне, поставлявшие продовольствие.

Снаряжение невольничьей экспедиции включало, таким образом, стоимость корабля, его навигационного оборудования и всех запасов для продолжительного плавания. Стоимость оснащения зависит от водоизмещения кораблей, которое заметно возросло в рассматриваемый период. Если в начале его наиболее многочисленными были суда водоизмещением около 150 т, то в конце XVIII в. уже часто встречались корабли с водоизмещением 300—400 т. Правда, пример французского кораблестроения своеобразен, так как с 1785 г., учитывая рост „потребности” в рабочей силе, правительство стало выдавать работорговцам двойную премию (40 ливров) за каждого доставленного в Сан-Доминго негра и по 200 ливров за каждую тонну водоизмещения невольничьего судна. Немудрено, что произошла настоящая „инфляция” тоннажа судов, и судовладельцы без зазрения совести начали указывать самые невероятные цифры о водоизмещении своих кораблей. Можно считать, что собственно стоимость корабля (с учетом к тому же амортизации старых

судов) составляла около 20% от общей суммы расходов по снаряжению экспедиции за невольниками.

Для работорговли требовалось большое число матросов и капитанов, так как она буквально поглощала их во множестве потому, что в среднем 20% экипажа кораблей гибло за время экспедиции (т. е. в процентном отношении даже больше, чем за то же время гибло „живого товара“). На борту невольничьих судов команда не только несла морскую службу, но выполняла и нелюбимые функции надсмотрщиков и карателей для невольников. Если для плавания двухсоттонного корабля от Сеты (на юге Франции) до Смирны было достаточно 8 матросов, то на таком же судне их требовалось 40, а чаще 60 и даже 80, если оно перевозило невольников из Африки на Американское побережье Атлантики. Поскольку в вещах погибших моряков с затонувших невольничьих судов находят золотые монеты, можно предположить, что труд на таких судах оплачивался высоко, хотя это, конечно, не означает, что все простые матросы могли разбогатеть в походах за невольниками.

На французских невольничьих судах за плавание, продолжавшееся 15 месяцев, юнгам и матросам платили от 120 до 500 ливров, т. е. не так уж много. Отдельные „специалисты“ оплачивались более щедро, так как без их помощи было трудно обойтись. Бочары изготавливали особые емкости для сохранения (теоретически) от порчи продовольствия и огромных запасов воды на все время пересечения океана. Плотники сооружали палубные надстройки для размещения черных невольников.

Хирург, чаще более шумный, чем компетентный, служил козлом отпущения для экипажа, но был обязан обеспечивать хорошее санитарное состояние купленного и погруженного на корабль „товара“ вплоть до доставки рабов в Америку. Хотя такие специалисты получали большее жалованье, чем простые матросы, но все равно и те и другие оплачивались довольно скудно. Перед отплытием выплачивалось двухмесячное жалованье, которое оставалось, лишь если его не успевали проиграть в карты. Боцманы, офицеры и капитаны (последних было два, и второй заменял первого в случае его кончины — „не дай бог“, как указывалось в инструкциях) получали неплохие доходы, поскольку им разрешалось на свой счет покупать в Африке и про-

давать на Антильских островах по несколько невольников, и, кроме того, они получали с каждой доставленной кораблем „головы” комиссионные пропорционально своему служебному положению. Некоторые капитаны сумели сколотить на работорговле крупные состояния.

Наибольшая часть расходов по невольничьим экспедициям (до 60—70%) шла на продовольствие и разные товары. Характер требовавшихся для работорговли товаров существенно отличался от обычной структуры производства и потребления товаров в странах Европы и соответствовал практически не менявшемуся спросу в Африке. От удачного удовлетворения этого спроса зависел успех или провал экспедиции. Исключение в этом отношении составляли португальцы. Они в связи с постоянно высоким спросом на табак стали выращивать его (впрочем, очень посредственного качества) в Бразилии. Их невольничьи суда всегда имели однообразный „ассортимент”, но он позволял избежать риска „прогореть” с торговлей, как выражались *суперкары* — представители судовладельцев на борту корабля.

Когда же на невольничьем судне привозили 100—120 разных товаров, то он превращался в плавучий базар. П.Реншон разделял такие товары на пять категорий¹¹:

1. Огнестрельное оружие и боеприпасы к нему (различные виды пороха, свинец, ружейные кремни), а также холодное оружие.

2. Вина, водки и другие спиртные напитки.

3. Металл — железо, медь, свинец в чушках, слитках и „маниллах” — особых декоративных браслетах, служивших одновременно средством денежного обращения; кроме того, различные металлические изделия — тазы, кастрюли и другая посуда.

4. Разные низкокачественные промышленные товары, значение которых не следует недооценивать из-за их невысокой стоимости в европейской метрополии, где такими „побрякушками” обычно торговали разносчики (висячие замки и колокольца, зеркала с золотистой фольгой, искусственные жемчуг и кораллы, разные безделушки). Однако некоторые из этих предметов привозились издалека, например ракушки с Мальдивских островов — каури, которые во многих районах долгое время заменяли деньги. На берегах Африки спрос на каури достигал примерно двухсот тонн в год.

По данным Патрика Мэннинга, только королевство Дагомея импортировало каури на сумму два миллиона ливров в год, продолжая закупки каури вплоть до установления над страной французского господства¹².

5. Ткани, о которых следует сказать подробнее, так как они составляли две трети (по стоимости) груза кораблей. Более всего привозилось набивных хлопчатобумажных тканей, но всегда имелись шерстяные и шелковые. Особенно большим спросом пользовались индийские ткани, имевшие множество названий в зависимости от цвета и места изготовления: „ромаль”, „шаль”, „мадрас” и т. д. Успех в Африке этих тканей побудил европейских текстильщиков, в частности во Франции, потребовать от своих правительств разрешения на выделку таких тканей. Буквально сразу же возникло множество текстильных центров, наладивших производство продукции специально для сбыта в Африке, с соответствующей расцветкой и рисунком. Подобные мануфактуры открылись вблизи Руана и Нанта („руанские” и „нантские” ткани), в Манчестере, снабжавшемся сырьем через крупнейший в мире работорговый порт — Ливерпуль¹³.

На французских кораблях стоимость товаров составляла от 800 до 1800 ливров на тонну водоизмещения, т. е. в среднем 1200—1300 ливров за тонну груза. Все это страховалось по разным тарифам в зависимости от степени возможного риска, но обычно с относительно невысокими страховыми сборами, включая страховку „живого груза”. Обычные тарифы составляли два, три или шесть процентов; совершенно иное положение складывалось в периоды войн, когда вообще нарушались все „нормы” работорговли.

Если к указанным обычным расходам прибавить выплату комиссионных, различные частные вычеты, расходы по погрузке и разгрузке товаров и т. п., то можно уже представить общую сумму расходов на организацию невольничьей экспедиции. В исключительных случаях эта сумма могла достигать огромных размеров до 600 000 ливров, чаще она составляла примерно 200 000, но редко меньше 100 000 ливров.

Мы подчеркиваем еще раз, что исследуем в основном французскую практику работорговли, привлекавшую крупные капиталы и труд многочисленных людей внутри страны и вне ее. Размах этой торговли был та-ким, что работорговцы и рабовладельцы в конце

XVIII в., не колеблясь, предсказывали разорение или обнищание шести миллионов французов в случае прекращения работорговли на Гвинейском побережье. В этом невероятном прогнозе самое любопытное то, что тогда было возможно смело назвать такую грандиозную цифру, не рискуя показаться смешным. К слову, демография „работорговой Европы” очень плохо изучена, и представляется весьма полезным заняться ее детальным анализом. Мы же, подводя общий итог, можем сказать, что для полного снаряжения даже одного невольничьего корабля нужны были такие финансовые средства, которые, безусловно, требовали высокой производственной активности, прибавочного продукта, обеспечения заработной платы, иначе говоря — промышленного развития.

Способствовала ли работорговля такому развитию? Многие авторы считают, что способствовала. Другие, наоборот, предполагают, что возникновение промышленных предприятий вынудило искать рынки сбыта их продукции, что и осуществлялось путем расширения торговли на мировом невольничьем рынке.

Еще одна проблема связана со страхованием. Если мы хорошо осведомлены о премиях, выплачивавшихся судовладельцами, то значительно меньше знаем о компенсациях, которые они получали при гибели судов. Кроме того, даже в отношении нам хорошо известных товаров для работорговли остается много неясностей об их географическом происхождении, конкуренции в их сбыте, транзитных и иных пошлинах.

Публикации об английском работорговце Давенпорте¹⁴ позволяют считать, что условия торговли невольниками были в целом примерно теми же и в другой крупной работорговой стране — Англии. Однако о других странах подобной информации собрано значительно меньше. Безусловно, по этой причине трудно определить границы „работорговой Европы”. Но все же мы знаем, что экспорт железа шел из Испании, Швеции, России; оружия — из Бирмингема, а также Голландии, Дании, возможно, хотя и требует еще проверки, из Тюлля в департаменте Коррез, а позднее из Сент-Этьена во Франции. Текстиль тоже поступал не только из Индии, но и из Бретани и Нормандии, возможно — из Дофинэ и Эльзаса, безусловно — из Силезии, Утрехта, Ланкашира. Стекольные заводы Богемии и Мурано поставляли искусственный жемчуг и стеклянную посу-

ду. Среди импортируемых вин преобладали французские; их вывозили в Гвинею через Англию и Голландию. Однако в Африку везли также вина из Греции, Испании и Португалии, мозельские и рейнские вина. Спиртные напитки — натуральные (как кальвадос) и полученные перегонкой — также занимали место в трюмах до тех пор, пока с американских сахарных заводов на работорговые рынки не потекли ром и тростниковая водка — *тафия* — вслед за уже поступавшим туда вирджинским и, как мы упоминали, бразильским табаком. Так складывались связи, которыми работорговля охватила Европу, весь мир Атлантики, а в какой-то степени и всю планету.

Однако не следует забывать, что на европейском рынке рост спроса и потребления происходил быстрее, чем на африканском, в том числе и тех товаров мелкой розничной торговли, которые мало чем отличались от товаров, предназначенных для Африки. Следует добавить еще несколько общих замечаний. Расширение торговли невольниками в занимавшихся этим делом европейских странах происходило в противоречии с распространенными в них доктринами и моделями экономического развития. На все тот же XVIII в. приходится апогей меркантилизма, реформ Кольбера, протекционизма, т. е. различных проявлений одной и той же экономической политики.

Потребности работорговли явно вели к отрицанию протекционизма. Так, например, происходило при создании легальных фиктивных складов, где привезенные из-за границы для нужд работорговли товары не обладавались обычной пошлиной. В то же время товарообмен, обязательные закупки определенных товаров в разных странах — все это создавало предпосылки прочных международных экономических связей. Такие действия, противоречащие принципу метрополий, имели место на африканском побережье, где часто корабль одной страны заполнял свои трюмы товарами, купленными в фортах или на кораблях другой страны, и все эти операции сочетались еще с соглашениями об экстерриториальности и как бы нейтральности прибрежных вод Африки (во всяком случае при отсутствии войн в Европе).

Неясности и противоречия прямо указывают на то, что для определения объемов производства и капитала, участвовавших в „Гвинейской торговле”, необходимы

дальнейшие глубокие сравнительные исследования международных групп ученых. Существует обширная „статистика” конца XVIII в., уделяющая большое внимание месту перевозок невольников в экономике портов. Эти данные касаются работорговли, а не всей колониальной торговли, и поэтому лишь результаты предполагаемых будущих исследований покажут окончательно, насколько правомерно говорить о „работорговой Европе”.

Обмен производительной силы („живой товар”) на инертные продукты (потребительские товары), рациональная или иррациональная ценность которых была завышена, безусловно, приносил барыши. Тем не менее сегодня уже нельзя считать, как это еще недавно предполагали историки, что экспедиции за невольниками давали фантастические доходы.

Работорговля стала прибыльной уже в первый ее период, когда сделки совершались прямо на берегу. Существовала сложная система эталонов ценностей (железные бруски и прутья, золотые слитки и т. п.) для разных участков африканского побережья. Менялась также и стоимость невольников: она зависела от колебаний спроса, сезона года, „запаса” рабов, приготовленных на продажу. Цена невольников вплоть до конца XVIII в. имела тенденцию к росту. Так, например, в Бонни* она достигала максимально 25 фунтов стерлингов (625 ливров), а вблизи мыса Монте могла падать до 4 фунтов стерлингов (100 ливров). Цена раба в Бонни чуть превышала минимальную стоимость одной тонны товаров у французских торговцев, однако на Перцовом берегу такая цена оказывалась раз в шесть ниже.

Работорговля оставалась весьма доходной и во второй ее период, когда возникли крупные хозяйства европейцев, основанные на невольничьем труде. В зависимости от личных качеств „товара”, определявшихся физическими возможностями невольника и местом его происхождения („расой”, что отражало сложившиеся у рабовладельцев-плантаторов определенные взгляды¹⁵), доставленный в район плантаций неволь-

*Бонни (Ибани) — одно из городов-государств на юге современной Нигерии (в устье р. Бони), возникшее в XIV—XV вв. и активно занимавшееся работорговлей в XVII—XVIII вв. С конца XIX в. вошло в состав Британской империи.

ник продавался в три-четыре раза дороже, чем он обошелся торговцу.

Все это никак не отражает, однако, реальные расходы на невольничьи экспедиции, учитывая связанные с ними неизбежные потери. Более того, доходность такой экспедиции в Африку надо оценивать вне связи с прибылями на рабовладельческих плантациях (особенно сахарного тростника). „Работорговля — это лотерея” — таков вывод одного из виднейших британских аболиционистов конца XVIII в. — Томаса Кларксона. В той или иной степени к такому же заключению приходят многочисленные современные исследователи работорговли.

Безусловно, нельзя отрицать, что отдельные невольничьи экспедиции приносили огромные барыши, как всякая удачная спекуляция, проведенная в наиболее благоприятный момент (например, в короткие интервалы между войнами или в других ситуациях, которые сейчас не так легко определить). Прибыль могла в подобных случаях достигать и 300%, но такая „удача” выпадала крайне редко, поскольку прибыль в 132% и даже в 90% оценивалась как большой успех. Торговцы вполне удовлетворялись и считали довольно хорошими прибыль и в 32%, и в 25%. Давенпорт из Ливерпуля, а это был опытный делец, за 20 с лишним лет торговли рабами имел среднюю годовую прибыль 10,5%. Прибыль того же порядка характерна и для крупнейших французских работорговцев из Нанта¹⁶. Впрочем, и при этом доходе капитал удваивался через 7 лет, а утраивался через двенадцать.

Историк Жан Мейе показал, что состояние судовладельцев росло пропорционально их умению вкладывать новый капитал. Одной из возможностей было участие в работорговле. На практике далеко не всем удавалось достичь желаемого. Ведь случались и кораблекрушения, да и отдача капиталов, вложенных на Антильских островах почти всегда в виде кредитов, была медленной. Возможность быстрого оборота капиталов обеспечивали себе только судовладельцы, занимавшиеся не одной работорговлей, но и продажей различных товаров. Впрочем, и эти негоцианты тоже нередко разорялись.

Работорговля хотя и считалась лотереей, но все чаще и чаще привлекала любителей попытать счастье. Их подстегивал рост потребности в невольниках на амери-

канских плантациях и еще больше спрос на колониальные товары. Первые аболиционисты говорили, например, что сахар имеет красный цвет от крови рабов. Но чем больше европейцев подключалось к работорговле, тем больше на берегах Африки требовалось невольников. За период европейской работорговли с этого континента вывезли по меньшей мере 8,2 миллиона человек, из которых две трети — взрослые мужчины, а треть — женщины и дети. Смертность среди них за время пути через океан составляла в среднем 15%. Это значит, что ежегодно от побережья протяженностью в 3500 км отправлялось более 200 кораблей с невольниками. В начале рассматриваемого периода их было меньше, в конце его — больше, но бывали и зависевшие от разных обстоятельств периоды, когда плавания невольничьих кораблей совсем прекращались.

Таким образом, мы постепенно подошли к мысли, что перемещения такой огромной массы людей стали возможны не только потому, что в Западной Европе в сотрудничестве с американскими рабовладельцами сложилась организация торговли невольниками, но и потому, что на африканском побережье возникли соответствующие системы ее обеспечения. Спрос Запада нашел предложение невольников в Африке.

2. Эра работорговли и „работорговая Африка”

Соединение вполне „расистского” взгляда на Африку большинства западноевропейцев в XVIII в. с вполне манихейскими рассуждениями* аболиционистов на протяжении XIX в., а также с идеологическими доктринами, получившими распространение в XX в., ввело в историю африканской работорговли определенные шаблоны. Они выработались за долгое время и продолжают влиять на психологию тех, кто занимается изучением проблем работорговли. В качестве примера мы остановимся дальше на понятийном отражении всего этого в термине „негритянские царьки”, которым один автор продолжает пользоваться даже в 1983 г.

* Манихейство — религиозное учение секты ранних христиан (III—V вв.), призывавшее к всеобщей, но пассивной борьбе со злом. Такой подход был характерен для значительной части аболиционистов.

Среди шаблонов сохраняется и та точка зрения, что Африка, дескать, не занималась работорговлей, а лишь жесточайшим образом пострадала от нее. Другими словами, признавая такой взгляд, с Африки снимается всякая ответственность за работорговлю. Но подобный подход можно использовать и как ширму для неприглядных фактов.

Если исключить очень незначительное французское проникновение в глубь Африки вдоль реки Сенегал до страны Галам (что еще не было колонизацией) и удивительное появление „лансадос” в „стране рек”*, то до 1795 г. европейцы еще не могли продвинуться внутрь Черного континента. По этой же причине европейцы не могли сами захватывать невольников, чтобы вывозить их. Добычей этого „товара” занимались сами африканцы, а размеры его поступления на побережье определялись действительно спросом извне.

По мнению Уолтера Родни, исключительной компетентностью которого мы уже пользовались, в работорговых районах Верхней Гвинеи невольников добывали, а затем продавали преимущественно мулаты, тесно связанные с местным населением. По данным Лавджоя, этими делами здесь более всего занимались мусульмане, но в районах, колонизованных южнее экватора, в добыче „товара” для невольничьих кораблей, вне всяких сомнений, участвовали и португальцы. Они, во всяком случае, занимались отправкой в глубь материка караванов, во главе которых ставили своих торговых агентов — „помбейруш”; последние порой сами были из числа невольников.

„Помбейруш” совершали далекие экспедиции и приводили много рабов. Повсеместно правовые, иногда очень суровые, нормы, регулировавшие в прошлом деятельность традиционных обществ, деградировали. В результате возрастало число людей, полная незащищенность которых делала их легкой добычей работорговцев. Вполне очевидно, что главные предпосылки для превращения людей в рабов создавались насилием и войнами.

* Лансадос — афро-португальские („афро-лузитанские”) мулаты. „Страна рек” („Южные реки”) — европейское название в XVII—XIX вв. части побережья Гвинейского залива, где впервые поселения европейцев возникли уже не на берегу, а в глубине материка.

Как работорговля в Европе, так и „работорговая Африка” требовали капиталовложений в развитие невольничьего промысла. Объем инвестиций зависел здесь от разных условий при родо-племенном или феодальном укладе жизни. Характер инвестирования был очень рациональным; прежде всего оно направлялось на укрепление такой основы власти, как вооруженная сила. Для этого приобреталось огнестрельное оружие; десятки тысяч единиц его ежегодно доставлялись в Африку. При этом речь шла не о каких-нибудь „самопаках” — клиентура понимала толк в оружии.

Там, где позволял рельеф, создавалась кавалерия, что требовало немалых расходов, но лошади, как и огнестрельное оружие, были мощным военно-психологическим фактором. Инвестиции требовались и для укрепления социально-культурных и религиозных предпосылок, способствовавших поступлению невольников. В „работорговой Африке” возникли системы регулирования поставок рабов в зависимости от изменений спроса на них. Такие поставки, в частности, можно было резко сокращать. Своего рода распределительная сеть по транспортировке невольников из внутренних районов континента на побережье включала места сбора подорожных пошлин и налогов, а также промежуточные рынки невольников, конкурировавшие даже с рынками на побережье.

Изучение поступления рабов для нужд местного хозяйства или на экспорт, а также функционирования африканских систем управления работорговлей позволило осветить социальную антропологию и историю внутренних областей Черной Африки. По этим вопросам опубликованы интересные работы (в том числе на французском языке), оставившие заметный след в общественных науках. Но в то же время давно ощущается нехватка обобщающего исторического исследования, а интересный труд Лавджоя, на который мы уже ссылались, только частично заполняет этот пробел. Предлагаемые нами подходы тоже дают общую картину.

Прежде всего мы касаемся западной части континента и к тому же лишь пространства в виде треугольника, прямой угол которого образуют 16-я параллель северной широты и 16-й меридиан восточной долготы, сходящиеся в Канеме. Третья сторона треугольника по форме, скорее, является синусоидой, соединяющей

Сен-Луи на р. Сенегал с мысом Доброй Надежды. Площадь этой территории более 9 млн. кв. км., протяженность береговой линии — более 1300 морских миль¹⁷, т. е. около 6000 км. Совершенно неясно, сколько людей проживало на этой огромной площади. Известно, однако, что некоторые прибрежные районы (от Золотого Берега до Бенина, к востоку от дельты Нигера, от Лоанго до Конго) были заселены гуще, чем другие, и, возможно, поэтому они стали, пользуясь выражением Лавджоя, местом „африканского рабовладения”, включавшего и экспорт рабов. Этнографы не раз подробно освещали культуру, политическую и экономическую историю, образ жизни народов, населявших эти места.

В Африке на все наложила отпечаток особая природная среда, которая мало поддается управлению человеком. На севере и юге описываемого треугольника преобладают саванны и обычно выпадает мало осадков. Лесосаванны образуют переход к влажным тропическим лесам, сохранившимся в основном во внутренних районах континента. Вся эта территория имеет густо разветвленную сеть рек, впадающих в Атлантический океан и служивших как путями сообщения, так и вместилищем продовольствия.

Сильно изрезанное между Гамбией и Сьерра-Леоне побережье дальше к югу имеет несколько бухт, отмеченных мысами Монте, Мезураде, Пальмес, Три Пойнтс. Затем берег уступает место заливу Биафра, за ним лежит дельта Нигера со множеством рукавов. Почти повсеместно берег подвержен мощным приливным валам — „барром”, — обрушивающимся на пляжи. Это делает практически невозможной постановку судов на якорь вблизи от берега без риска кораблекрушения.

Тем не менее в ряде пунктов регулярной торговли возникло несколько портов. Такими местами на труднодоступном побережье стали отдельные крупные эстуарии (в Сьерра-Леоне и Габоне) и широкие бухты на юге. Там, где у берега нет „барра”, помехи судоходству создают другие препятствия, например суженные горловины в речных устьях, высокие приливные волны в глубоких эстуариях и мангровые заросли в них. Здесь на воде господствуют только пироги. Некоторые из них подобны настоящим кораблям. Таковы пироги Золотого Берега или восточной части дельты Нигера, которые могли брать на борт 80—100 человек

и имели посередине судна маленькую башню с одной или двумя пушками.

Как на самом побережье, так и в его хинтерланде, и в глубине материка социально-политические и социально-религиозные структуры или системы были очень сложными. На севере рассматриваемый нами треугольник был открыт для проникновения ислама, проходившего мирным и не мирным путем. Ислам стал буквально разрушительным с 1804 г., сломав в 1820-х годах все традиционные структуры в стране йоруба*. В других местах ислам внедрился раньше, но должен был проявлять гибкость из-за непрекращавшегося сопротивления. Наибольшая же часть данного ареала оставалась областью господства различных языческих, анимистических верований, пронизывавших всю деятельность людей, политическую и экономическую жизнь общества.

В крайне упрощенной форме можно разделить традиционные африканские общества на две группы: общества с чертами государственности и без них. В основе обществ второй группы лежала обширная семья, входившая в родовую организацию. Политическую власть тут можно было бы определить как „анархию” в этимологическом значении этого слова. Для нее характерны сильное расслоение по возрастному признаку и геронтократия на вершине родовой пирамиды. Старейшины, однако, умело передоверяли отдельные элементы власти более молодым, в частности в военных делах. Экономическую основу составляло натуральное хозяйство, т. е. самообеспечение. Когда тому благоприятствовали природные условия, возникали формы регионального, межрегионального и даже межконтинентального товарообмена. Достаточно вспомнить самый простой и широко известный пример, имеющий весьма важное значение, — обмен лесных орехов кола на соль из пустыни.

*Йоруба — один из наиболее многочисленных народов на территории Нигерии. К XVI — XVII вв. сложилась система крупных и мелких государственных образований йоруба — Ифе, Ойо, Эгба, Ибадан и др. До начала XIX в. государства йоруба („страна йоруба”) активно участвовали в работоторговле, к началу XX в. все они вошли в состав английской и французской колониальных империй.

Совершенно замкнутые общества были крайне редким явлением. Между такими обществами часто возникали конфликты по самым разным причинам: земельные распри, межевые споры, экзогамное соперничество. Когда подобные конфликты переходили в вооруженные столкновения, они все же не втягивали в них все общество. Кваме Йебоа Дааку приводит наблюдения мореплавателя Эткинса, который сообщал, что „если битва становилась кровопролитной и уже имелось шесть убитых из одного лагеря”, то сражение прекращалось. Трудно сказать, насколько можно судить по устным преданиям о том, что принцип сохранения мужчин соблюдался на обширных пространствах, учитывая малую плотность населения и то, что по этой причине общество могло понимать свою уязвимость из-за людских потерь.

Тем более трудно уточнить сейчас, в какой степени результаты подобных внутренних конфликтов — социальных, политических и экономических — способствовали „производству” невольников. Но, по-видимому, пленники, как правило, никогда не оставались вблизи мест их пленения. Историкам пока не удалось оценить достоверность сообщений о том, что после 1670 г., якобы в связи с усилением спроса на невольников для вывоза, в Африке происходило быстрое разложение нравов, приведшее к деградации местной власти и утрате ею возможности выполнять одну из своих основных функций — защиту закрытого общества.

Неповиновение властям, круговая порука, выходящая за пределы традиционного права, откровенное насилие и разбой (в частности, при отказе выплачивать долги), нарушение супружеской верности и т. п. стали теми нарушениями социальных норм, которые могли в отдельных случаях даже вести к обращению людей в депортируемых рабов¹⁸.

Где же в выделенном нами треугольнике существовали подобные африканские общества? В большинстве своем в лесах: вблизи экватора — между реками Камеруна и Габона, на северо-западе — от предлесной зоны по левому берегу Гамбии до лесов правобережья Комоз. На севере такие общества граничили с аванпостами мусульманского мира. На западе господствовало теократическое общество в Фута-Джалоне —

исламизированная империя фульбе*, о которой Ив Персон писал, что она отличается „исключительной жадной иметь невольников”19?

Вторую группу политических образований составляли общества с государственным управлением. Они были сосредоточены на севере, охваченном исламом или находившемся под влиянием ислама, а на северо-западе такие общества уже сталкивались с предколониальным проникновением вверх по Сенегалу французов. Но главной территорией этих обществ была „зона масличной пальмы”, где находились королевства Ашанти, Дагомея, Йоруба, „закрытое” королевство Бенин**, города-государства на востоке дельты Нигера, дальше к югу — Лоанго и Конго.

Безусловно, очень долгое время под вопросом оставалась правомерность использования термина „государство” по отношению к указанным политическим образованиям. Сегодня вопрос так уже не стоит, если не принимать всерьез тех, кто все еще продолжает рассуждать о „негритянских царьках”, демонстрируя тем самым свое невежество, бескультурье, чтобы не сказать больше о подобных авторах.

С учетом многообразия местных вариантов политические структуры исторических африканских государств отражают три основных типа взаимосвязей:

- 1) семейная взаимозависимость в рамках рода или этнической группы — человеческая общность при социально-культурном единстве;
- 2) общность землевладения — от сельской общины до территориальных прав царствующей особы; политическая сущность в этом случае проявляется через централизацию власти, юрисдикцию, репрессии;

*Фульбе (фула, пель и др. самоназвания) — один из наиболее многочисленных народов Западной Африки, рассеянный группами от Мавритании на севере до Чада на востоке и Экваториальной Гвинеи на юге. В XVIII — XIX вв. создавали свои государства: Фута-Джалон, Фута-Торо, Масина, Сокото и др., которые в XIX в. в своем большинстве были подчинены правителям Фута-Джалона („империя фульбе”).

**Бенин — государство в нижнем течении р. Нигер, достигшее расцвета в XVI — XVII вв. Продажа европейцам рабов из Бенина продолжалась с XVI по XIX в. Монополия верховного правителя („царя”) на торговлю с европейцами объясняет „закрытость” этого государства.

3) личная зависимость, т. е. связь одних людей с другими не на основе иерархии (например, простой крестьянин может индивидуально быть так или иначе связан даже с царем); сюда относится, в частности, и „скрепленный кровью договор”, который связывал короля Дагомеи Гезо с афро-бразильским капитаном-работорговцем Франсишку да Суза²⁰, как утверждал он сам²¹.

Возможны комбинации этих связей, что обусловлено большим числом различных государственных образований в прошлом Африки²².

Двумя движущими силами африканской государственности стали военная организация и использование огнестрельного оружия. Войны, возникавшие между политическими территориальными образованиями разного характера (централизованными, экспансионистскими и т. п.), уже не ограничивались, как раньше, только лесной зоной. К тому же война перестала быть просто столкновением между разными родами или соперничающими деревнями, когда всего несколько десятков человек прекращали свои сражения с наступлением ночи или же после „первой крови”²³. Начались войны, втягивавшие сотни, а иногда тысячи людей и отряды кавалерии.

Были ли это уже вооруженные конфликты, главной целью которых стал захват пленных для превращения их в продаваемых за океан рабов? Именно так обычно считали аболиционисты конца XVIII — начала XIX в. Недостаточная их осведомленность о политических ситуациях в глубине материка в сочетании с пропагандистским запалом приводила аболиционистов к чрезмерной переоценке связи между многочисленными африканскими конфликтами и стремлением таким путем обеспечивать невольниками прибрежные рынки. Подобный взгляд приводил и к отрицанию того, что Западная Африка жила совершенно такой же реальной политической и экономической жизнью, как и Западная Европа²⁴.

Недавно Дааку опять привлек внимание к тому, что Осей Бунеу — король Ашанти и Адандозан — король Абомея и „сюзерен” Ардра и Уиды — „упорно отрицали”, что войны между ними имели целью снабжать невольниками корабли работорговцев²⁵. По-видимому, в XIX в. положение стало уже несколько иным. Биобаку объясняет, что военное нашествие,

уничтожившее страну Эмба в королевстве Йоруба в 1821 г., „надо рассматривать в свете потребности в рабах на побережье”²⁶, а также в связи с продвижением ислама на юг.

Все же и войны, вызванные политическими причинами, тоже приводили к появлению пленных, и часть из них неизбежно продавалась, а затем перемещалась по протяженным торговым путям, обычно приводившим к побережью. Войнами между государствами в Западной Африке особенно насыщен именно период с начала XVIII в. и до середины XIX в. Впрочем, в недавнем исследовании Жана Базена и Эммануэля Терре опять содержится призыв пересмотреть некоторые из сложившихся представлений об этих войнах²⁷.

Если войны не играли первостепенной роли в „производстве” рабов, то, значит, следует говорить о специальных походах за невольниками. Подобные рейды должны были проводиться хорошо подготовленными вооруженными отрядами, нападавшими на слабо или вовсе не защищенные деревни и небольшие группы людей. По этому вопросу „Круглый стол о происхождении Конга”²⁸ (Конг — королевство внутри современной территории Кот-д’Ивуар)²⁹ провел ценное исследование, позволяющее обобщить ряд наблюдений, не опасаясь того, что отдельные местные особенности поставят сделанные выводы под сомнение. Для историка большая трудность заключается в том, что информация, полученная из устных преданий, плохо датируется, не позволяя подчас уяснить, идет ли речь о начале или середине XIX в., а может быть, даже о конце XVIII в.

Вот как предания описывают практику захвата невольников:

„Мест, где это делали, было много. Они на них накидывались. Если они убегали, то шли в места между палаки и нами, там на них нападали и продавали в том же месте.

(Вероятно, на базаре в 16 километрах от Конга.)

Они шли между тагана и нами и вышли на пришельцев, и когда пришли, их схватили. После этого их забрали и продали в том же месте, но у них было меньше рабов, чем у конгов”.

А вот практика захвата как раз у конгов:

„Тагабана тоже отправлялись в путь и ходили по полям, а когда видели молодых и видели, что среди

них не было старших, или когда видели одних женщин и не было мужчин, они их хватали и уводили продавать. Они набрасывались на них и вели продавать. Они ходили и в другие места и там хватали других людей и уводили их на рынок, чтобы продать. Вот так это происходило”³⁰.

Безусловно, второй отрывок из устного предания вызывает удивление, так как из него следует, что в неволю не захватывали взрослых мужчин, тогда как в действительности именно они были основной частью „груза” невольничьих кораблей. Наиболее ярким в приведенных цитатах является их тональность, как бы отражающая запыхавшиеся голоса бегущих от погони, что свидетельствует о жестокости описанных повседневных преследований людей.

Во что же все это обходилось, как оплачивались война и насилие? Тот, кто брал на себя расходы, платил за оружие, лошадей, питание своих людей, выделяя для этой цели какую-то часть из доходов от захвата невольников. Но и те, кто непосредственно захватывал людей, по-видимому, какую-то часть из них оставлял себе, чтобы тоже позже продать их. Так происходило у конгов, но, вероятно, все было аналогично и в других местах.

Чисто африканской спецификой отличались также способы транспортировки предназначенного на экспорт живого „товара”. Мы остановимся на этом, опираясь опять на устные предания, хотя это вновь не внесет ясности в датировку событий. Однако, принимая во внимание общий характер развития работорговли, можно считать, что формы транспортировки невольников между 1750 и 1840 гг. не претерпели существенных изменений. Возможно, что к концу указанного периода они даже стали еще более жестокими.

Последователи Мунго Парка, первым из европейцев проникшего в глубь Африки, выдающиеся путешественники Мольен, Клаппертон, Лэнг и Кайё, затем братья Лендер, опубликовали свои наблюдения и заключения³¹. На пути европейских путешественников встречались караваны „рабов” (именно так и говорили в то время, а теперь считают более правильным употреблять слово „невольники”), направлявшихся в сторону побережья. Иногда путешественники сами двигались вместе с такими караванами, пользуясь их помощью, особенно на обратном пути. К сообщениям

этих путешественников принято относиться с доверием, так как они были храбрецами, подолгу находившимися на краю гибели, испытывая голод, жажду, зло и насилие. Кроме того, современные историки проверяют точность сообщаемых такими путешественниками сведений путем сравнения их с устными преданиями. Последние принимаются за достоверные источники потому, что сообщаемые ими данные отнюдь не сборник рассказов о „невинности” африканских обществ в глубине континента в деле захвата невольников (что мы только что видели выше). К тому же предания со скрупулезной точностью описывают самые мелкие детали экономического порядка. Это ценнейшая информация, поскольку как раз в историческом плане в преданиях обычно мало нового. В этом отношении заслуживают особого доверия результаты исследований нигерийского историка Махди Адаму, выводов которого мы часто придерживаемся³².

В том случае, когда невольники привозились на побережье Бенинского залива из Центрального Судана, система работорговли начиналась с захвата людей либо силами местных властей, либо путем формально запрещенного разбоя. Кроме того, африканцы оказывались в рабстве при выплате дани людьми, когда их дарили правители. Так они становились объектом продажи на местных рынках, подобных упомянутому выше, восточнее Конга. Торговцы объединяли приобретенных ими невольников в караваны, но неверно думать, что существовали специальные караваны только невольников. В действительности речь всегда шла о торговых караванах, в которых рабы были лишь одним из видов транспортируемых купцами товаров.

Пора отказаться от постоянно изображавшейся картины невольничьих колонн, тянущихся через саванны и леса, а вместо этого представить себе множество торговых центров, пунктов питания, промежуточных стоянок и т. п., образующих сложную систему, требующую особой организации. В караванах невольник прежде всего используется для переноски груза. Если он проявит себя в этом деле, то избежит продажи на вывоз и просто будет включен в число постоянных носильщиков. По пути от Центрального Судана до побережья число невольников в караванах постоянно уменьшалось, так как их частично распродавали по дороге для удовлетворения местного спроса на рабов.

Такая ситуация создавала своеобразную конкуренцию³³ между внутренним и внешним спросом на рабов. Когда зоны возникавших военных действий охватывали территории с радиусом в десятки километров, приходилось менять путь и сходить с традиционных караванных дорог. Распределительным центром к северо-западу от слияния Нигера с Бенуэ стало королевство Нупе*, откуда невольников отправляли не только прямо на побережье, но и в Дагомею. В XIX в. подобные изменения классических невольничьих маршрутов привели к относительному упадку торговли с государствами йоруба. Но в целом у африканцев проявлялась хорошая организация работорговли, свидетельствующая о ее „высокой экономической эффективности”³⁴.

Сейчас трудно выявить те иногда совсем незначительные нюансы, которые имелись у каждого из внутренних африканских обществ с их всегда заметной индивидуальностью. За 150 лет нараставшего в западных странах спроса на африканскую рабочую силу удовлетворение его (т. е. предложение рынка невольников) оказывало различное влияние на социальную организацию участвовавшей в работорговле Африки. Без особого труда можно представить себе, как смотрели на работорговлю ее жертвы. Это было время утраты личной безопасности африканцами, оказавшимися, пользуясь современной терминологией, в условиях терроризма сначала у себя на родине, а затем за ее пределами. С точки же зрения тех, кого мы называли террористами, работорговля сначала преследовала больше экономические, чем социально-политические цели, но, правда, нельзя забывать и о территориальной экспансии, следовавшей путями работорговцев. Африканские же работорговцы оказались на континенте теми пружинами, которые раскручивали очень сложные экономические механизмы, дабы обеспечить себе наибольшие доходы. Рассмотрим важнейшие из этих механизмов.

*Государство Нупе возникло в XV в. в районе впадения р. Кадуны в Нигер. Его расцвет приходится на XVII — XVIII вв., когда происходила исламизация страны. В начале XIX в. Нупе было подчинено фульбе и вошло в состав Сокото; в конце XIX в. на территории Нупе установилась власть английских колонизаторов.

Реакция расселенных по побережью африканцев на запросы европейцев была совсем не однозначной в разных местах. Рассмотрим организацию предложения невольников и действия белых работорговцев, взяв выборочно три района: Лоанго, Дагомею, реки восточной части дельты Нигера.

К югу от экватора, между современным Габонем и правым берегом р. Заир (Конго), находилось королевство Лоанго, населенное вили. Король, или верховный правитель, — малоанго хорошо принял голландцев, связывая с ними возможность расширения торговли, и отказался от всякой монополии на нее. По мере расширения работорговли малоанго создал для управления ею прекрасно организованную администрацию. Специальный орган контролировал ход торговых операций в каждой точке товарообмена. Всю администрацию возглавлял „мафук” — третье по значению лицо в королевстве. С согласия короля эта должность откупалась. Роль мафука стала такой значительной, что некоторые французские работорговцы оказывали ему особое внимание, называя его титулом свои корабли.

Мафук ежегодно выплачивал казне правителя арендную плату. Он один мог назначать посредников, имевших право торговать с европейцами, — „маркедорес”. Он же определял налоги и цены в торговле невольниками, выступал арбитром в спорах, обеспечивал поддержание порядка на рынках. В центре торговой активности мафуку помогали другие лица более или менее высокого ранга: мамбук, мангов, матиенте. Любой житель Лоанго мог привести сюда невольников — местный ли вождь, просто свободные люди и даже их слуги, если только все соответствовало установленным правилам продажи. То, что отступало от них, любое отклонение от сложившейся системы торговли невольниками любым из торговцев, будь он африканец или европеец, вело к аннулированию сделки. Такая централизация обеспечивала государству и немногочисленной прослойке посредников рост их богатства.

Строгий контроль за продажей невольников на вывоз не нарушал внутренних порядков, поскольку продававшиеся европейцам рабы никогда не происходили из королевства, а доставлялись из-за границ Лоанго. Невольников захватывали очень далеко от них, возможно, даже в королевствах Луба и Лунда вблизи Великих озер. Таким образом, местное население (вили)

не опасалось работорговли и традиционно занималось земледелием и рыболовством. Центральная власть в Лоанго сохраняла всю свою силу по крайней мере до расцвета аболиционизма в XIX в.³⁵

О Дагомее написано немало книг, но это не означает, что у историков не осталось нерешенных проблем, Королевство Дан-Хом возникло в результате захвата королевством Агбомей, расположенным во внутренних районах, двух прибрежных королевств — Аллада (французы называли его Ардра) и Вида, сильно соперничавших друг с другом и занимавшихся крупными поставками рабов в конце XVIII в. Правитель Агаджа осуществил в 1727 г. военное, а в 1740 г. и полное административное подчинение Аллада и зависевших от него территорий. Вида же была превращена в настоящую „колонию” — Агбومه (Абомей) в прибрежной части возникшего большого нового государственного образования.

Существовавшая здесь ранее администрация была усилена должностью „йовогана” — „начальника белых”. Он был одновременно как бы министром иностранных дел и министром торговли, а нередко его воспринимали как вице-короля. Однако особый интерес Дагомей представляет потому, что со времени указанной победы в 1727 г. наступило уменьшение объема работорговли в Виде, продолжавшееся по крайней мере до 1780-х годов. Историки до сих пор задаются вопросом о причине этого снижения продажи невольников: не была ли она результатом действий в этом направлении правителей Дагомей?

Вполне вероятно, что они стремились как-то регулировать работорговлю в экономических, а возможно, и в культурных интересах государства. С одной стороны, продажа на вывоз дагомейских подданных была в принципе запрещена; следовательно, приток невольников мог происходить только с территорий к северу или к востоку от Дагомей (военнопленные или дань в результате, как нам представляется, спровоцированных военных действий, хотя по этому вопросу существует противоположная точка зрения Адандозана). С другой стороны, строгое и обязательное регламентирование торговли, навязанное европейским торговцам и контролировавшееся йовоганом с помощью разветвленной сети штатных соглядатаев, могло стать причиной того, что покупать здесь невольников оказалось накладно.

Деятельность работорговцев из Нанта как бы подтверждает такое предположение. В 1707—1731 гг. 135 экспедиций из Нанта вывезли из Виды в Нант не менее 43 000 невольников. После завоевания Виды отсюда в Нант за 1732—1755 гг. в результате 71 экспедиции было вывезено 24 500 невольников, а в 1763—1791 гг. 47 нантских работорговцев вывезли из Виды лишь 18 500 африканцев³⁶. При этом в Нанте отнюдь не стали меньше заниматься работорговлей. Просто нантские коммерсанты стали реже посещать описываемую часть Африканского побережья, поскольку именно здесь получали все меньше прибыли. И тем не менее Дагомея оставалась одним из важнейших государств на побережье, имевших и сателлитов, и соперников, таких, например, как Бадагри, Эпе, Порто-Ново, которые как раз и были объединены общим названием — „Невольничий берег”.

Остановимся кратко и на общественных структурах восточной части дельты Нигера. У народов аро, игбо и эфик здесь также сложились политические образования, формы которых позволили историкам сравнивать их даже с городами-государствами античной Греции. Одни ученые вообще отрицают централизацию власти в этих местах, другие же говорят о „королевствах” и даже „республиках”. У аро развитие религиозной структуры привело к появлению оракула — Аро-Чуку, которого почитали во всей дельте Нигера, тем более что его моральный авторитет опирался еще и на военную силу народа аро. Эта сила и давала возможность аро вести завоевательную, колонизаторскую политику.

У эфик развитие правовой структуры привело к возникновению „тайного общества” Экпе, объединявшего местную торговую элиту. Власть общества проявлялась в семи степенях наказаний, от простого порицания до физического уничтожения тех, кто не выполнял коммерческих директив Экпе.

У народов игбо, ийав и ибибио, живших по берегам рек, мощная и разветвленная экономическая структура возникла прямо в водной стихии, где господствовали владельцы пирога. Пироги, которые могли перевозить любые товары, поступающие по Нигеру или привозимые к нему, принадлежали родовым вождям или местным правителям. Торговое богатство и политическое влияние общества Экпе в этих густозаселенных райо-

нах вовлекли в него многие тысячи людей³⁷. Начиная с первой трети XVIII в. для удовлетворения западноевропейского спроса на невольников здесь сложилась целая организационная пирамида, отражавшая черты всех рассматриваемых моделей африканской работорговли.

В то же время эта структура отличалась от моделей Лоанго и Дагомеи уже тем, что здесь захват невольников не мог производиться у соседей по периферии государства, а невольников, наоборот, захватывали на своей же территории из числа аро, ибо, эфик. Главным „производителем” невольников при этом стал знаменитый оракул, который по своему определению требовал жертв — „пожирал” неугодных жителей. „Пожирание” — это эвфемизм, и оно означало продажу неугодных оракулу людей как невольников на экспорт. Но так как одним подобным путем было невозможно обеспечить спрос на рабов, то вооруженные отряды аро стали высаживаться на берега Нигера вблизи слияния с ним Бенуэ и отсюда проводить набеги в восточном направлении на плато Баучи, а в западном — к границам страны Нупе.

Эти территории стали резервуаром, из которого постоянно черпались невольники. Их везли к побережью на больших судах-пирогах. Общество Экпе обеспечивало регулярность этого торгового грузопотока. В 1711—1810 гг. в результате такой активности Экпе восточная часть дельты Нигера поставила западноевропейским работорговцам около миллиона рабов³⁸. Работорговля продолжалась здесь в таких же масштабах примерно до 1840 г.

На первый взгляд картина была иной в других районах побережья: в Кайоре и Баоле в Сенегамбии (о них пишут Мартен и Беккер, а с несколько иных позиций — Кёртен); в обществах без признаков государственности, которые изучал Родни; то же можно сказать и об удивительном явлении — „лансадос”, афро-лузитанских мулатах, активно занимавшихся работорговлей до XIX в. и расселившихся вплоть до Лагоса (на территории современной Нигерии). Так под разлагающим влиянием европейцев, предлагавших самые разные товары в обмен на „живой товар”, все перечисленные африканские „общества” и их аналоги весьма интенсивно включались в работорговлю³⁹.

Практику приобретения европейцами невольников можно, сильно упрощая дело, свести к двум основным формам: товарообмен на борту судна и на берегу. Прибегая к еще большему упрощению, мы осветим дальше также методы перевозки африканцев через океан. Мы прибегаем к схематичности не из-за того, что речь идет о явно постыдных делах, а так как иначе по каждой из этих тем пришлось бы писать целую книгу.

„Обмен под парусами” — метод, когда корабль любой страны (или, как говорят моряки, под любым флагом) ведет покупку невольников в одной за другой, заранее известных работорговых точках африканского побережья, где европейцы еще не закрепились на берегу. В этих случаях судно становилось на якорь в нескольких кабельтовых от берега, например перед первой волной „барра”, если не имелось более удобного рейда. Ставшее на якорь судно превращалось в настоящий базар с выложенными на прилавки товарами для покупателей или, что вернее в данном случае, для товарообмена, поскольку денежное обращение на побережье практически отсутствовало.

Прежде всего выполнялись традиционные акты начала торговых операций — выплата пошлин-подарков за стоянку у берега, в которые входили разные товары. Затем подплывали пироги. В европейских рассказах много места уделяется попойкам африканцев-работорговцев на кораблях. Это так и не так, но подобные рассказы, принижая африканских продавцов людей, как бы старались провести мысль, что покупка „живого товара” была для невольников чуть ли не спасением. После того как сделка заключалась, начиналось перемещение живого и неживого товара на берег и с берега. Бывало, что приходилось докупать разные товары на других стоявших здесь же на рейде кораблях, чтобы расплатиться за приобретенных невольников. Корабли эти могли принадлежать тем же судовладельцам, могли — другим, важно лишь, чтобы на них нашелся нужный товар. Именно в таких ситуациях проверялась компетентность суперкарго, но это же свидетельствовало и о постоянстве материальных запросов африканцев, продававших невольников.

В 1714 г. такие французские невольничьи суда, как „Ле Фазтон”, „Ль’Африкен”, „Ле Люзенсе”, „Ле Венкер”, загружались примерно тем же (каури, труб-

ки, яркие ткани, ружья, водка), чем через пятьдесят лет загружала трюмы работорговая армада под командой Ван-Альстейна и даже еще позже, в 1790 г., „Ля Мюзетт“ судовладельца Линкольна. Более или менее продолжительная в зависимости от торговых переговоров стоянка корабля заканчивалась опять раздачей прощальных подарков, знаменовавших завершение сделки. В качестве таких подарков иногда вручались, например, золотые серьги, сервизы или серебряные столовые приборы.

Некоторые суда подобным образом могли вести торговлю в каботажном плавании в течение целого года и даже дольше. Невольников скупали небольшими группами по мере движения к месту оптовой торговли „живым товаром“. Там делались крупные закупки, но не всегда они совершались быстро. Стоянки в Виде, в дельте Нигера или в Лоанго длились по несколько месяцев, а это позволяет думать, что корабли не так легко было полностью загрузить людьми.

С точки зрения покупателей рабов, наилучшим способом содержать невольников до их вывоза морем считалось размещение их на берегу в бараках из жердей, имевших хорошую вентиляцию. При менее благоприятных условиях, например при длительном каботажном плавании, приходилось держать невольников на борту. Именно в этих случаях обычно происходили одиночные и коллективные самоубийства невольников. Известны случаи, когда женщины парами бросались в море, и морские акулы в этом случае играли для невольниц ту же роль, что и работорговые „акулы“.

Длительное содержание рабов на борту было также причиной эпидемий, приводивших к высокой смертности. Случались и мятежи невольников. По имеющимся данным, они происходили реже, чем это принято считать, но все же — один-два бунта на каждые десять морских невольничьих экспедиций. Французы, у которых постоянные стоянки имелись лишь в Сенегале и Виде, почти всегда практиковали „оздоровительные“ высадки живого груза на Иль-дю-Пренс⁴⁰. Это вызывалось отнюдь не „движением души“, а экономической заинтересованностью судовладельца.

Действительно, такие высадки было выгодно и нетрудно осуществлять, когда невольничий корабль поддерживал связь с фортами и укрепленными европейскими факториями. Это были прочные сооружения,

иногда очень внушительные, как, например, Эль-Мина, цитадель Кейп-Кост, три форта Аккры или считавшаяся неприступной португальская крепость Качео. Между Сенегалом и Анголой возникло 43 подобных укрепленных пункта, принадлежавших французам, датчанам, португальцам, голландцам, но главным образом англичанам. Наибольшая концентрация крепостей (32) приходилась на отрезок побережья от мыса Три-Поинтс до Виды, хотя это еще не обеспечивало усиления западноевропейского проникновения внутрь Африки.

Такое проникновение происходило позже по-иному, а в местах своего первого закрепления на Африканском континенте европейцы могли управлять лишь теми, кто жил в самих фортах, т. е. двумя-тремя сотнями людей в наиболее крупных пунктах, включая в это число и рабов. А всех европейцев на всем побережье, исключая Анголу, вряд ли насчитывалось и три тысячи человек. Если не считать Сен-Луи на Сенегале, остров Горэ, Качео и Биссау, Золотой Берег и западную часть Невольничьего Берега (помимо Анголы), то на трех тысячах километров Атлантического побережья Африки других постоянных европейских поселений не было.

Реальная власть всюду еще принадлежала африканцам и проявлялась в необходимых случаях как сила, способная устранить сомнительные или слишком смелые притязания европейцев. Так были сожжены форты в Лоанго и Аккре, а королевство Бенин, например, просто отказалось от всяких контактов с европейцами и имело с ними торговые отношения только через посредство „королевства” Итсекири, специально созданного для этой цели искусственного политического образования*.

Европейские форты, продолжавшие скупать довольно значительные количества золота, функционировали и как места складирования и распределения европейских товаров, а также для временного содержания невольников перед их отправкой за океан. По современным оценкам, в XVIII в. только через форты Золо-

*Итсекири (Оде-Итсекири, более известно под португальским названием Варри) — в XVI — XIX вв. город-государство на Нигерийском побережье, активно посредничавшее в европейской работорговле. Население Варри уже в XVII в. было почти поголовно обращено в католичество.

того Берега прошло 678 000 таких рабов. Форты имели для этого все необходимое. Например, в огромных подвалах замка Кейп-Кост можно было одновременно содержать более тысячи людей, состав которых, разумеется, постоянно обновлялся. К слову сказать, для этих невольников короткое пребывание в фортах было, вероятно, все-таки более легким, чем последующий путь на кораблях.

То, как перевозили через Атлантику невольников, стало темой многих исследований, книг, картин. Широко известны гравюры, изображающие танцующих под барабан на палубе негров, но также планы и разрезы кораблей „Брукс” и „Вижилян”, набитых как сельди в бочке невольниками в надпалубных пристройках, сколоченных корабельными плотниками. На таких судах невольники не всегда могли даже вытянуть ноги и их часто везли в скрюченном положении. Так ли все это было или все-таки не так?

В последней трети XVIII в., когда только начали вынашиваться породившие аболиционизм идеи, еще оставались в силе португальские рекомендации прошлых веков, исходившие из принципа размещать на судне в среднем по три раба на одну единицу измерения водоизмещения корабля.

Во французских единицах измерения и со всеми оговорками, которые следует сделать, когда речь заходит об определении водоизмещения судна, тоннаж измерялся габаритами трюмов, а единица измерения составляла 42 кубических фута (т. е. 1,44 кубического метра или же объем 200x100x72 см). В последние два десятилетия английской работорговли средняя норма загрузки невольников составляла одну „живую единицу” на единицу водоизмещения корабля. Однако в конце XVIII в. аболиционисты называли невольничьи корабли „плавающими могилами” и доказывали это в своих публикациях, особенно с помощью эмоциональных рисунков. Вероятно, к тому же эти издания отражали дух трагизма, царивший на заре эры романтизма.

По существу, приведенные расчеты свидетельствуют лишь о высокой „плотности загрузки” невольниками кораблей, что ряд авторов и считали главной причиной высокой смертности африканцев при плавании через Атлантику. Но эта смертность еще больше зависела как от времени предварительного пребывания невольников на берегу перед отправкой за океан, так и от

продолжительности плавания⁴¹. В любом случае одни цифры далеко не все объясняют.

Профессиональные моряки, окружавшие Христофора Колумба во время его первого плавания через Атлантический океан, дрожали от страха уже через три недели после начала плавания, не видя впереди земли. И это совершенно достоверно. Что же должны были испытывать при таком плавании сухопутные жители Африки? Что переживали они, скученные десятками и сотнями в закрытых помещениях кораблей и испытывающие бортовую и килевую качку? Как переносили они в этих условиях жару экваториальных и тропических широт, когда корабль оставался без движения, попадая на месяц, два, иногда и три в зону штиля? Мы не говорим уже о бесконечных штормах. Разве можно называть литературу обо всем этом ложным пафосом аболиционистов?

За невольниками нетрудно присматривать, когда их немного. Тогда их можно даже выводить каждый день на палубу подышать свежим воздухом, что шло лишь на пользу работорговцу. За это время и экипаж успевал „проароматизировать” помещения невольников, как называли тогда дезинфекцию путем окуривания парами уксуса. Когда же невольниками бывали забиты все трюмы, то людей тем реже выводили глотнуть чистого воздуха, чем больше их везло судно. Невольников быстро возвращали с палубы на свои места, зловоние которых от кала, мочи, рвоты забивало запах корабельной смолы и свидетельствовало о больных лихорадкой. В те времена говорилось, что невольничий корабль можно узнать издали по запаху. Жизнь африканских рабов на этих кораблях так тесно соседствовала со смертью, что не шла ни в какое сравнение с положением белых экипажей даже в тех случаях, когда у последних процент смертности мог оказаться выше.

Что же происходило в случае бунта невольников на корабле? Если его подавляли, то делалось моральное внушение, часто сопровождавшееся жестокими физическими наказаниями. Затем зачинщиков вешали на реях и экипаж тренировался в стрельбе по их трупам. Если мятежники побеждали и это было вблизи от побережья, то на лодках или пирогах невольники уплывали к берегу, где их вполне могли опять захватить в рабство и продать. Наконец, если бунтовщики брали верх в открытом море, то, вероятно, „корабль пропа-

дал без вести". Такие суда никогда и никуда не приплывали, так как если африканцы уничтожали весь экипаж, то уже некому было вести корабль в открытом море.

Когда на борту случались роды, сколько времени мог прожить новорожденный? А сколько так умерло грудных детей, проданных вместе с их матерями? Надо также четко представить себе, как часто после пересечения океана невольники доходили до такого состояния безумия и страха, что их трудно было признать за живых людей. Впрочем, и за океаном их общим делом были столь же тяжелые испытания.

В инструкциях судовладельцев своим капитанам в общих чертах давались указания о возможно лучшем содержании живого груза, так как это было в экономических интересах работорговца. В целом судьба невольника была лотереей с шансами выжить. За период работорговли через Атлантику в такой лотерее участвовало примерно восемь миллионов вывезенных из Африки рабов, однако это только приближенная оценка. За африканцев, проданных в страны Америки, было выручено не менее трехсот миллионов фунтов стерлингов, или 7,5 миллиарда ливров. А ведь, кроме этого, столь грандиозная экономическая операция обеспечивала еще и занятость множества людей в Европе и Африке. Так почему же и как потребовалось сворачивать такое предприятие?

Была ли эра аболиционизма?

Легальная, защищенная, „уважаемая“ торговля черными невольниками, триумфально служившая развитию экономики, долго не привлекала внимания сил, которые пеклись о моральных интересах. Понятие „запрещения“ (abolition) работорговли принадлежит Западу. Аболиционизм был как бы односторонним явлением, иначе говоря, об этом ни с кем в Африке не советовались. Аболиционизм был ей навязан. Проводившиеся с 1790-х годов многочисленные международные форумы заставляют историков задаваться вопросом, что же послужило глубинной причиной возникновения гуманитарного движения, о котором пока известно так немного.

Зародившись в первой трети XVIII в., укрепившись в его второй половине, наращивая свою активность с

1770 г., а особенно с 1787 г., это движение добилось (теоретически) победы в 1802—1807 гг. в нескольких странах: Дании, Англии, США. Событием в этом движении стало то, что в 1794 г. революционная Франция запретила рабство, хотя совершенно недвусмысленно обошла молчанием работорговлю. Впрочем, в одно время с Амьенским договором* первый консул Наполеон Бонапарт особым декретом восстановил в повахах и то, и другое.

У историков бытуют два противоположных взгляда. Первый заключается в том, что запрещение работорговли совпадает с переходом западного мира к экономике с новой структурой, в которой оказались несовместимы рабский труд и промышленное производство. Старые способы производства приходили в упадок, предвещавший их исчезновение. Такой взгляд низводит роль гуманитарного движения к расплывчатым выступлениям привилегированных интеллектуалов, связанных с нарождавшимся капитализмом.

В отличие от этого вторая точка зрения отвергает и опровергает тезис об упадке рабовладельческой системы в то время. На первый же план выдвигается идея о пробуждении сознания, сначала индивидуального, затем и коллективного. Последнее позволяло говорить даже об участии народных масс в аболиционизме. Наибольшее развитие и распространение его филантропические принципы получили в Англии. Франция и США шли вслед за ней, но разными путями.

Исследования последних лет показывают, что аболиционизм в Англии проявлялся иным образом, чем, например, во Франции. Массовость движения аболиционистов в Англии подтверждается многочисленными петициями, собиравшими десятки тысяч подписей, которые ставили прихожане после воскресных молебнов. В требовании запретить работорговлю, таким образом, присутствовал и религиозный оттенок. У французов же требование запрета рабства окрашивалось общим настроением революции, во время которой во Франции и стал развиваться аболиционизм. Совершенно

* Мирный договор, заключенный Францией и ее союзниками с Англией в 1802 г. в г. Амьене. Договор явился, по существу, перемирием в долгом противоборстве Англии в конце XVIII — начале XIX в.

уникален случай с французским „Обществом друзей черных”. Рабовладельцы и работорговцы создавали ему репутацию политической организации, существующей на деньги Англии⁴². Это было не так, но нельзя отрицать, что идеологическая модель этого общества порождена активностью британских аболиционистов. Вполне очевидно, что французы не могли создать свою, чисто национальную, галльскую концепцию филантропии, когда в мире уже существовали принципы универсальной морали.

Доктрина аболиционизма зародилась в еще нечетком виде в конце XVII в. Она была близка взглядам деятелей эпохи Просвещения. Квакер Бенезе сформулировал суть доктрины еще до провозглашения независимости США. Затем идеи аболиционизма развивали Грэнвил Шарп, Томас Кларксон, Уильям Уилберфорс в Англии, во Франции — аббат Рейналь, взывавший к прекращению рабства как тяжелейшего преступления; его поддерживали Дидро, Кондорсэ, Фроссар, Бриссо, Петийон, Клавьер, не считая других, менее значительных лиц. Все, кого привлекала доктрина, способствовали ее развитию и распространению. Аболиционизм был детищем своего времени, его общая теория и методы родились среди трудов и открытий века Просвещения.

В чем же заключалась эта общая теория? Работорговля отнюдь не доходное, а очень дорогостоящее предприятие. Она к тому же тормозит развитие мануфактур из-за того, что не требует продукции высокого качества. Работорговля стоит жизни многим морякам, гибнущим „у негостеприимных берегов”. Во Франции она к тому же наносит прямой ущерб государственному бюджету из-за выплачиваемых за невольников „премий”. Приводя к потере людей в Африке, работорговля тем самым и для Европы означает потерю миллионов потенциальных покупателей, поскольку африканцы, становясь рабами в Америке, перестают быть потребителями европейских товаров.

Что же рекомендовалось делать? Препятствие, созданное самим существованием рабовладельческого способа производства, делало невозможным в социально-экономическом плане сразу же запретить рабовладение. Решение виделось в трех последовательных действиях: привить „цивилизацию” Африке (в представлении людей эпохи Просвещения это была именно их

цивилизация); установить на африканском побережье новые торговые отношения в виде „узаконенной торговли“, основанной на обмене европейских товаров на местные естественные продукты (но никак не на людей); повысить потребительский спрос у африканцев, остающихся на своей земле. Доктрина эта получила название „три с“ по начальной букве одинаково писавшихся по-французски и по-английски слов (иногда к этим словам добавляли еще два слова, начинающихся с той же буквы — христианизация и агрикультура).

В вопросах, связанных с моралью, существо проблемы заключалось в другом. Аболиционисты, будь то британцы или французы, выступили с откровением, которое воспринималось буквально как революционное. А так как те и другие обычно были протестантами, то это оказывалось еще одним общим моментом для их взаимодействия. Революционное по меркам и взглядам той эпохи откровение выражалось минимумом слов: „Черный тоже человек“.

Было ли это действительно откровением? Конечно, нет, ведь сообщения разного характера издавна содержали этакую мысль. На побережье жадные до наживы африканские продавцы рабов вели себя как все люди, но занимались продажей таких же людей. На море черные невольники болели теми же болезнями, от которых умирала и значительная часть белого экипажа. В обеих Америках черные женщины пользовались, пожалуй, большим вниманием, чем любая из белых проституток. Но когда человека низводили до положения вьючного животного (выражение Вольтера), то рабовладельческое мышление считалось лишь с оценкой физических возможностей невольника для выполнения работы. Морально сломленные, рабы смирялись с этим, но нередко невольники все же восставали против своей судьбы „забытых всем миром“, выражая стремление к свободе бегством, хотя при поимке их избивали в кровь и даже изувечивали.

Аболиционисты, понимая все моральные и экономические трудности своей борьбы и следуя провозглашенной ими доктрине, без усталости развивали откровение: „Черный — тоже человек“. Публиковались сотни страниц, чтобы укрепить дух и существо доктрины. Таким путем мыслилось привести как можно больше „доказательств“ того, что рабы — „негры“, „чернокожие“, „черные“, африканцы — тоже люди. В те вре-

мена это представлялось настолько недоказанным, что потребовалось создать еще одну формулировку, ошеломляющую сентиментальностью и прямолинейностью. Так видится это в наши дни, когда смотришь на символическое изображение коленопреклоненного негра с кандалами на руках, обращающего к людям и небу вопрос: „Разве я не человек и не брат?“

Но самым трудным было действовать конкретно: уговаривать правительства выступить официально против работорговли; убеждать в том же самом обе заинтересованные в этой торговле стороны — европейцев и африканцев; искать хотя бы паллиативные решения, благодаря которым африканские общества, долгое время бывшие посредниками в работорговле, не погрязли бы до конца в ней экономически.

В начале XIX в. изменить мышление людей и склонить их к новым взглядам еще требовало подвига. Поэтому даже для подхода к решению проблемы работорговли потребовалось более полувека психологических, дипломатических, правовых и военных усилий, тесно связанных друг с другом. Эти меры осуществлялись в течение всего рассматриваемого нами периода и на всех окружающих Атлантику территориях, а затем в Средиземноморье и бассейне Индийского океана. Как раз в то время, когда на Дальнем Востоке разгорелась опиумная война, один парижский аболиционист поднял вопрос о запрещении торговли черными невольниками на острове Гонконг. Тем самым он хотел показать, что движение аболиционистов носит всемирный характер.

В эту эпоху Англия по своим финансовым и техническим возможностям была сильнейшей державой в мире. Это положение позволяло ей и такую „роскошь“, как поддерживать гуманитарные идеи. Занимая ведущее место в африканской работорговле в XVIII в., Англия в течение всего XIX в. была самым ярким борником аболиционизма.

В 1806—1807 гг. британский парламент, подталкиваемый к этому с большим или меньшим успехом лет двадцать подряд, принял два акта о запрете торговли черными невольниками. Один из актов рекомендовал дипломатическим путем присоединить к такому запрету все страны мира. Но, сознавая слабость подобных мер, Великобритания выдвигала также и идею

использования военной силы против работорговцев, не подчиняющихся запрету.

В 1807—1810 гг. общая политическая обстановка в Европе дала Англии первую возможность действовать в этом направлении. Под давлением наполеоновских войск королевский двор Лиссабона укрылся в Бразилии, ставшей подлинной империей. Стремясь к признанию своих законных прав и в условиях эмиграции, португальский король, обосновавшийся в Рио-Жанейро, подписал с Лондоном в феврале 1810 г. договор о союзе. Статья 10 договора предусматривала сотрудничество обеих держав в деле постепенного запрещения работорговли. Эта статья стала своего рода прототипом: в течение последующих пятидесяти лет, многократно и основательно шлифуя ее слова и содержание, британский кабинет всеми силами стремился, чтобы это положение было принято всеми занимавшимися работорговлей странами.

Последовавшая после поражения Наполеона в 1814—1815 гг. перекройка карты Европы пошла на пользу проводникам аболиционизма. Накануне Венского конгресса, затем в ходе его и, наконец, на Лондонской конференции в 1816—1818 гг. британский кабинет стремился добиться от стран-участниц создания международной системы, основанной на двух принципах: с одной стороны, запрет рабства, с другой — запрещение работорговли. Первый принцип европейские страны включили в Декларацию о намерениях, принятую в Вене еще в феврале 1815 г. Теоретически все они признавали, что запрещение рабства — внутреннее дело государств, имеющих право принимать соответствующие законы по этому вопросу тогда, когда сочтут нужным, не поступаясь национальным суверенитетом. Наибольшая трудность заключалась в том, что пока было невозможно в вопросе о рабстве абстрагироваться от хода развития всеобщей морали.

Еще труднее обстояло дело со вторым принципом. Ведь запрещение работорговли требовало не только выработки специальных мер юридического характера, но и концентрации военных (особенно военноморских) сил для обеспечения действенности этих мер. Именно последнее составляло большие трудности почти для всех государств, так как такими силами располагал только мощный, огромный королевский британский флот. Создание коллективной системы борьбы

с работорговлей на море означало бы поэтому официальное признание британского военно-морского господства, а следовательно, признание ее „полицией морей”. Это повело бы к отходу от принципа суверенности и национального достоинства, а также морского права, хотя оно тогда еще было слабо разработано, ограничиваясь принципом свободного мореплавания (*mare liberum*). Да и вообще, разные страны не могли действовать совершенно одинаково, так как у них были свои обязательства, различные моральные устои, финансовое положение, политические цели. Столь же различны были и их экономические интересы относительно Англии. Провал предложений о проведении „наднациональных” мер побудил Англию последовательно держаться линии заключения двусторонних соглашений. Такие соглашения в 1817—1818 гг. были заключены с наиболее связанными с работорговлей Португалией и Испанией и с особенно заинтересованной в ней экономически Голландией.

Соглашения включали два главных пункта:

1) право взаимного досмотра, т. е. право военного корабля одной подписавшей соглашение державы (Англии и Португалии, Англии и Испании, Англии и Голландии) останавливать в море и досматривать (с участием воинской силы), а в случае необходимости и задерживать торговые суда другой страны — участницы соглашения, если на них перевозятся черные невольники;

2) создание юридических комиссий (в принципе смешанных), наделенных правом суда над захваченными работорговцами.

Такие комиссии действовали в основном в Сьерра-Леоне, ставшей британской королевской колонией с 1808 г. После судебного разбирательства и обвинительного приговора невольничьим кораблям задачей комиссий было освобождение африканцев на африканской земле (последняя, впрочем, здесь уже стала колониальной территорией), их устройство и забота о них. Таким образом, созданная Англией аболиционистская и репрессивная система своими методами и целями соответствовала важнейшим рекомендациям „гуманистов”. Это, конечно, был вызов определенной экономической системе и связанным с ней интересам, т. е. это был приговор работорговле, а в более отдаленной перспективе — рабству.

В Соединенных Штатах и Франции в этом плане сразу же возникли трудности. В Португалии, Испании и Бразилии трудности тоже сохранялись долгое время. США и Франция поставили свои подписи и дали заверения в Вене и Генте (американцы) — заверения имели аболиционистский характер, но обходили вопрос о репрессивных мерах или, во всяком случае, о их проведении в сотрудничестве с Англией и ее военно-морским флотом. Франция и США занялись своего рода „автономным аболиционизмом” и репрессиями, которые каждая из этих стран осуществляла по-своему.

Первый французский аболиционистский закон датирован апрелем 1818 г. В двух его коротких статьях говорится о запрете „перевозок, известных под названием торговли черными”, и о наказании нарушителей закона конфискацией их судна, а капитана — лишением этого звания. В тексте ни одним словом не упоминаются ни организаторы работорговли, вкладывавшие в нее средства даже после ее запрета, ни владельцы судов, перевозивших рабов. Возникает предположение, что такая „терпимость” со стороны морских властей и правительственных юридических органов как бы давала возможность обходить закон со всех сторон.

Тем не менее министр военного флота тотчас же отправил к побережью Западной Африки три военных корабля с предписанием „помешать” торговле рабами, в которой принимали участие французские коммерческие суда. Это было явно политическое мероприятие, преследовавшее на самом деле совершенно иные цели — показать, что режим Реставрации существует. Отправку кораблей очень плохо восприняли в народе (в том числе и моряки королевского флота), видевшем в этом заискивание режима перед прежним врагом Франции, т. е. Англией. Во всяком случае, это мероприятие действительно было мало связано с гуманитарной проблемой. Если не считать всего двух задержанных кораблей, что к тому же не получило судебной санкции, французская морская блокада не была эффективной вплоть до 1822 г., когда произошли резкие изменения, на которых мы остановимся ниже.

Североамериканский аболиционистский закон был провозглашен еще в 1808 г., но только в 1819 г. американский конгресс стал рассматривать два варианта его применения на практике: устройство на африканском побережье морской базы для борьбы с работорговлей

по образцу действий англичан в Сьерра-Леоне или создание, также в подражание им, некоей организации в Африке, которая могла бы принимать освобожденных в Америке африканских рабов. В будущем, как известно, так возникнет Либерия*, но это никак не связано с ранними рейдами военных кораблей США, находившихся тогда к тому же обычно под командой южан-рабовладельцев. В течение четырех лет, начиная с 1820 г., США, по-видимому, занимали ведущее место в своего рода международном соревновании по борьбе с работорговлей. Конгресс принял в это время новый закон, приравнивавший работорговлю к пиратству, а виновных в ней приговаривали к смертной казни. Тем не менее до 1842 г. американское крейсирование у побережий было эпизодическим, а временами вообще не проводилось. Англия же долго тянула с принятием соответствующего закона, сделав это по американскому образцу только в 1824 г.

На первых порах ни американцы, ни французы, придерживавшиеся разных подходов к борьбе с работорговлей, не сумели применить на практике как национальные законы, так и международные обязательства в проведении этой борьбы. Если в критике Соединенных Штатов Великобритания проявляла большую терпимость, то Францию, наоборот, она все яростнее обвиняла в тайном сговоре администрации с нелегальными работорговцами и снисходительном отношении к ним королевской власти. В Париже, в кабинетах министерства военного флота барона Порталь и директора министерства Бурсена, из-под пера официального докладчика барона де ля Марделя часто возникало слово „война” как возможный, хотя и нежелательный путь решения „великого дела” (отмена рабства и запрещение работорговли) в том виде, в каком это виделось Англии, выступавшей как бы от имени всего человечества. Но на практике такой путь Францией отвергался, исходя из ее представлений о национальных интересах.

* В 1822 г. на мысе Месурадо, где теперь расположена столица современной Либерии, была высажена первая группа привезенных из США освобожденных рабов-африканцев. С 1824 г. эта колония получила название Либерия (от латинского слова „свободный”). Республика существует с 1847 г.

Что касается стран Иберийского полуострова (так же как и новых независимых стран в Латинской Америке), то в отношении их Великобритания проводила политику кнута и пряника. Соглашения с испанцами и португальцами она добилась в 1817 г. лишь благодаря денежной компенсации — более миллиона фунтов стерлингов — за ущерб или на вспомоществование лицам, материально пострадавшим от аболиционистских и репрессивных мер. Помимо этого, португальцы получили все-таки право легально продолжать южнее экватора торговлю рабами, вывозимыми в Бразилию, которая еще не стала независимой, но бурно развивалась экономически.

Эта привилегия Португалии не очень задела мадридские власти, так как в это время происходил экономический бум в испанской Кубе. Испания обещала покончить с работорговлей еще к 1821 г., но лишь когда дискуссии на эту тему стали переходить в угрозу прямых репрессий, был заключен (правда, лишь в 1835 г.) новый, более эффективный договор между Англией и Испанией, касавшийся активизации совместных карательных мер; действенный же запрет рабства Испания установила лишь в 1870 г.

Еще сильнее сопротивлялась аболиционизму Португалия, испытывавшая такое же давление и угрозы еще задолго до американской демонстрации морской силы в 1842 г. К этому времени обстановка в метрополиях, вообще во всей Европе, а также в Анголе и Бразилии сложилась непростая. Державам Пиренейского полуострова пришлось идти на уступки и подписать новое двустороннее соглашение, имевшее, наконец, действительно серьезное значение для борьбы с работорговцами этих стран.

В Южной Америке, и особенно в Бразилии, Лондон не отказывался даже от политики шантажа, обещая за аболиционистские меры признание „де юре” новой империи Бразилии, провозгласившей независимость еще в 1822 г. Четыре года спустя хитростью, используя одну статью в торговом договоре с Бразилией, англичане добились от южноамериканского государства обещания принять закон об аболиционизме к 1830 г. Французы назвали такой ход „английским макиавеллизмом”. Закон приняли годом позже обещанного, но бразильская работорговля велась с полным размахом еще лет двадцать. Только когда британские военные

суда вошли в бразильские территориальные воды и стали обстреливать и топить невольничьи корабли прямо в портах (с другими государствами подобные акции могли бы считаться поводом для войны — „казус белли“), бразильский парламент принял закон о полном запрете работорговли. Однако это было уже в 1850 г.

От времени присоединения к принципам аболиционизма отдельных стран до эффективного их включения в международную систему борьбы с работорговлей проходила примерно жизнь целого поколения людей. Особенно знаменателен период 1830—1850 гг., и на нем стоит остановиться для сравнения с событиями последующих лет. Франция в эти годы после долгого сопротивления аболиционизму вдруг вырвалась вперед. В марте 1831 г. Июльская монархия провозгласила уже третий французский закон о запрете работорговли и борьбе с нею. На этот раз меры предлагались драконовские. В ноябре того же года произошло то событие, которое все сменявшие друг друга с момента Реставрации правительства Франции старались всеми силами оттянуть, — подписание конвенции между Англией и Францией о праве взаимного досмотра судов. Из-за своей сомнительной законности Июльская монархия, стремясь к внешней поддержке режима, не могла уклониться от таких обязательств. Французы сохранили автономность в борьбе с работорговлей, но незаконной французской торговле рабами пришел конец.

Это произошло не потому, что национальные законы или международные договоры как бы автоматически вступали в силу и оказывались эффективными. Яркой иллюстрацией банальной исторической ситуации служит, например, продолжение торговли черными рабами на западном побережье Африки именно тогда, когда под влиянием Англии Западная Европа постепенно, вернее сказать, медленно двигалась к международному аболиционизму.

Сами англичане, впрочем, тоже не все сразу стали убежденными противниками работорговли в день святого Сильвестра в 1807 г. Британские невольничьи суда все еще плавали у африканских берегов в 1820 г., а возможно, и позже, но английских кораблей, безусловно, было меньше других. В нелегальной работорговле участвовали и Соединенные Штаты, хотя, по-ви-

димому, очень незначительно, так как — факт исключительный — среди рабов на плантациях южан в XIX в. была очень высокая рождаемость. Тем не менее некоторые авторы считают, что в описываемый нами период Нью-Йорк являлся самым крупным в мире работорговым портом. Противоречивость оценок относительно США объясняется еще и тем, что, хотя североамериканцы мало занимались торговлей рабами, их косвенное участие в невольничьем промысле было большим и проявлялось в создании быстрых новейших судов.

Как уже отмечалось, португальцы, несмотря на известный договор, сохраняли до 1840 г. право вывозить в Бразилию невольников из африканских областей к югу от экватора. Испанцы же, хотя и потеряли большинство земель в своей американской империи, но сохранили Кубу, где с 1820-х годов стали наращивать производство сахара и табака. Поскольку „асьенто” более не существовало, испанцы на Кубе с помощью метрополии получили возможность удовлетворять потребности в рабочей силе, возможно, даже лучше, чем во времена легальной работорговли. Кстати, именно Куба в течение десятка лет оказалась излюбленным местом сбыта „товара” нелегальными французскими работорговцами. Они находили здесь более свободный рынок и покупателей, плативших больше и аккуратнее, чем колонисты-плантаторы на французских Антильских островах.

На острове Сент-Эстатиус, принадлежавшем на Антилах Голландии, а также на датском острове Сент-Томас, имевшем открытый порт, работорговцы находили за недорогую цену не только нужные им товары. Здесь же за определенную мзду местные власти продавали документы с фальшивым указанием национальности, а также поддельные или фиктивные судовые документы. В сложных ситуациях такие бумаги в принципе позволяли избежать преследования со стороны судов разных стран, осуществлявших аболиционистскую блокаду.

В западных метрополиях нелегальная работорговля отнюдь не мешала подготовке соглашений об отмене рабства. В 1825 г., например, такое широко известное предприятие как ситценабивная фабрика „Фабр и Пти-Пьер” извещала в „Этрени Руаяль де Нант” о распродаже тканей „для Гвинеи и торговли рабами”⁴³. Два председателя торговой палаты Нанта были крупными

работорговцами, весьма уважаемыми в городе, как и их многочисленные собратья по этой коммерции. В отличие от молодых дельцов, соблазняемых возможностями большого выигрыша в работорговой „лотерее“, но знающих, что в нее можно и проиграть, старшее поколение со своим опытом и пристрастием к умеренному риску, по-видимому, было уверено в безнаказанности в случае неудачи. Во всяком случае, в рассматриваемый период в Нанте было построено по крайней мере 131 судно по 140 тонн водоизмещением.

Эти суда рыскали вдоль берегов Африки. Будучи малотоннажными, корабли стоили недорого; дешевле обходились и загружаемые на небольшие суда товары, да и на немногочисленную команду тоже требовалось меньше расходов. Доходы от нелегальной работорговли были, конечно, значительно ниже, чем в XVIII в. Они составляли (по неоднократно уточненным данным) примерно 110 000 франков. Это снижение означало сокращение общего числа вывозимых рабов, а также продолжительности и удаленности экспедиций за ними (4—6 месяцев, редко более 8 месяцев). В то же время из-за ускорения оборачиваемости судов стало возможным увеличивать число их рейсов. Конечно, еще совершались и отдельные экспедиции „старого стиля“. Их организовывали обычно те владельцы невольничьих кораблей, которые полагали, что особенно не рискуют, но в то же время уже понимали, что нелегальной работорговле приходит конец.

Аболиционистское движение возродилось во Франции в 1820—1822 гг. Среди его сторонников заметное большинство составляли филантропы-реформаторы, расселение которых соответствует географии французского протестантизма. Католики отмалчивались до тех пор, пока римский папа, следуя просьбам и уговорам английских протестантов, не опубликовал в декабре 1839 г. соответствующего апостольского послания.

Пробудившийся гуманизм (довольно независимый от духовного и религиозного подъема того времени) объединил под эгидой „Общества христианской морали“ интеллектуальную и политическую элиту, добивавшуюся одной победы за другой. В 1825 г. некоторые французские порты, мало связанные с работорговлей, подали петиции в правительственные палаты с просьбой принять суровые меры против „одиозной торговли“. Следующий год стал в этом плане пово-

ротным: кассационная палата приняла окончательное постановление против французских работорговцев; правительство направило в Нант специальную комиссию для пресечения подготовки работорговческих плаваний. Началась разработка второго аболиционистского закона, объявлявшего работорговлю преступлением против человечества. В 1827 г., после многочасовых дискуссий, этот закон был принят обеими палатами.

Похоже, что в 1814—1831 гг. именно Франция приобрела сомнительную привилегию самой крупной работорговой державы среди стран, еще занимавшихся продажей невольников. Предположительно 729 французских судов можно подозревать в участии в этой торговле. 505 кораблей были замечены у берегов Африки, а что же они могли там еще делать, как не продолжать начатую в XVI в. торговлю рабами? 404 судна являлись невольничьими кораблями вне всяких сомнений. Более сотни из их числа предстали перед судебными властями за работорговлю. Можно ли все это считать незначительной деятельностью? Нет, так как известно, что три невольничьих корабля из четырех свободно проходили через раскинутую на море международную сеть по борьбе с работорговлей. Далее мы остановимся подробнее именно на этом.

Обращаясь вновь к примеру Франции, мы как бы иллюстрируем условно среднюю ситуацию. В других странах можно было встретить и значительные отклонения от нее, особенно в бразильско-португальской работорговле, особенно долго продолжавшейся на берегах Африки⁴⁴.

Действительно, на африканском побережье складывалась весьма неоднозначная ситуация. Напомним, что аболиционизм был здесь не только явлением морального порядка, но и представлял в виде военных карательных акций, навязанных извне и распространявшихся на африканцев, хотя с ними никто по этим вопросам не консультировался. Перед африканцами поэтому возникало три возможных решения: продолжать продавать рабов, что было их традиционной или даже единственной формой внешней экономической активности; присоединиться к аболиционизму, что, однако, означало бы экономический застой со всеми его возможными социальными потрясениями; наконец, найти какой-то средний путь, не исключая при этом „временных кризисов”, как пишет нигерийский историк Оло-

рунтимехин⁴⁵. Итак, остановимся на первом возможном решении проблемы.

Продолжать ли продажу рабов? Это не вызывало никаких сомнений. За исключением Золотого Берега, где существовали английские, датские и голландские форты (англичане скупили последние в 1850—1870 гг.), повсюду на побережье крупные традиционные работорговые центры продолжали свою, иногда более чем вековую, деятельность примерно до 1840 г. Вплоть до этого времени репрессивные меры существенного ущерба работорговле не наносили. Спрос на рабов и конкуренция покупателей оставались большими, но конкурентоспособным было и предложение невольников, тому у нас есть немало свидетельств.

На речных протоках Рио-Понго такие работорговые маклеры, как братья Куртис, Фабер, миссис Лайтберн (кузина британского консула в Лагосе Кэмпбелла), имели свои обширные „невольничьи загоны”, откуда всегда можно было погрузить на корабли пять-шесть тысяч африканцев (возможно, цифра несколько преувеличена). Невольники поступали, по-видимому, с плато Фута-Джалон. Маклеры заключали с капитанами невольничьих кораблей контракты на поставку рабов в определенные сроки (в течение трех месяцев) и при этом в случае опоздания с поставками соглашались платить компенсацию из расчета одна „голова” за день задержки.

Но задержки были редки. У побережья Сьерра-Леоне, на островах Шербро, соперничество между поставщиками рабов — братьями Каулькер, королевой Та Бомпей и Джеймсом Таккером — никогда не мешало им объединяться, если надо было пополнить трюмы невольничьего судна. Южнее, где речка Зулима при впадении в океан образовала узкий вход для судов, располагался один из самых крупных центров сбыта невольников на всем западном побережье Африки — Галиньяс. Английский историк Адам Джонс⁴⁶ установил, что король Шиака поддерживал свою власть за счет непрерывного ведения войн, что давало ему рабов, большая часть из которых поставлялась маклеру Джону Ормонду, самому знаменитому потомку сформировавшейся еще в XVIII в. династии работорговцев. Другой знаменитостью здесь был француз Теодор Кано, по-видимому, пытавшийся перейти на „легальную” коммерцию, но ставший жертвой карательного рвення

англичан, которые попросту сожгли его факторию „Новая Флоренция” в 1847 г.

В восточной части дельты Нигера спрос на невольников был еще более значительным, что создавало местные трудности. Интересна как иллюстрация выдержка из весьма яркого доклада капитана невольничьего судна Жан-Жака Гимбера судовладельцам в Санто-Томе, датском острове в Антильском архипелаге, бывшем в то время перевалочным пунктом нелегальной работорговли. 25 декабря 1825 г. его корабль „Ля Фортюнэ” находился в Бонни в восточной части дельты, и капитан сообщал об условиях торговли своим хозяевам — братьям Пардо. По прибытии на место он обнаружил, что на якоре уже стоят два судна в ожидании погрузки живого товара, поскольку король (возможно, Пепер по линии Опубо), обеспечивая свое монопольное право, запретил другим сбывать рабов. Капитан Гимбер уже собирался покинуть Бонни, однако дал уговорить себя остаться в ожидании обещанных ему через 45 дней 230 рабов. Но дело как-то не пошло, и Гимбер потребовал назад задаток, в чем получил отказ. Тогда он попытался действовать угрозами, но был избит палками и уцелел лишь благодаря другим капитанам, сошедшим на берег, чтобы спасти коллегу от „народного гнева”. Гимберу ничего не оставалось делать, как вновь войти в переговоры и попытаться загладить „оскорбление” согласием взять на борт больше невольников.

„(...) Наконец, с большим трудом я договорился, что возьму на двадцать больше и тогда будет 250. Прошу поверить, что многие на моем месте не получили бы ничего, а передо мной всего два корабля — бриг на 300 и бриг-шхуна на 250 (речь, безусловно, идет о числе невольников). Думаю, что буду готов к началу декабря. Через 20 дней после моего прибытия король разрешил продавать другим людям, и поэтому много судов, пришедших после меня, отплывут раньше. Но они дают 14 монет, ружье, мешок пороха, и вообще сейчас такая конкуренция, какой еще никогда не бывало...”

Гимбер в довершение всего был арестован крейсером английского флота, что и позволило нам процитировать этот отрывок (ценен как исторический источник). Его значение в том, что автор невольно свидетельствует о сложившейся в то время и непонятой им ситуации: попытка короля Бонни стать монополистом в работорговле быстро рассеялась под давлением насе-

ления. У нас есть и другие документы такого характера, но разной степени достоверности⁴⁷.

Второе возможное решение — присоединиться к аболиционизму, или, другими словами, запретить работорговлю. Казалось бы, в осуществлении аболиционизма должны были участвовать сами африканцы, но этого не произошло. Репрессивные меры против работорговли предпринимались только западными странами.

Эскадрами по три корабля дюжина английских военных судов бороздила воды Гвинейского залива в то время, как другие суда постоянно крейсировали вблизи некоторых „горячих точек” работорговли. Эти суда были не так плохо подготовлены к своей миссии, как принято думать. Командуя фрегатом в британском королевском флоте, будущий французский адмирал Руссен восхищался вооружением английских кораблей. Флотилия включала по крайней мере один 42-пушечный фрегат с командой в 245 человек, три-четыре шлюпа с экипажем 100—150 человек и 25—32 пушками на каждом, остальные суда-„бриги” (скорее, сторожевики) и еще меньшие суда с экипажем до 50 человек и примерно двадцатью, а иногда всего двенадцатью пушками. Впрочем, именно эти малые суда могли подниматься вверх по рекам. В соответствии с ходом дипломатических достижений шел и захват невольничьих кораблей: 20 испанских в 1819—1825 гг., 41 португало-бразильское судно в 1824—1831 гг., около 30 французских судов с фальшивыми голландскими и датскими документами (как и в случае с Гимбером).

Уроки в борьбе с работорговлей, преподанные англичанами, привели к тому, что во Франции засуетились и занервничали. Ведь после бездейственного автономного крейсирования, от которого французские военные моряки испытывали лишь дремоту, и в отличие от того, что долгое время доказывали англоязычные историографы, французские морские репрессии против африканской работорговли поначалу быстро зачали. Лишь с 1823 г. в соответствии с официальным приказом о мобилизации сил французского военно-морского флота против французских работорговцев ежегодно для крейсирования в море стали выходить пять-шесть кораблей, из которых хотя бы один был фрегатом. Так Франция начала отвечать на брошенный Англией вызов.

Под командованием молодых морских офицеров (Ля-Трейт, затем Массье де Клэрваль, Вияре Жуайез, а

в 1838—1850 гг. Буэ-Виломез) флот принял близко к сердцу не столько гуманитарную сторону миссии, сколько защиту чести и достоинства нации. Французские морские карательные экспедиции⁴⁸ захватили у берегов Африки, в Бурбоне (остров Реюньон), на Антильских островах и у Гвинейского побережья около 50 французских невольничьих кораблей. Суды в метрополии и заморских владениях сурово осуждали работорговцев, а приговоры публиковались в „Монитор юниверсель”. Именно с этого времени совершать работорговлю стало во Франции позорным делом.

Досмотры, задержки и захваты невольничьих кораблей происходили не без трудностей. Они возникали из-за юридических формальностей, географических особенностей района действия, а также вообще из-за сложности человеческих отношений. Главная юридическая трудность заключалась в том, что с точки зрения юстиции захват в море пиратского корабля еще не являлся доказательством факта пиратства. Немало захватов невольничьих кораблей было признано незаконными французским судопроизводством, „так как не было достаточных доказательств” факта работорговли.

У англичан смешанные комиссии обычно принимали решение без права его обжалования: захват судна объявлялся или „правильным”, или нет. Если он был „правильным”, то это приносило немалую выгоду захватившим судно морякам: они получали значительную премию за каждую „голову вызволенного” африканца (официальная терминология). После 1838 г. к этому прибавилась премия за каждую тонну водоизмещения захваченного корабля, даже если на нем не было невольников, но имелись достаточные основания считать судно приспособленным для перевозки рабов.

Заинтересованность в преувеличении масштаба захваченных невольничьих кораблей — одна из причин „приписок”, пользуясь сегодняшним языком, при определении числа невольников, якобы находившихся на борту судов в момент их пленения... Увеличивать их „число” стало выгодным. Из-за непонимания этого лейтенант британского военного судна, захватившего французский невольничий корабль „Ля Каролин”, застрелил из пистолета его капитана Барона (вдова получила от английского правительства компенсацию в 10 000 франков). Невольничьи корабли оказывали вооружен-

ное сопротивление военным шлюпам британского флота, порой вступая с ними в настоящие бои (например, на траверсе Бонни между „Ля петит Бенни”, „Теодором”, „Вижилан” и английскими военными судами „Майридон” и „Тиста”). Все это широко освещалось в британской прессе, и памфлеты об этом занимают видное место среди материалов по истории борьбы с работорговлей.

С такими действиями связаны, однако, и другие издержки, наносившие ущерб моральной стороне гуманных по замыслу акций. Во-первых, бои за освобождение невольников иногда вели к многочисленным жертвам среди них в трюмах атакованных кораблей. Во-вторых, несмотря на теоретически предусмотренный санитарный контроль, смертность среди „освобожденных” африканцев за время конвоирования захваченных судов (например, из залива Биафра до Сьерра-Леоне требовалось в лучшем случае не менее двадцати дней), по существу, оставалась столь же значительной, как и при их перевозке в качестве невольников. Таким образом, задуманные в гуманных целях, карательные меры также не щадили рабов.

Африканцы страдали от военно-репрессивных действий и другим образом. Командиры британских крейсеров (при участии французских офицеров соответственно конвенциям 1831—1833 гг.) понимали тщетность усилий по прекращению работорговли на африканском побережье протяженностью в тысячи километров силами небольшого числа судов. Их наибольшая численность, достигнутая в 1846—1847 гг., не превышала семидесяти военных кораблей, крейсировавших одновременно. Поэтому для уничтожения очагов работорговли на материке, в частности в Галлиньяс, применялись особые методы: на берег высаживались „коммандос” морской пехоты, которая крушила все подряд, не очень разбираясь, уничтожаются ли „загоны” для невольников или обычные африканские деревни. Такие операции к тому же не имели смысла — и „загоны”, и деревни быстро восстанавливались, иногда лишь чуть поодаль от прежнего места.

Эта военная политика в гуманитарных целях оставила свои следы, но не на африканской земле, а в умах жителей западных стран. Репрессивные методы против работорговли как бы предвосхитили эпоху „политики

канонерок” и последовавших за ней карательных экспедиций, названных „умиротворением” Африки.

Все же некоторые положительные результаты в общем итоге военно-репрессивных мер аболиционизма были достигнуты. Один британский документ (он использован Кертенем для его подсчетов) указывает, что „Форин Офис” в 1814—1843 гг. зафиксировал 2313 невольничьих кораблей. По дипломатическим и политическим соображениям в этом английском перечне упоминается всего 31 французский корабль, тогда как мы определяем их число в это время от 404 до 729, а самое минимальное число плаваний за невольниками в тот же период оцениваем в 2700. Но ведь к этому моменту работорговля отнюдь не закончилась. Один из лучших исследователей работорговли в XIX в., канадский историк Дэвид Элтис⁴⁹, полагает, что в 1814—1860 гг. таких плаваний за рабами было более 3300. Он также считает, что общее число кораблей всех флагов, захваченных во время карательного крейсирования (прежде всего англичанами), составило примерно 2000.

Если же исходить из того, что захватывалась всего четверть невольничьих кораблей, ходивших к африканскому побережью, то тогда их общая численность должна составить 8000 единиц судов разных стран. Такое количество кораблей все же не представляется реальным, но тогда можно предположить, что репрессивные действия на самом деле были куда более эффективными, чем это принято считать. В то же время приведенное число захваченных кораблей не позволяет само по себе определить число освобожденных африканцев, поскольку с 1838 г. корабль мог захватываться и без рабов на основе предположения, что он подготовлен к работорговле.

Репрессивные акции против работорговли привели к освобождению приблизительно 160 000 африканцев, да еще к избавлению от рабства примерно 200 000 человек в Америке. Более гипотетические расчеты позволяют думать, что последствия этих акций проявились в сокращении захватов в рабство на африканском континенте, где „производство рабов” снизилось примерно на 600 000 человек⁵⁰. Во всяком случае, очевидно, что под воздействием аболиционизма и его репрессивных мер произошло создание и укрепление под эгидой Запада новых политических образований

в Африке: Сьерра-Леоне, где в 1810—1861 гг. официально были освобождены 94 329 африканцев, и Либерии — сначала американского колониального агентства, а затем территории, на которой власть перешла с 1847 г. к переселенным из Африки неграм, провозгласившим независимость и суверенность новой страны. К 1860 г. население Либерии составляли: 6000 освобожденных рабов, 5700 африканцев, освобожденных за предшествующие 10 лет американскими военно-морскими силами, а также около тысячи бывших рабов, которые сами себя выкупили на свободу. В то же время на территории современного Габона французы создали Либревиль, где поселили горстку африканцев, освобожденных с савойского невольничьего корабля. Таким путем борьба с работорговлей преодолела трудности периода своего становления. Она дала возможность аболиционистам поверить, что их доктрина была не „химерой“, как об этом горевал Кондорсе*, а смогла привести к совершенно конкретным результатам.

Наконец, нам осталось коснуться третьего пути с вероятными „временными кризисами“ экономического характера для африканских обществ, издавна втянутых в систему работорговли, которую западный мир в одностороннем порядке решил ликвидировать. В этом плане почти неожиданно и как по воле Провидения возникли два обстоятельства, по сути совпадавшие с мечтами ранних аболиционистов и в то же время дававшие возможность, по-видимому, ослабить опасность упомянутых кризисов. Во-первых, в самый разгар индустриального подъема западный мир ощутил нехватку масел для смазки машин, бытового освещения, парфюмерного производства. Во-вторых, именно такие масла издавна производились в хинтерланде африканского побережья: арахис в области Сенегамбии, масличная пальма в полосе от севера Сьерра-Леоне до юга Анголы.

Европейцы сами не занимались возделыванием этих культур. Ранее они вывозили лишь небольшое количество пальмового масла для приготовления пищи рабам

*Кондорсе, Жан Антуан (1743—1794) — французский философ и экономист, активный участник Великой французской революции, защитник идеи равенства всех людей и наций, борец за победу разума.

во время плавания на невольничьих кораблях. Но теперь потребности Запада определили характер нового экономического интереса к Африке — производить в ней масличные культуры, т.е. получать жиры и масла в промышленных масштабах. Первое обстоятельство было тесно связано со вторым, и, что любопытно, эта связь полностью воплотилась на практике за очень короткий срок (примерно за 20 лет). Это означает, что в Африке предпосылки для промышленного производства были созданы самими африканцами и за период куда более короткий, чем, например, время, потребовавшееся для подготовки производственного бума в рабовладельческой испанской Кубе.

В 1790 г. в Англию были привезены 132 тонны пальмового масла, в 1844 г. она импортирует его уже свыше 21 000 тонн, а за 1851—1860 гг. этот импорт возрос вдвое⁵¹. Франция в 1847—1856 гг. импортировала в среднем 4000 тонн пальмового масла в год, но в последующие 10 лет объем этого импорта сократился вдвое, хотя в то же время ввоз арахиса из Сенегала достиг в среднем 8000 тонн в год, а из Сенегамбии в Марсель импортировалось более 25 000 тонн ореха „тулукуна” для производства мыла⁵². Иначе говоря, с 1830—1840 гг. старые коммерческие общества, специализировавшиеся на посредничестве в работорговле, получили взамен „живого товара” другую продукцию. При этом по сравнению с „белыми” работорговцами „черные” перестроились быстрее.

Надо было разобраться, насколько продажная цена этих новых продуктов эквивалентна доходам от экспорта черных невольников. В разных районах африканского побережья и в разные периоды цена на растительные масла сильно колебалась, но все время сохраняла тенденцию к повышению. Около 1850 г. за тонну платили от 350 до 750 франков, а весь годовой экспорт масел оценивался в 11—12 миллионов франков. Пользуясь осредненными данными, эту сумму можно считать примерно эквивалентной стоимости 77 000 невольников, т. е. такому их числу, которое в действительности никогда в течение одного года не вывозилось, практически не могло быть вывезено. Новая экспортная продукция (при высокой урожайности масличных культур) как бы гарантировала поэтому полное прекращение экспорта рабов.

Точно в подтверждение этой мысли в 1847 г. в Бонни капитан Крейджи из королевского английского флота, с целью ускорения ликвидации работорговли и обеспечения британского проникновения в районы к востоку от дельты Нигера, предложил местному правителю Пэплу за отказ от продажи рабов ежегодную компенсацию в две тысячи испанских долларов в течение пяти лет (т. е. суммарно десять тысяч долларов, что составляло стоимость „живого груза” всего одного невольничьего корабля для вывоза 400—500 рабов)... Психологически, как это ни парадоксально, столь мизерное вознаграждение имело целью доказать нерентабельность экспорта невольников, косвенно указывая в то же время на большую выгоду от торговли иными товарами. Кроме того, предлагая „звонкую монету”, африканцев хотели приучить к западной денежной системе, внедрить в их хозяйство денежные отношения и собственно монеты, реальную ценность которых здесь еще только начинали понимать.

Итак, за пятьдесят лет нелегальной работорговли было вывезено более трех миллионов африканцев. Возникновение взамен рабов другого экспортного товара не привело к коренной ломке сложившейся веками экономической организации. Конечно, невозможно было как по мановению волшебной палочки увеличить продукцию, требовавшую перегруппировки расселения, расчистки от лесов земельных участков, агрономических мероприятий, создания систем сбыта, да еще с учетом, например, того, что масличная пальма плодоносит лишь на пятый год. Возникавшие поэтому „временные кризисы” разрешались путем совмещения двух направлений производства и торговли — людьми и масличными продуктами⁵³. Это поддерживало экономику африканского побережья до тех пор, пока масличные не стали в хозяйстве и сбыте главным источником доходов африканцев.

Основным способом производства был, видимо, труд рабов, потребность в которых как рабочей силе все более увеличивалась во внутренних областях Африки. Невольники теперь все реже вывозились как товар, их использовали в местном хозяйстве. Они оставались все теми же рабами с той лишь разницей, что не покидали своей родины, да и жили, в общем, в условиях, лучших, чем те, что ожидали большинство рабов в обеих Америках. Если мысленно представить себе

подобный коренной перелом экономики в работорговой Африке как мгновенное явление, то, вероятно, оно вызвало бы если не хаос, то уж наверняка очень глубокий кризис. Однако, когда все это растянулось примерно на двадцать лет, старые методы управления, основанные на традиционных и прочных структурах эпохи работорговли, оказалось вполне возможным эффективно приспособить к новым запросам.

Совмещение двух названных направлений экономической деятельности, одно из которых было совсем новым, привело к тому, что старое направление — работорговля — быстро исчезло. Если воспользоваться методом условных исторических предположений, то невольно возникает мысль, что к несчастью Африки промышленная революция в Западной Европе произошла слишком поздно. По оценкам Джозефа Иникори⁵⁴, изъятие из Африки 14 миллионов ее жителей только в результате вывоза рабов через Атлантику на самом деле означало для африканской демографии потерю примерно 112 миллионов потенциальных пар рабочих рук — мужчин и женщин. С этой гипотезой можно спорить, но научно обоснованно заниматься этим должны профессиональные демографы.

Медленный упадок сбыта невольников — главного „товара” Африки на протяжении более трех веков — компенсировался развитием производства совершенно иных товаров. Это, наряду с возникновением на континенте государственных образований, основанных на понятии „свобода”, представляется главным достижением эры аболиционизма. Потребовалось еще более или менее продолжительное время, чтобы вывоз африканских рабов через Атлантику стал достоянием истории. Но не все в этом будущем Африки оказалось безмятежным. Ведь аболиционизм отнюдь не был свободен от „задних мыслей”, по крайней мере от меркантилизма. Англия и Франция подписали первые „неравноправные договора” с местными властями в Африке под флагом аболиционизма. Подобные соглашения обычно предусматривали, по существу, отказ от суверенности, от местного права, исключая некоторые культурные и религиозные традиции. В интересах своих торговых кругов обе великие державы прибегали к военным санкциям, сначала действительно против рецидивов работорговли, а затем и просто против африканцев, то „за долги”, то „за жадность”.

Правда, в период экономического господства в мире Англии и Франции африканское побережье с его ограниченными возможностями не очень их интересовало, а о „внутренней части” материка даже в середине XIX в. западный мир имел еще смутное, если не сказать фантастическое, представление. Но планы проникновения в глубь континента с колонизаторскими намерениями уже активно разрабатывались.

С этими планами и отношениями другого типа возникают и совсем иные проблемы. Но не породила ли гуманистическая мораль запрещения торговли черными рабами — аболиционизма — в то же самое время и более продуманные и коварные меры по эксплуатации африканцев, когда западные страны в экономическом и социальном отношениях вступили в эпоху капитализма?

Часть III

ТРАНСАХАРСКАЯ И ВОСТОЧНОАФРИКАНСКАЯ ТОРГОВЛЯ РАБАМИ В XVIII — XX ВВ.

Европейская торговля рабами, главным образом на западном, но также и на восточном побережьях Африки, приобрела наибольший размах в XVII — XVIII вв. Эти области по сравнению с остальной частью континента были самыми активными центрами работорговли. С XIX в. она стала уменьшаться и почти полностью затухла в 1860-х годах. Процесс работорговли в других частях Африки развивался по-иному. Работорговлей здесь занимались арабы. Она была и тут стабильной в XVII — XVIII вв., а в XIX в. на караванных путях Западной Сахары сократилась, но приобрела значительный размах в отдельных местах Западной Африки, стала очень заметной в верховьях Нила и в экваториально-восточной части материка, где обширные пространства, находящиеся до тех пор в изоляции, оказались в зоне проникновения работорговцев. Рассмотрим кратко ситуацию в каждом из этих столь различных регионов Африки.

Западная Африка и Магриб

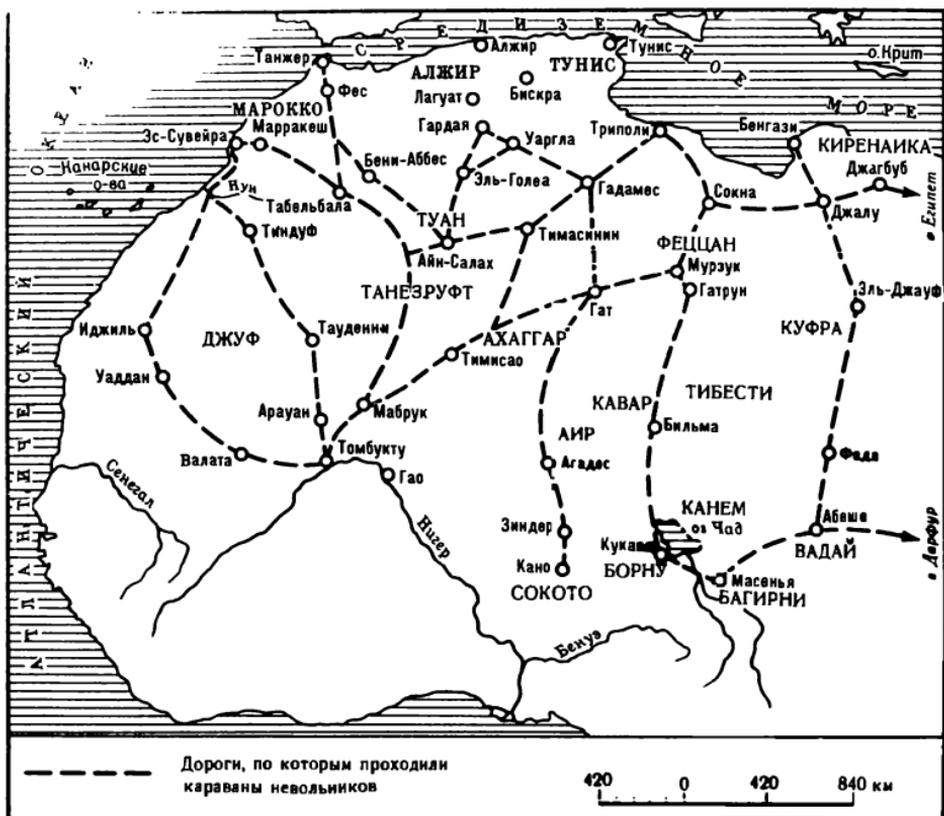
Исчезновение в конце XVI в. империи Сонгай, существовавшей в саваннах Западной Африки, стало началом периода политической раздробленности, во время которого возникали всякого рода местные конфликты¹. Сначала они были относительно мелкими, но позже приобрели большой размах, особенно с возникновением в XVIII в. новых государств. Подобные конфликты имели место и в XIX в., когда образовалось

несколько империй: прежде всего Сокото и Масина, затем империя Эль-Хадж-Омара и его сына Ахмаду на территории современного Мали, наконец, южнее — государство Самори. Во главе их стояли сильные личности, по крайней мере в первых трех из перечисленных образований, где господствовал религиозный фанатизм, и поэтому постоянно возникали священные войны — „джихады”.

Стремясь расширить сферу своего господства, эти империи нападали на соседей, но и сами страдали от того же самого в силу отсутствия естественных преград и неоднородности покоренного населения. Последнее требовало все время подавления внутренних мятежей. Так и шли почти непрерывно вооруженные столкновения, а в последние десятилетия прошлого столетия и войны, вызванные европейскими захватами.

Военные действия неизбежно вели к появлению пленников, а иногда именно они становились главной целью конфликтов. Рабы были тогда же и основным видом дани победителям. Число таких невольников постоянно возрастало, и иногда они составляли 30—50% от всего побежденного населения². Рабов использовали в самых разных сферах. Их включали в состав армии победителей, что усиливало ее боевую мощь. Однако все чаще рабов стали использовать на сельскохозяйственных работах для расширения плантаций не только местных продовольственных, но и коммерческих (товарных) культур, например масличной пальмы на Гвинейском побережье или же хлопчатника и индиго во внутренних районах.

Рабы обеспечивали существование и достаток ряда социальных групп, которые могли поэтому более активно заниматься политической, коммерческой или военной деятельностью. Наконец, в тех частях материка, где денежные знаки все еще не были в ходу, рабы нередко выполняли роль всеобщего эквивалента: числом рабов, например, оценивались важнейшие товары — соль, быки, ткани. Спрос на рабов был постоянным, и покупали их не только в главных центрах продажи невольников. Рабов можно было приобрести почти в каждой деревне, куда их приводили бродячие купцы. Обычно эти купцы во время военных действий следовали за армией и скупали пленных по дешевке. Широкая сеть работорговли более или менее равномерно охватывала всю суданскую зону³.

Западная Африка и Центральный Судан

Однако далеко не все продававшиеся таким путем рабы оседали в местах их продажи. Часть из них отправляли в Северную Африку по многочисленным традиционным караванным путям, мало отличавшимся от транссахарских маршрутов прежних веков. От Томбукту две дороги вели к Марокко, обходя с разных сторон крайне засушливую равнину Джуф и затем соединяясь у уэда Нун, где тогда находился важный торговый центр. Дальше этот путь завершался в Могадоре. Чаще использовался восточный маршрут, проходивший через Таудени, где добывалась соль, и Тиндуф с его возникшим в середине XIX в. крупным рынком.

Другой путь из Томбукту шел на Туат, откуда одна дорога вела дальше в Тафилалет, а другая — в Марракеш (т.е. бывший древний путь в разрушенную уже к этому времени Сиджилмасу). Еще одна дорога из Туата вела к Триполи через Гадамес, который в XIX в. оставался относительно важным центром. Его купцы вместе с негодантантами Туниса и Триполи имели свои представительства на важнейших рынках Судана, где

приобретали необходимые товары для отправки на север. Однако связи с Томбукту были ненадежными из-за волнений, периодически охватывавших этот регион, в отличие от контактов с империей Сокото, более прочных благодаря соглашению с крупнейшими кочевыми племенами верблюдоводов. Последние за вознаграждение снабжали купцов верблюдами, а заодно гарантировали свободу передвижения их караванов. Торговый путь шел через Гат и Аир и заканчивался в Кано (на севере современной Нигерии), с которым в те времена Гадамес поддерживал самые оживленные контакты.

Главные торговые пути, пересекавшие Западную Сахару, вели из Судана или к Марокко, или к Триполи, и таким образом между этими регионами существовали прямые связи. Алжир и Тунис находились в несколько ином положении. Купцы из Мзаба, из района Константины и из Туниса направлялись в оазисы, расположенные на главных караванных путях, где ждали товары, но караваны не обязательно проходили в этом месте, и потому объем торговых операций здесь был невелик.

Работоторговля сопутствовала всем этим торговым связям. В зависимости от маршрута путь через пустыню занимал от 70 до 90 дней. Не говоря о постоянной угрозе нападения грабителей, сами природные условия Сахары делали каждое ее пересечение очень тяжелым и рискованным. Опасности подстерегали всех, но особенно рабов. Ведь они шли пешком, тогда как хозяева обычно двигались верхом; рабы не имели одежды и поэтому не были защищены ни от сильного ветра, несущего песок, ни от резких колебаний дневных и ночных температур. Если рабы заболели, их бросали; если каравану не хватало воды (из-за истощения взятых запасов или высыхания колодцев на пути), то первыми умирали от жажды рабы.

Трудно точно определить, сколько рабов гибло в пути, но совершенно очевидно, что такие потери были велики. Однако сухие цифры все равно не смогли бы так передать ценные и в других отношениях сведения, как впечатления путешественника Нахтигаль, которому в 1869 г. довелось двигаться на юге Феццана по караванной тропе, усеянной детскими трупами.

„Несчастные черные дети, — писал Нахтигаль, — по-видимому, в огромном числе встретили здесь смерть на последнем этапе долгого, беспросветного и тяжелого пути. Длинный переход

при недостаточном питании и нехватке воды, контраст между богатой природой и влажной атмосферой их родины и сухим убийственным воздухом пустыни, усталость и лишения, порожденные хозяевами и условиями, в которых оказались дети, постепенно разрушили их слабые силы. Воспоминания о потерянной родине, страх перед неизвестным будущим, бесконечный путь под ударами, голод, жажда и смертельная усталость — все это парализовало последние попытки сопротивления организма. Когда эти бедные создания не имели больше сил подняться и двигаться вперед, их просто бросали на дороге, где они медленно угасали под убийственными лучами солнца от голода и жажды. Могилы не прикрывали этих детских трупов; сухой воздух пустыни сначала мумифицировал их, а потом обнажал скелеты жертв людского варварства. Часто, чтобы еще на какое-то время поддержать жизнь, эти несчастные дети (...) пытались за счет невероятных усилий добраться до колодца. Но даже если это им удавалось, у них не было сил открыть его и достать живительную влагу; здесь они оказывались окончательно в объятиях смерти"⁴.

Выжившие после подобных переходов добирались до конечного пункта в полном истощении. Поэтому требовался промежуточный этап, на котором можно было привести невольников в лучшее состояние перед их продажей в городах на севере Африки и обычно дальнейшей перепродажей. Такой этап, наверно, казался невольникам своеобразным раем после всех перенесенных испытаний. Об этом свидетельствует тот же Нахтигаль. Констатируя последствия кошмарного пути невольников по югу Феццана, он отмечает улучшение их положения по мере приближения к Триполи, когда в одном из оазисов они останавливались специально для отдыха. Встречая здесь почти ежедневно караваны рабов, Нахтигаль отмечал, что они „хорошо одеты и накормлены, имеют счастливый и довольный вид”⁵.

Истощенных невольников, не имевших „товарного вида”, попросту не купили бы, и поэтому забота о них объясняется чисто экономическими причинами. По тем же причинам заботу о невольниках могли проявлять и позже, особенно о тех, которые предназначались для домашнего рабства. Ведь новые невольники говорили лишь на совершенно незнакомых будущему покупателю языках, абсолютно не представляли себе ни характера предстоящей работы, ни нравов страны, где судьба уготовила им провести оставшуюся жизнь, а поэтому требовалась специальная подготовка рабов перед продажей. В некоторых оазисах по северной окраине Сахары (в Тафилалете, Мзабе и Гадамесе) для этой цели существовали „центры обучения” рабов,

где они проводили один-два года, после чего цена на таких невольников сильно возрастала⁶.

Самые активные экономические связи развивались в направлении от Судана к Марокко. По сравнению с предыдущими веками появились новые экспортные товары, например камедь и особенно страусовые перья, пользовавшиеся большим спросом в Европе. Эти товары как бы дополняли традиционные статьи экспорта (россыпное золото, которого вывозили все меньше, слоновая кость, рабы). По данным хорошо осведомленного источника, рабы составляли основную часть „груза“ караванов. В конце XVIII в. в Марокко и его предсахарские окраины доставлялось 6—7 тысяч рабов ежегодно. Рабы попадали к вождям крупных кочевых племен, использовались для сельскохозяйственных работ в оазисах, а в городах для домашних работ. Кроме того, часть рабов переправлялась дальше либо в Агадир на берегу океана, где их покупали англичане для своих плантаций на Антильских островах, либо в Алжир, который, как отмечалось, не был напрямую связан с Суданом⁷.

Запрещение Англией работорговли, затем французская оккупация Алжира нарушили этот „ре-экспорт“ рабов, и в дальнейшем невольники использовались здесь лишь для местных нужд. Невольников сюда поэтому стало поступать значительно меньше, но все же в середине XVIII в. их доставлялось по крайней мере 3,5—4 тысячи в год⁸. Основные сделки совершались в конечных пунктах транссахарских караванов — в Марракеше и Сусе, а затем рабами торговали по всей стране. Их продавали в каждом городе прямо на базарах или же водили группами по улицам в сопровождении глашатая, расхваливавшего „качество товара“. Конечно, определить число распроданных таким путем рабов очень трудно⁹.

Для второй половины XIX в. зафиксировано заметное снижение продажи рабов. Главная его причина заключалась в общем уменьшении объема караванной торговли, которая все меньше могла конкурировать с морскими перевозками. Более низкая стоимость перевозки грузов по морю и к тому же их скорейшая доставка таким путем привели к тому, что суданские товары стало выгоднее отправлять морем. Марокканские купцы начали обосновываться даже в Сен-Луи на реке Сенегал, чтобы прямо там закупать товары из

Судана. Но морские перевозки находились целиком под контролем европейцев, уже несколько десятилетий как запретивших работорговлю, а поэтому отправлять морем рабов было невозможно.

Поскольку в то же время сократилась и караванная торговля, то приток рабов на Север Африки через Сахару резко упал: наиболее точная оценка для 1880-х годов — всего 500 невольников в год¹⁰. Это свидетельствует об очень сильном спаде работорговли по сравнению с тем, что происходило здесь лет на тридцать раньше. Поступление сюда рабов все более сокращалось, но все-таки продолжалось еще долгое время. Известно, например, что в самом конце прошлого века жители Туата, чувствуя нарастание угрозы французской экспансии, распространявшейся к югу от Алжира, пожелали отдать себя под защиту султана Марокко и согласились даже на подчинение назначаемым им губернаторам. В ходе переговоров султану многократно посылались разные дары, но каждый раз в их числе были рабы¹¹. Видимо, имели место и другие перемещения рабов, так как многие сообщения, связанные с Брюссельской конференцией против рабства (1889—1890)*, свидетельствуют о продолжении работорговли в регионе, хотя она охватывала уже явно небольшое число людей, ни в какое сравнение не идущее с тем, что было раньше.

В Алжир вообще не ввозилось так много рабов, как в Марокко. Поскольку имеющиеся сведения очень разнятся между собой, определить число рабов в Алжире трудно. В 1845 г. в докладе французского Второго Бюро** общее число черных невольников на всей алжирской территории оценивалось в 8000 человек (в основном из Борну и „страны хауса“) ¹². В другом докладе, составленном три года спустя в связи с запрещением рабства, вместо этой оценки указывается 18 329 человек, а годовой привоз невольников оценивался в 3282¹³. Последняя цифра не очень заслуживает доверия — она слишком „точна“, чтобы считаться

*В Брюссельской конференции 1889—1890 гг., посвященной уничтожению работорговли, участвовало около 20 стран (в т. ч. Россия) и территорий (например, псевдонезависимое „государство Конго“). Принято считать, что эта конференция знаменует конец эпохи работорговли для Африки.

**Второе Бюро французского Генерального штаба — главное разведывательное учреждение Франции в XIX—XX вв.

осредненной величиной, да к тому же при таком годовом притоке рабов их общее число было бы куда большим.

Поэтому мы приводим указанные данные скорее для того, чтобы показать, что при любых оценках в Алжир привозили рабов явно меньше, чем в другие области.

После 1848 г. на всех контролируемых французской администрацией территориях почти полностью прекратилось поступление рабов. Но торговля ими продолжалась южнее, в частности в Мзабе и Уаргле, издавна являвшихся центрами перепродажи невольников. Мзабские купцы закупали рабов в Туате, а в Уарглу рабы поступали главным образом через посредство кочевников шаамба, соседей Уарглы, кочевавших до Гадамеса.

К началу 1880-х годов ежегодный привоз рабов в Мзаб оценивался одним автором в тысячу человек¹⁴, а другим — в полторы-две тысячи¹⁵. Однако эти цифры нам представляются преувеличенными, поскольку пути вывоза рабов на север были практически перекрыты и работорговля здесь всего через несколько лет после того, как французская власть распространилась и на эту территорию, резко сократилась и выродилась в мелкую контрабанду.

Между тем французы как бы проявляли довольно заметную терпимость в этом вопросе. Прямые связи между Алжиром и Суданом отсутствовали, и не имелось возможности добраться через Сахару до какого-либо потенциально крупного невольничьего рынка на юге.

Отдельные попытки доставки невольников окончились безуспешно. Надо полагать, что причиной этого явилось запрещение работорговли, направившее невольничьи потоки в другие страны с более благоприятными для нее условиями. Для того чтобы как-то восстановить приток невольников в Алжир, нужны были особые формы, не считавшиеся бы работорговлей, но в то же время позволявшие „приобретение” рабов. Например, рабы юридически объявлялись свободными, но чтобы стать свободными фактически, они были обязаны отработать у хозяев определенное время.

Этот вариант позволял бы, ко всему прочему, получать дополнительную рабочую силу, в которой крайне нуждалась колонизация¹⁶.

Однако подобные мероприятия не получили развития, так как они, по существу, слишком сильно походили на работорговлю, когда требовалось полностью отмежеваться от нее. Они были бы бесполезны и потому, что отсутствие прямых связей между Алжиром и Суданом возникло не в период французских захватов в Северной Африке, а в значительно более раннее время.

Похожая ситуация складывалась и в Тунисе, что объясняется общностью географического положения — удаленностью от главных транссахарских путей. Но до Туниса доходили караваны из Феццана и Гадамеса, откуда в XVIII в., по свидетельству современников, привозили только золото и черных рабов. Последние в начале следующего века поступали в количестве 500—1200 человек в год, при этом часть из них переправлялась далее в порты Леванта¹⁷. Здесь возникал тот новый работорговый поток, которого не было на Западе Африки, слишком удаленном от основных пунктов назначения реэкспорта невольников. Этот поток все время нарастал в восточном направлении.

Общий итог этих работорговых операций в Тунисе привел к появлению в стране куда более многочисленной, чем в Алжире, прослойки невольников. В середине XIX в. их число в Тунисе оценивалось в 30 000¹⁸, но затем началось уменьшение численности рабов. В 1841 г. тунисский бей запретил вывоз рабов и закрыл невольничьи рынки, пожертвовав тем самым и частью своих доходов, так как раньше он получал налог с работорговых сделок. На следующий год бей запретил ввоз рабов, а в 1846 г. пошел еще дальше. Полностью признавая рабство „законным“, он в то же время ввел особую нотариальную процедуру для выдачи документов об освобождении любому рабу, который этого пожелает¹⁹.

Весьма любопытно, что декрет подчеркивал „значительный политический смысл“, который придавался указанному мероприятию. Это действительно было так из-за соображений внешней безопасности стра-

ны. К западу от нее французы в 1837 г. овладели Константиной, к востоку турки в 1835 г. в отместку за потерю ими Алжира вновь оккупировали Триполи, а затем в 1842 г. заняли и Гадамес. Для защиты от опасности с обеих сторон бей нуждался в поддержке „третьей стороны”, которой в сложившейся тогда в Средиземноморье обстановке могла быть только Англия. Она, конечно, соглашалась в определенных пределах поддержать Тунис, чтобы ситуация в Средиземноморье не изменилась во вред британским интересам.

Кроме того, Тунис не мог не подчеркнуть свои аболиционистские взгляды и поэтому, не исключая, впрочем, и подлинного стремления к гуманитарному прогрессу, принял еще ряд декретов. Об их содержании каждый раз консулу Великобритании детально сообщалось в посланиях бея.

Все эти письменные акты не были совершенно пустым делом, но так как они не предусматривали никаких санкций для нарушителей, то действенность декретов оказалась весьма незначительной. Торговое соглашение 1875 г. с Англией предусматривало, например, обязательство тунисской стороны выполнять декрет 1846 г.²⁰, о существовании которого в Тунисе решили вспомнить тридцать лет спустя. Этот новый документ, однако, тоже не привел к коренному решению проблемы. Старая практика не могла исчезнуть в одно мгновение, и контрабанда черными рабами, хотя и совсем в небольшом масштабе, продолжалась. Наряду с ними процветала торговля мусульманскими женщинами, даже родившимися свободными и от родителей мусульман²¹.

В конце концов потребовался новый декрет, принятый только после установления французского протектората над Тунисом. В 1890 г. такой декрет бей объявил незаконность самого рабства и обязал в течение трех месяцев выдать заверенные нотариусом свидетельства об освобождении каждому черному невольнику на территории страны²². На этот раз был сделан решительный шаг.

Итак, приток рабов из Судана в Алжир и Тунис в XVIII — XIX вв. был относительно невелик. В отличие от этого Триполитания, расположенная к востоку от обеих стран, почти не уступала по объему работорговли Марокко. Триполи связывало с Суданом три основных пути. Наименее используемый маршрут шел через Гадамес и заканчивался в „петле Нигера”. Второй тоже пролегал через Гадамес, но от него сворачивал прямо через Гат и Аир в „страну хауса”. Третий же пересекал Феццан и доходил до Борну.

Во всей этой части Африки Феццан играл роль распределительного торгового центра: через оазис Гат он был связан помимо Борну, со „страной хауса” и Томбукту и в то же время обеспечивал прямой путь в Киренаику и Египет. Именно поэтому правители Триполи стремились осуществлять свое господство в Феццане, вынужденном признавать его, что проявлялось в выплате регулярной дани золотым песком и рабами.

В XVII в. жители Феццана неоднократно пытались освободиться от этого ярма, но каждый раз им приходилось вновь покоряться. В 1714 г. в Триполи воцарилась Караманлийская династия, которая отказалась подчиняться константинопольскому султану, хотя формально признавала его сувереном. Триполи фактически имело самостоятельное управление на протяжении 120 лет. Вплоть до конца XVIII в. удавалось также обеспечивать господство в Феццане, который почти постоянно пытался избавиться от вассального положения. Однако все это мало влияло на торговые связи, осуществлявшиеся вполне регулярно.

В Триполи из Судана, помимо рабов, поступали слоновая кость, золотой песок или золото в слитках,

* Триполитания и Киренаика — исторические области на ливийском побережье Африки. Триполитания с VII в. входила в Арабский халифат, а с XVI в. находилась под управлением Османской империи. Захвативший в стране власть в 1711 г. А.Караманли основал династию, которая правила в Триполитании до 1835 г. фактически независимо от Константинополя. Затем Триполитания вновь подчинялась Османской империи, а в 1912 г. стала колонией Италии. Киренаика (Барка) с XVI в. также входила в Османскую империю, но управлялась из Триполи и как бы повторяла историю Триполитании XVIII — XX вв.

александрийский лист, шкуры, сода, камедь, позже — страусовые перья. Что же касается интересующей нас торговли рабами, то она развивалась неравномерно. В конце XVII в., если верить одним мемуарам, составленным в 1686 г., за год в Триполи доставляли 500—600 невольников. Но именно в этот же самый год бей Триполи предпринял военный поход в Феццан для его подчинения своей власти после очередного отказа признавать ее жителями Феццана. Нарушение торгового обмена, всегда происходившее в подобных ситуациях, безусловно, объясняет то относительно небольшое число невольников, которое приведено выше.

С установлением в XVIII в. власти Караманли положение стабилизировалось и привоз рабов возрос в среднем до полутора тысяч в год. Большинство из них происходило из Феццана, и лишь несколько сот человек поступало из Гадамеса. Рабы оставались главным „товаром”, их стоимость равнялась совокупной стоимости всех остальных предметов торговли и в 1766 г. составляла несколько более миллиона ливров. Часть рабов покупалась для использования в самом Триполи, но значительно больше их вывозилось из него. Работоторговля порождала спекуляцию, поскольку оптовые покупатели, приобретающие недорого крупные партии невольников, затем выгодно распродавали их поодиночке. Государство было тоже заинтересовано в этой торговле, получая налог в размере 3,5% от цены за раба из Феццана и 2,5% за раба из Гадамеса. Что же касается „экспорта” из Триполи, то он полностью шел в Османскую империю: в Константинополь, Салоники, Смирну, Пелопоннес (Морею), на острова Хиос и Крит. По-видимому, изредка какое-то число рабов переправлялось и на Мальту. Транспортировка рабов из Триполи морем осуществлялась на зафрахтованных европейских судах (почти исключительно французских), на которых триполийцы сами сопровождали своих невольников до места назначения. Суда были небольшими, обычно водоизмещением всего 50—150 тонн, а поэтому не могли иметь много пассажиров. Однако при значительном числе рейсов и на таких судах общий объем людских перевозок мог быть относительно большим²³.

В 1835 г., как отмечалось, константинопольский султан в целях предупреждения возможной экспан-

сии французов, недавно обосновавшихся на алжирском побережье, направил в Триполи войска, изгнавшие династию Караманли и восстановившие в стране османскую администрацию. Сначала эта смена власти не оказала никакого влияния на работорговлю, продолжавшуюся на прежнем уровне. Произошла, однако, смена мест, откуда поступали невольники. До тех пор таким главным центром был Борну, но он пришел в упадок после смерти в 1835 г. шейха Эль-Канеми и последовавшим за ней волнением в Канеме, стоявшем на пути в Феццан.

В результате всего этого наиболее оживленным маршрутом стал путь через Сокото и непосредственно через его самый крупный торговый центр — Кано, откуда, по данным путешественника Барта (1851), ежегодно вывозилось в разных направлениях пять тысяч рабов²⁴. Сокращение поступления рабов по одному пути компенсировалось их притоком по другому пути, и потому число рабов, доставлявшихся в Триполи, оставалось примерно одним и тем же. Положение изменилось с 1857 г., когда султан провозгласил запрет работорговли на всех территориях Османской империи. Исключение составила из-за своего священного характера провинция Хиджаз*, и именно из-за ее нужд был сохранен рынок рабов в Триполитании²⁵. Текст запрета сам по себе носил революционный характер, но сначала это не вызвало никаких изменений в повседневной жизни. Тот факт, что текст этот затем многократно подправлялся, свидетельствует о его явной неэффективности. Свидетельства об освобождении от рабства получили лишь немногие невольники, только что привезенные в обход закона. Но, поскольку они не имели никакой возможности обеспечить свое существование, единственное, что им оставалось, — не покидать своих хозяев, т. е. ничего в положении даже „освобожденных” рабов не изменилось. Торговцы же невольниками использовали свидетельства об освобождении для того, чтобы свободно перевозить своих рабов под видом „слуг” и затем без труда продавать их в Турции.

*Хиджаз — область Западной Аравии, на территории которой находятся главные центры ислама (Мекка и Медина), где возникла первая мусульманская община и затем государство во главе с Мухаммедом.

Такая ситуация не могла продолжаться бесконечно. Сообщения европейских консулов из Триполи, разоблачавших факты работорговли, делали ее все более затруднительной для османских властей. Движение против рабства, ширившееся в Европе в конце 1880-х годов, вынудило эти власти из политических соображений принимать все более энергичные меры. Новый паша, назначенный в 1889 г., активно занялся пресечением работорговли, в чем ему помогли внешние обстоятельства — упадок транссахарской торговли. Завоевание европейцами всей области Чад привело к полному запустению караванной дороги на Борну. Что касается пути на Кано, то торговля на этом маршруте все более испытывала давление англичан, стремившихся повернуть торговые потоки на юг. Этого им удалось окончательно добиться после завоевания в конце XIX в. эмиратов на территории современной Нигерии. Произшедшие изменения привели к сокращению контрабандной торговли рабами в Триполи до единичных случаев.

Однако Триполи вбирал в себя не всю работорговлю в регентстве. Феццан был не просто перевалочным пунктом на путях, соединявших его с Суданом, а играл особую роль в торговле рабами. Пополнение ими рынка осуществлялось двумя способами: набегами и покупкой у работорговцев. Набеги тоже были двух типов. В одном случае организаторы караванов для набегов за рабами сами обеспечивали себя оружием и необходимым продовольствием, и, поэтому захваченные невольники становились собственностью захватчиков, отдававших четвертую часть добычи своему правителю. В другом случае правитель организовывал экспедиции за рабами и определял судьбу добычи. Воинам не разрешалось самим оставлять себе ни одного пленника. Всех захваченных невольников собирали вместе, правитель сначала отбирал себе каждого четвертого, а затем раздавал обычно по одному рабу пешим воинам, а кавалеристам — по два. Такие набеги в южные районы проводились ежегодно. Они доходили до Канема и даже Борну, и захватывалось до 1800 невольников²⁶.

Помимо подобных, своего рода „официальных” набегов пополнение рынка рабов производилось и частными лицами. Мы только что упомянули Борну. Именно там работорговцы легко могли приобрести

невольников, так как операции по захвату рабов здесь были обычным делом. По этому поводу очевидцем опять выступает Генрих Барт, сопровождавший участников подобной операции в 1851 г. и описавший ее во всех деталях. Операция проводилась в южных районах под предлогом заставить вассалов подчиняться, но в действительности просто для захвата рабов. Длилась экспедиция немногим более двух месяцев. По существу, это была „прогулка” вооруженных налетчиков, уверенных в своей силе потому, что у них имелось огнестрельное оружие, т. е. безусловное преимущество перед населением, не умевшим даже пользоваться таким оружием.

Взрослых мужчин-пленников было труднее содержать во время переходов, и их безжалостно убивали на месте, но часто им удавалось убежать, оставляя налетчикам более слабые существа — женщин и детей, которые не могли скрыться так же быстро. Иногда жителям деревень, предупрежденным о набеге, удавалось найти убежище на другом берегу рек, забрав при этом с собой все пироги, чтобы преследователи не могли их настичь. В подобных случаях нападающие приходили в бешенство и предавали огню все, что им попадалось на глаза, включая зернохранилища, и тем самым обрекали на голод тех, кто сумел ускользнуть от рабства. Когда экспедиция вернулась в столицу Кукава, она привела с собой десять тысяч голов скота и три тысячи рабов²⁷.

Большинство рабов обменивалось на товары, провозимые с севера транзитом через Феццан. Правитель страны тоже получал доход от таких операций, хотя они были организованы не им непосредственно. Он взимал пошлину с любого товара, в том числе и с каждого ввезенного в страну раба. Правителю полагалось десять франков золотом с любого невольника независимо от его возраста и пола²⁸.

Мы располагаем отдельными оценками размаха такой торговли рабами в Феццане. Два разных источника начала XIX в. утверждают, что в отдельные годы здесь продавалось до четырех тысяч рабов²⁹. Поскольку указывается, что это число достигалось лишь в отдельные годы, то, следовательно, среднее годовое число продававшихся рабов было меньшим. Однако затем оно, вероятно, стало расти, так как в середине столетия Нахтигаль определял это число в пять—восемь ты-

сич невольников в год³⁰. Казалось бы, запрещение работорговли, объявленное в 1857 г. турками, господствовавшими в регентстве Триполи, должно было уменьшить эти цифры. Но сначала ничего этого не произошло, и османский губернатор продолжал старую практику, собирая привычную пошлину за продажу рабов. По просьбе путешественника Рольфа, ехавшего через Мурзук в 1865 г., один турецкий врач подсчитал, что в том году в город привезли 4048 рабов. Учитывая, что подобное происходило и в других населенных пунктах, общее для этого района число поступавших рабов можно оценить в 10 000³¹.

Вероятно, приведенная цифра преувеличивает объем работорговли в тот период, но она все еще шла полным ходом, хотя через четыре года тот же Нахтигаль определял ее масштабы всего в две-три тысячи невольников в год, что свидетельствовало уже о начале упадка работорговли³². Такой упадок мог вызываться разными причинами: сокращением числа невольничьих караванов в направлении Триполи, где местные власти оказались вынужденными демонстрировать строгость из-за присутствия иностранных наблюдателей; просто общим кризисом всей транссахарской торговли в это время. Как бы там ни было, остается очевидным, что рабы все еще составляли основу торговли в Фецане.

Подтверждение этому мы встречаем в источниках как начала³³, так и середины XIX в., когда на долю работорговли приходилось до двух третей всей стоимости поступающих из Судана товаров. Поэтому без торговли рабами Судан вообще не мог бы иметь коммерческие связи³⁴, что и подтверждается сохранением этого вида торговли даже в XX в. А после того, как в начале первой мировой войны итальянцам пришлось эвакуироваться из Фецана, который они недолго оккупировали, работорговля здесь сразу же восстановилась и стала „довольно активно и прибыльно” процветать вплоть до полного восстановления в стране власти колонизаторов в 1929 г.³⁵

Сокращение поступления рабов в Триполи, как отмечалось, может объясняться уменьшением работорговли в Фецане в конце XIX в., но она не ограничивалась выходом только в Триполи. Рабов, пусть и в небольшом числе, придерживали в самом Фецане, а других переправляли отсюда в Киренаику, откуда их везли дальше — в Египет, Сирию или морем в Турцию.

С учетом продажи рабов на каждой остановке долгого пути этот работорговый поток представляется равным тому, который направлялся в другую сторону — к столице регентства. После того, как поток в Триполи прекратился, другой оставался почти неизменным. В Киренаике, кроме того, поступали партии невольников с юга; это началось еще в XVIII в. и позже приобрело большой размах.

Королевство Вадаи в Центральном Судане, ранее находившееся в подчинении Дарфура, сумело освободиться от этой зависимости и, утвердившись политически, стало укреплять свою торговлю. В то время Вадаи связывала со Средиземноморьем только дорога через Феццан, но трудность пересечения гор Тибести, а часто и враждебность населения на этом пути делали последний очень тяжелым. По-видимому, торговля рабами по этому маршруту всегда была незначительной, и поэтому султан Сабун (1805—1815) стал искать другие дороги и остановился на более короткой, проходившей через оазис Куфра и заканчивавшейся в Киренаике. С ней у Вадаи с этого времени установились постоянные отношения.

Они получили еще большее развитие в правление Али (1858—1874) в значительной степени благодаря его присоединению к братству сенуситов, центром которого был Джарабуб, юго-восточнее Бенгази. Али проводил политику завоевателя. Из Багирми* — западного соседа Вадаи — он уводил население целых деревень, заставляя крестьян и ремесленников работать на землях своей страны. Помимо этого, он постоянно совершал набеги на язычников, живших южнее³⁶. Накопленные Али богатства позволили ему не только расширить внешние связи, но и посылать главе братства ценные подарки, среди которых важное место занимали рабы. Невольники распределялись между „завиями” (монастырями) сенуситов, где использовались на разных работах — домашних, сельскохозяйственных, ирригационных, а когда число рабов превышало потребность в них для этих работ, то лишние невольники шли на продажу³⁷.

*Вадаи и Багирми — государственные образования, возникшие в XVI в. на территории к востоку и юго-востоку от оз. Чад, соседствующие на западе с Борну и на востоке с Дарфуром.

Киренаика явно стремилась занять особое место в работорговле на всем Средиземноморском побережье Африки. Европейское присутствие с обеих сторон Киренаики — в Триполи и Египте — все более и более затрудняло маскировку партий невольников. В отличие от этого в Бенгази европейцев было мало — всего несколько консулов, живших очень изолированно, и никого во внутренней части страны, где и осуществлялась фактическая власть сенуситов, крайне враждебных ко всякому появлению здесь иностранцев. Поэтому известны только отрывочные сведения, позволяющие все же представить в общих чертах беспрепятственно продолжавшуюся в 1880-х годах работорговлю в Киренаике. Однако этих фактов недостаточно для более углубленного анализа. Торговля рабами прекратилась здесь в начале XX в. после захвата французами Багирми и Вадаи, что ликвидировало источники поступления невольников. Тем не менее в таких промежуточных районах, как оазис Куфра, работорговля продолжалась еще в 1920-х годах. Одной из уловок, применявшихся в этих краях, было заключение брачного контракта в Судане, а затем по возвращении оттуда — развод и продажа жены³⁸.

Египет и Восточный Судан

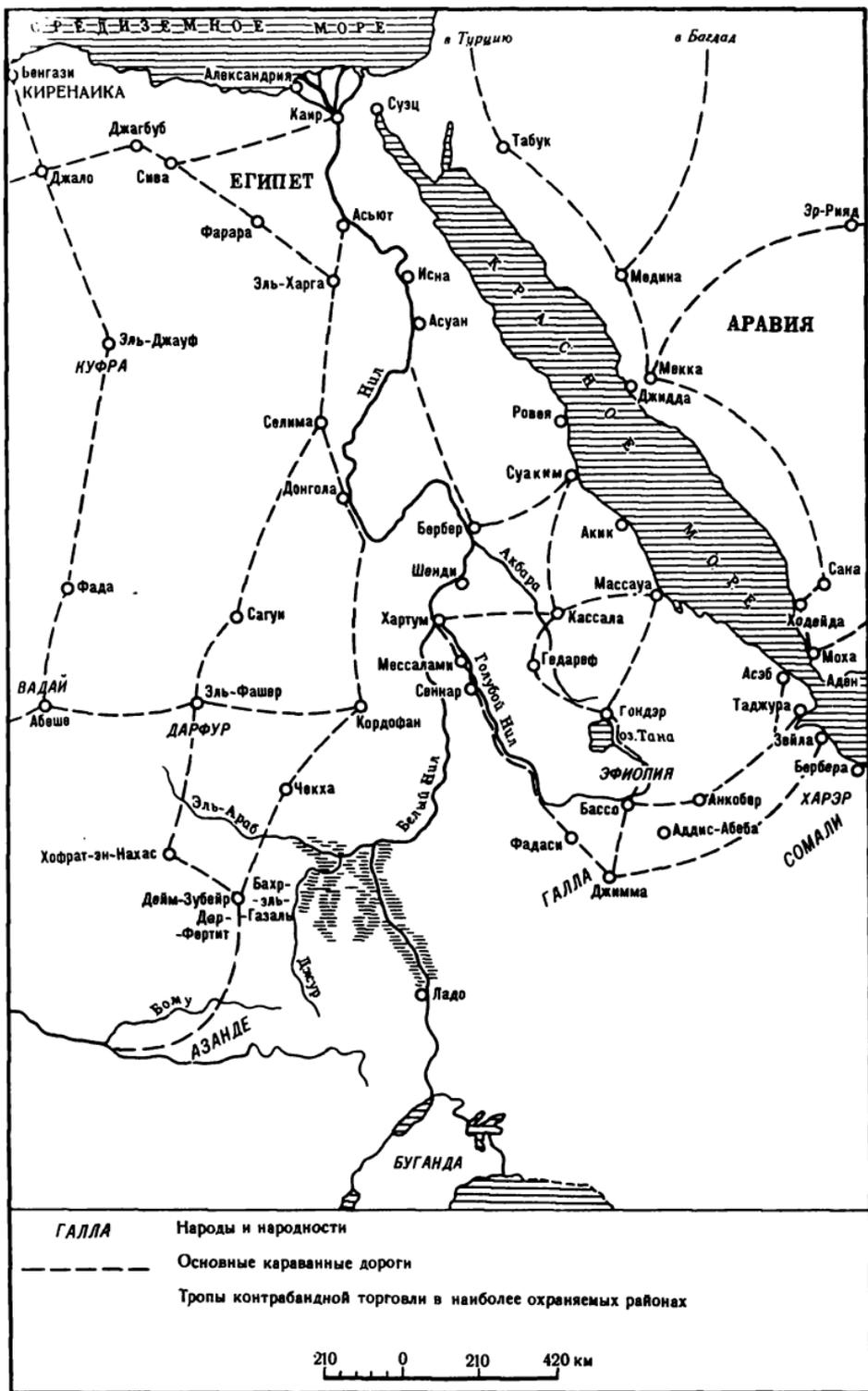
Сохранение работорговли до недавнего времени происходило и в других областях Африки, и при этом даже в больших масштабах. Рассмотрим в этом плане прежде всего обширный регион, включающий бассейн Нила в Египте и Восточном Судане.

В Каир, как и в предыдущие века, продолжали привозить черных рабов. Их число надежные источники оценивают в две-три тысячи невольников в год в начале XVIII в.³⁹ и в три-четыре тысячи в конце его⁴⁰, что свидетельствует о росте торговли невольниками. Однако уточнить, как все обстояло в течение всего столетия, невозможно, поскольку информации по этому вопросу для данного периода истории Египта у нас мало⁴¹. Можно лишь предполагать, что приведенные цифры не отражают весь объем притока рабов, которые не только поступали в столицу, но и оседали на всем пути доставки невольников.

В Каир караваны приходили из трех областей: Фецца-на, Дарфура и Сеннара. Основными товарами были: слоновая кость, эбеновое (черное) дерево, камедь, золотой песок, страусовые перья и амбра. Доля рабов в этой торговле зависела от того, откуда происходил товар. Наиболее заметную роль рабы играли в товарообороте Дарфура. В конце XVIII в. число невольников, ежегодно отправлявшихся из этой области на север, достигало пяти-шести тысяч человек. Для Дарфура рабы составляли основу внешней торговли. Но из захваченных невольников большая часть оставлялась в самом Дарфуре. Набеги совершались на прилегавшие к нему с юга районы. Для этой цели выдавались настоящие султанские „разрешения на охоту”. Число таких разрешений доходило до 60—70 в год. Каждому из получивших разрешение выделялся определенный район с той целью, чтобы „охотники” не встречались друг с другом и между ними не возникали бы стычки.

Владельцы подобных разрешений организовывали крупные экспедиции, забирая себе от трети до половины добычи своих подчиненных и, кроме того, обеспечивая выделение доли султану и влиятельным лицам, помогавшим в получении разрешения. Личная доля султана составляла примерно одну пятую от общего числа захваченных пленников, что можно считать весьма умеренным побором. Однако это объяснялось тем, что султан умел увеличивать выгоду от своей доли добычи. Он получал целые семьи, которые становились своего рода ячейками в сельском хозяйстве, платившими оброк. Точно так же поступали и крупные землевладельцы. Таким путем создавались подлинные центры по воспроизводству новых рабов на месте. Центры располагались на достаточном удалении друг от друга, чтобы изолировать их от всякого контакта между собой. Ежегодно здесь распродавали детей любого возраста, на которых мог быть спрос, обеспечивавший выгоду. Покупатели увозили детей, чтобы использовать их как рабов. Такой вид работорговли также стал дополнительным источником доходов для султана, получавшего налог с каждого вьюка и невольника, вывозимых за границу⁴².

Другим местом, откуда поступали рабы, был Сеннар, о котором мы уже говорили, достигший своего апогея в первую половину XVIII в. Его местоположение на

Северо-Восточная Африка

Голубом Ниле благоприятствовало обменам с Эфиопией, откуда издавна вывозились рабы, но Сеннар самым жестоким образом захватывал их из других районов. Правитель Сеннара получал половину добычи, т. е. намного больше, чем правитель Дарфура, но в отличие от него ограничивал свои требования только этим. Основной поток рабов направлялся отсюда в Аравию через порт Суакин, где рабы были основным „грузом”.

Другое направление экспорта невольников из Сеннара — Египет. Оба потока претерпевали разнообразные изменения как в экономическом, так и в политическом отношении по мере упадка Сеннара в конце XVIII в. По сообщениям того времени, походы за рабами иногда вели к захвату всего нескольких сот невольников. В предыдущие десятилетия, когда работорговля была активней, невольников захватывалось намного больше. В начале XIX в. их число вновь достигло полутора тысяч в год, а экспорт рабов в Аравию именно в это время составлял ежегодно две с половиной тысячи невольников⁴³.

Главными путями, соединявшими Восточный Судан с Египтом, были следующие: от Дарфура через оазис Селимех, а затем прямо к Асьюту на Ниле (одно ответвление этого пути проходило через Донголу); от Сеннара через Бербер в Эснех в Верхнем Египте, а затем по долине Нила. Пошлины взимались в разных местах. Главная уплачивалась в таможне Асьюта, где пересекались оба указанных основных пути. При этом пошлину платили за каждого невольника и за каждого навьюченного верблюда. Чтобы расплатиться, караванчики, не имевшие звонкой монеты, вынуждены были продавать часть своих невольников. Это повторялось и перед въездом в Каир, где опять взималась пошлина.

Значение Асьюта возрастало помимо указанной причины еще и потому, что этот город был одним из центров кастрации рабов. Во многих местах в его окрестностях существовали специальные дома, где делалась эта операция. Работорговцы привозили туда мальчиков в возрасте 8—12 лет и затем выживших после операции забирали. В год проводилось примерно 150 таких операций. Евнухи предназначались главным образом для гаремов в Аравии и Турции. Чрезвычайные обстоятельства могли привести к увеличению числа кастрируемых, как это произошло, например, в 1812 г., когда египетский паша Мухаммед Али, о кото-

ром мы еще будем говорить, приказал сразу же „произвести” дзести евнухов для отправки в подарок османскому султану⁴⁴. Другой центр по „производству” евнухов находился в Акмине, вблизи Луксора. Здесь, помимо обычной коммерческой деятельности, существовала давно установленная обязанность местного правителя регулярно отправлять евнухов султану в Константинополь⁴⁵.

В XVIII в. в Египет ежегодно поступало пять-шесть тысяч черных рабов из Дарфура, полторы тысячи — из Сеннара (за исключением одного периода общего упадка), а также трудно поддающееся подсчету число невольников из Фецана, которое, видимо, не превышало всего нескольких сот рабов. Из этого общего числа примерно половина доходила до Каира, откуда какая-то часть невольников переправлялась дальше, в Турцию. В самом Судане — основном поставщике невольников — их число, помимо указанных цифр, надо увеличить за счет рабов, купленных на местных рынках и вывезенных в Аравию.

Таким образом, работорговля в этом регионе была весьма значительна. Бонапарт в 1798 г., во время экспедиции в Египет, сразу понял это и попытался использовать африканцев для укрепления своих войск. Перед началом сирийской кампании, которую Наполеон предпринял в мечтах о более крупных делах, он намеревался поставить под ружье 15 000 черных африканцев и столько же местных жителей⁴⁶. Однако неудачи свели его планы к куда более скромным цифрам. Тем не менее Наполеон не отказался от своей идеи и обратился к султану Дарфура с просьбой прислать ему „две тысячи черных рабов старше 16 лет, крепких и сильных”⁴⁷. Дезз, захвативший Верхний Египет, даже завязал переговоры по этому вопросу⁴⁸, а командиры разместившихся здесь частей по прибытии караванов с юга стали отбирать мужчин, казавшихся им пригодными для воинской службы. Эти рекруты, число которых уточнить не представляется возможным, вполне удовлетворяли французским армейским требованиям⁴⁹.

Что касается африканских женщин, то к ним французы проявили даже значительно больший интерес. Французские войска оставались в Египте несколько лет отрезанными от своей страны и компенсировали связанные с этим определенные потери, приобретая

на местном рынке сожигательниц. Уходя из Египта в 1801 г. после капитуляции армии, французы продали этих женщин победившим англичанам. Англичане сумели воспользоваться тем, что французы ретировались поспешно, и покупали у них наложниц за гроши. Сделки эти происходили у причалов в Розетте, где одни сходили с кораблей, а другие грузились на них для эвакуации, и ведь эти сделки велись между солдатами воюющих сторон! „Это были прелюбопытные сцены” — пишет один из свидетелей, британский офицер⁵⁰.

Французская экспедиция в Египет явилась, конечно, коротким эпизодом. Более важным событием стало завоевание Восточного Судана египетским пашой Мухаммедом Али, имевшее значительные последствия.

Мухаммед Али возглавлял албанский корпус, входивший в турецкую армию, посланную султаном против Бонапарта. Затем Мухаммед Али стал пашой, и хотя оставался вассалом константинопольского султана, но на самом деле осуществлял власть совершенно независимо от него. Стремясь укрепить свою независимость, паша нуждался в большой и преданной армии. Численность его албанцев была мала, да к тому же они почти все время проявляли неповиновение, и потому паша решил включить в свою армию черных.

Привезенные издалека и обученные обращению с оружием, они могли составить войско более сильное и послушное, чем албанцы. Безусловно, именно это стало главной причиной, побудившей Мухаммеда Али начать завоевание Судана в 1820 г. Когда оно было завершено, паша напомнил об этой цели в письме к одному из начальников оккупационной армии: „Вы знаете, — писал он ему, — что цель всех наших усилий и расходов — заполучить негров. Прошу Вас, проявите усердие в исполнении наших желаний в этом главнейшем деле”. Именно поэтому контрибуции редко накладывались в деньгах, а чаще в виде „поставок людей” (наряду со скотом), в результате чего в южных районах разгорелась охота за рабами.

Отправка пленных проводилась в спешке, что вело к большой смертности, а это, в свою очередь, требовало новых и еще более поспешных отправок, чтобы получить ожидаемые пашой результаты. Таким путем к 1823 г. удалось набрать 30 000 человек в военных лагерях Верхнего Египта. Но трудности дисциплины,

совершенно чуждой прежнему образу жизни захваченных людей, и воинские упражнения в условиях непривычного климата — все это вызывало различные заболевания (дизентерию, малярию, оспу), буквально косившие ряды новобранцев. Эксперимент, хотя он и не был полностью прекращен, завершился все же провалом, и тогда Мухаммед Али стал пополнять армию только египтянами⁵¹.

Однако проекты паши этим не ограничились, а стали, наоборот, еще более широкими, получив не только политический, но и коммерческий характер. Правда, надежды на развитие добычи золота не оправдались, так как оказались слишком оптимистическими, но другие проекты имели более прочные основания. Завоеванные территории, охватывая лишь северную часть современного Судана, стали тем не менее прекрасной базой для продвижения вверх по Нилу в районы, все еще остававшиеся совершенно изолированными, где сохранялись даже крупные стада слонов. Египетские власти объявили свою монополию на эти многообещающие земли, а добыча слоновых бивней здесь превратилась в одну из основных статей их дохода. Достиженные результаты привлекли внимание европейских коммерсантов, которым удалось в 1850 г., после смерти Мухаммеда Али и под большим давлением консулов своих стран, убедить преемника паши издать декрет о свободе торговли. Сначала европейские дельцы объединились, чтобы воспользоваться декретом, но вскоре утратили особый интерес к развитию здесь торговых операций, так как декретом воспользовались и многие египетские, нубийские и даже сирийские купцы и возникла чрезмерно острая конкуренция.

На первых порах приобретение слоновой кости было главной целью торговых операций и в течение какого-то времени действительно составляло их основу. Но простота заготовки слоновой кости в девственных местах сохранялась недолго. Слоны вскоре ушли из тех районов, где могли действовать охотники, а сбор бивней умерших животных быстро иссяк. Для того чтобы продолжать забой слонов за пределами наиболее легко доступных речных долин, требовалась уже помощь местного населения, следовательно, установление с ним регулярных обменов. Однако этого никак не удавалось достичь. За пределами южной

границы Дарфура, куда, как мы видели, уже совершались набеги за рабами, по обоим берегам верхнего течения Нила все еще располагались территории, не имевшие никакого контакта с внешним миром. Внезапное вторжение сюда людей с севера никак не могло сразу же привлечь к ним местное население. Оно имело крайне ограниченные запросы, и торговцы никак не могли даже определить товары для обмена, которые вызвали бы у населения хоть малейшую заинтересованность. К этому следует добавить, что чем дальше подобные места находились от центров снабжения, тем труднее была доставка туда грузов.

Начальники южных экспедиций и их нубийские солдаты отнюдь не собирались обходиться дипломатически с местными жителями, которые ходили обнаженными, были язычниками и представлялись полными дикарями. К тому же наличие огнестрельного оружия обеспечивало пришельцам неоспоримое превосходство в силе. Они захватывали скот, служивший одновременно и пищей, и товаром, который имел незыблемую цену в обменных операциях. Они забирали и людей, чтобы обеспечить перенос грузов до места их погрузки на суда, иногда уводя носильщиков очень далеко от их дома. Такая практика вызывала враждебность местного населения, и торговцам приходилось увеличивать свои вооруженные отряды, чтобы при необходимости обороняться. По мере того как все труднее становилось добывать слоновую кость, это дело превращалось во все более дорогостоящее предприятие. По этой причине для снижения все нараставших расходов на такие экспедиции быстро сложилась практика расчета с сопровождавшей караваны охраной захваченными по пути невольниками.

Вне всяких сомнений, торговля слоновой костью в подобных условиях не могла оставаться рентабельной. Росло число конкурентов, действовавших в одних и тех же районах, что оставляло каждому из них мало шансов на успех. Получение кредитов, необходимых для организации торговых экспедиций, требовало обычно выплаты ростовщикам 60%. Товар, бывший первоначально главной целью таких экспедиций, перестал обеспечивать их доходность. Приходилось искать другие ресурсы, т. е. становиться на путь захвата невольников уже не только для расплаты за услуги охранников, но и просто для продажи, поскольку

этот вид торговли оставался очень рентабельным. В 1870 г. один из наиболее заметных дельцов в этом промысле, Зибер, смог отправить в Хартум слоновой кости всего на 12 000 долларов, но одновременно он же отправил туда 1800 рабов, стоимость которых составила, как минимум, 90 000 долларов⁵².

Работорговцы могли достигать таких результатов, лишь опираясь на соответствующую силу (на чем мы остановимся), а также используя местные междоусобицы, которые позволяли опираться на одну из враждующих сторон при нападении на вторую. Методы, применявшиеся торговцами для расширения поля деятельности во враждебной им среде, вызывали нарастающую к ним ненависть. Складывался порочный круг, обстановка еще более обострялась правительственными экспедициями, а затем в том же столетии и подобными им частными предприятиями, окончательно превратившими Южный Судан в страну анархии и непрекращающегося насилия.

Египетская администрация ничему этому не препятствовала. Вице-король Саид, сын и второй преемник Мухаммеда Али, издал декрет о запрете торговли рабами, предназначавшимися к вывозу в Египет. Но сам он решил возродить попытку своего отца набирать в армию черных невольников для увеличения ее численности. В самом Судане все больше ощущалась необходимость увеличить количество оккупационных войск, действовавших в крайне изнурительном климате. Официальная египетская власть могла сохранить здесь свое присутствие только путем покупки людей, а следовательно, даже самые строгие запрещения работорговли теряли тут свою силу. Для чиновников работа в Судане была ссылкой, в которую отправляли наиболее посредственных служащих. Им платили низкое жалованье, они жили без всякого комфорта. Свое пребывание в этих краях они сносили только благодаря большим доходам, поступавшим за услуги работорговцам.

Если бы кто-нибудь из этих чиновников попытался противодействовать работорговле, то это не дало бы никаких результатов. Чиновники были разбросаны на обширном пространстве, включавшем много бесконтрольных территорий и не захватывавшем основные районы, откуда поступали невольники. Реальный контроль за работорговлей мог осуществляться лишь на выходах из Судана.

Рабов вывозили из следующих областей: на востоке из пограничной с Эфиопией зоны; на западе из района Бахр-эль-Газаль, включая его западные и южные окраины. По существу, это были те же питавшие работорговлю районы, что и раньше, но только после завоевания Судана ареал работорговли расширился. На Белом Ниле, протекавшем между указанными районами, находились посты египетской администрации. Они создавали угрозу конфискации добычи, так как официально работорговля была запрещена. В действительности же часто местные начальники прямо попустительствовали работорговцам, двигавшимся по реке со своим живым товаром. Но размер взятки за такое попустительство — минимум два талера за каждого провозимого раба — делал этот путь для купцов дорогим, и им пользовались довольно редко.

Наибольший размах работорговля приобрела к западу от Нила. К югу от Дарфура, в направлении Дарфертита, торговцев издавна привлекали медные рудники Хофрат-эн-Нахас, не говоря уже о рабах. Сначала здесь появились в основном одни „джеллаба” — бродячие торговцы, передвигавшиеся небольшими группами и вступавшие в сделки с местными вождями, которым они платили пошлину, что создавало определенное взаимопонимание.

Ситуация изменилась после 1855 г., когда был обнаружен приток Нила Бахр-эль-Газаль, оказавшийся пригодной для плавания протокой, устье которой было закрыто буйной растительностью. Открывался доступ к еще не изведанным обширным внутренним районам. Работорговцы во множестве устремились по этому пути и, уверенные в своей силе, обрушились со всей жестокостью на аборигенов, уничтожая местную власть и сложившиеся ранее отношения. Тем не менее определенные различия в условиях деятельности в ранее „освоенном” Дарфертите и на только что открытом Бахр-эль-Газале сохранялись.

Последний стал зоной хозяйничанья купцов из Хартума. В 1870 г. по крайней мере шесть из них вели дела с очень большим размахом⁵³. Сами купцы обычно не покидали города, а на места посылали приказчиков, обычно пользовавшихся доверием невольников. Находясь на большом удалении от хозяев, они становились совершенно независимыми в пределах своих „владений” вокруг укрепленных факторий („зероба”),

включавших жилища и склады, окруженные изгородью. Число таких баз у каждого купца зависело от его финансовых возможностей.

Для обеспечения защиты „зеробы”, совершаемых из нее набегов за невольниками и охраны караванов требовались целые вооруженные отряды. Их формировали из приезжавших с севера в поисках удачи нубийцев, из местных жителей, жаждавших наживы, и даже частично из невольников. Эти относительно крупные вооруженные отряды еще больше разрастались по мере того, как усиливалось ими же порожденное сопротивление. Ужас, который вызывали такие банды, позволял им полностью подчинять себе население, соглашавшееся признать свою вассальную зависимость. В этом случае давалось обещание не грабить покорившихся и даже оказывать им помощь против местных врагов. Но за все это жители обязывались платить налоги в виде зерна и скота для пропитания хозяев с их многочисленной свитой, а также обеспечивать необходимое количество носильщиков для караванов, продвижение которых здесь всюду сильно затруднялось из-за болотистой местности.

Мятежи, нередко возникавшие из-за нелегкой контрибуции, сопровождались жесточайшими расправами, смещением бунтовавших вождей, на чье место назначались более покорные. Таким образом, каждый работороговец обеспечивал себе власть на определенной территории, точнее, над разными участками вблизи фактории, соединенными разветвленной сетью троп. Хозяин становился на этом пространстве монополистом: никто больше не имел права заниматься здесь какими бы то ни было делами и даже на пересечение такой территории требовалось его разрешение.

Подобная деятельность вела к быстрому истощению не только ресурсов слоновой кости, о чем уже сказано, но и людских ресурсов, а также к сокращению поголовья домашнего скота. Население подвергалось ограблению, на него накладывались тяжелые контрибуции, или же людям приходилось скрываться в недоступных местах. Все это вынуждало торговцев продвигаться все дальше и дальше. Их экспансия от Бахрель-Газала на юг в конце концов перешла водораздел Нил—Конго. Там население азанде, учитывая его многочисленность и хорошую организацию, могло бы объединенными силами оказать серьезное сопротивление,

однако междоусобные распри азанде позволили работорговцам установить здесь, как и в других местах, свое господство, пользуясь где подкупом, где оружием. Таким образом, операции торговцев рабами стали осуществляться уже за рекой Уэлле на северо-востоке нынешнего Заира⁵⁴.

В Дарфертите произошло то же самое, что и в Бахрель-Газале, но географические особенности позволяли проявлять здесь еще большую активность: вместо болот в этих местах были сухие равнины или пологие склоны, благоприятные для передвижения, что привлекло сюда разных авантюристов, жаждавших наживы. Их многочисленность, давность проникновения на эту территорию, связи с таким видным вождем азанде, как Мопои, — все это сделало область Дарфертит самой „продуктивной” по числу невольников во всем Судане. Крупные работорговцы жили не где-то вдаль, а здесь же, в самой области, дававшей много рабов.

О масштабах операций говорят по-восточному пышные резиденции работорговцев. Это уже не скромные фактории („зероба”), а настоящие дворцы („дем”), включавшие в свой ансамбль даже сами рынки рабов. Путешественник Швейнфурт, посетивший эти места в 1870—1871 гг., оставил нам поразительные описания таких дворцов. Зибер, крупный работорговец, и к тому же самый влиятельный правитель в области, имел настоящий королевский двор:

„Обширные квадратные здания, — рассказывает путешественник, — окруженные высокими оградами, образуют его резиденцию. Внутри этих зданий находятся большие залы для приемов, днем и ночью охраняемые вооруженными часовыми. Перед залами располагались тоже большие комнаты, выполнявшие роль прихожих; они меблированы диванами, покрытыми коврами, и здесь посетители, провожаемые рабами в богатых одеждах, пили кофе, шербетты, курили чубуки. Присутствие львов, посаженных на крепкие цепи, еще больше придавало этим большим залам княжеский вид.

В самой удаленной комнате здания, в центре его, за широким пологом возлежал богатый работорговец. Многочисленные слуги ждали его приказаний, а несколько факихов* на диванах по обе стороны от полога без конца бормотали свои молитвы”⁵⁵.

* Факих — правовед, знаток Корана.

Продолжая свой путь, Швейнфурт прибыл затем в „дем” Бекир, резиденцию другого крупного работорговца — Курчук-Али. После долгого и утомительного пути, когда пришлось и поголодать, путешественника приняли с великолепием, показавшимся ему сказкой:

„Мне подумалось, — пишет он, — что все это внезапно пригрезилось. Угорел ли я в задымленной хижине в глубине Африки или действительно я оказался в королевском шатре, который видел перед собой? Яркий свет слепил глаза; меня окружали богато одетые рабы; одни ставили у моего ложа сверкающие бокалы, подносили различные кушанья, держали факелы и лампы. Другие, с расшитыми золотом полотенцами, протягивали дорогие блюда с лакомствами и предлагали лимонад и шербеты в разноцветных сосудах. Было ли это продолжением сна? Я протираю глаза, пил то, что мне предлагали, пробовал предметы на ощупь — все было настоящим”⁵⁶.

На пространстве от Белого Нила до Дарфертита работорговцы создали несколько не зависевших друг от друга „предприятий” более или менее крупного масштаба, в свою очередь включавших в себя подобные им, но более мелкие структуры. Для набегов за невольниками („раззия”) хозяева создавали за свой счет отряды, которые, однако, не всегда удовлетворялись одной этой службой. Помимо полагавшейся им доли добычи, такие отряды старались обеспечить себе и дополнительный доход. Именно последнее привлекало сюда большое число авантюристов, не рискнувших бы только на свой страх и риск заниматься работорговлей. Добытые ими для себя невольники становились как бы прибавкой к жалованью, которое хозяева, как мы помним, часто выплачивали тоже рабами.

Поэтому здесь в работорговле на всех ее уровнях постоянно существовало предложение товара. Спрос на рабов прежде всего проявляли „джеллаба”, пробиравшиеся со своим товаром всюду, где появлялась хоть малейшая возможность сбыть ввозимый ими „хлам”. Новая ситуация, сложившаяся в рассматриваемых областях, оказалась для этих мелких торговцев очень выгодной. Им не приходилось теперь, как раньше, платить пошлину местным вождям, а у крупных работорговцев их всегда ожидало гостеприимство. Снабжая этих работорговцев самыми разными предметами, которых здесь нельзя было достать иначе, бродячие торговцы получали за них при расчете помимо небольшой платы деньгами и нескольких рабов.

Как бы ни мал был объем работорговли отдельных „джеллаба”, учитывая их многочисленность и частоту постоянных перемещений, суммарно они играли заметную роль в торговле невольниками. Зимой 1870—1871 гг. только через один „дем” Зибера прошло, например, не менее 2700 „джеллаба”⁵⁷.

Прежде всего рабов здесь широко использовали на месте. „Зериба”, а еще больше „дем” требовали много невольников: слуг, наложниц, сельскохозяйственных рабочих, солдат, носильщиков. Но рабов все же было намного больше, чем требовалось для местного рынка, а потому их очень активно вывозили. Если невозможно уточнить (количественно) масштабы внутреннего спроса на рабов, то оценить их экспорт смог, например, Швейнфурт. Для периода своих наблюдений он определял экспорт рабов в 25 000 человек в год, твердо полагая, что это „гораздо ниже реальной цифры”⁵⁸.

Вывоз рабов происходил по двум основным направлениям: на север и на северо-восток. Северный путь — это традиционный маршрут, о котором мы уже говорили. Он проходил через Дарфур, затем оазис Селимех, откуда главный путь вел в Египет, а другой — на Киренаику. Однако большинство рабов отправлялось на северо-восток, т. е. к Красному морю и в Аравию. Обычно этот маршрут шел через столицу Кордофана — Эль-Обейд, а заканчивался в Суакине или Массауа. Но и там еще существовал риск конфискации „товара” или же необходимости дачи очень большой взятки располагавшимся на этом пути чиновникам. Чтобы избежать всего этого, приходилось делать большой крюк, а то и просто двигаться потайными тропами контрабандистов вплоть до самого Красного моря. На его побережье, в укромных бухточках, всегда имелась возможность продать невольников на суда, курсировавшие вдоль всего побережья.

Таким образом, сеть путей вывоза невольников была очень разветвленной, как и очень различны были те, кто вел по ним свои караваны. На пути от Дарфертита или Бахр-эль-Газалья до моря неоднократно происходила смена владельцев невольничьих караванов и менялась их роль. К западу от Нила это были те, кто захватывал невольников и продавал их караванщикам, доставлявшим рабов, к востоку от этой реки. Здесь вновь происходила продажа невольников теперь уже

тем, кто сам не совершал набегов, но специализировался на дальнейшем транзите рабов потайными маршрутами, что требовало досконального знания территории, а следовательно, участия местного населения. Так, рабы все время переходили из рук в руки на пути к побережью, где их опять продавали очередным посредникам — владельцам судов, доставлявших невольников в Аравию.

В 1863 г. к власти в Египте пришел хедив Исмаил, и, казалось бы, все свидетельствовало о начале модернизации этой страны, в том числе и о серьезной борьбе с работорговлей. Исмаил уже имел опыт деятельности в этом направлении в Египте, и логически следовало ожидать, что последует продолжение таких усилий в Судане, завоевание которого завершил этот хедив. (К ранее полностью оккупированной северной части Судана он присоединил южные районы страны.) Это далось Египту не без труда. В Дарфуре и Бахр-эль-Газале Исмаил столкнулся с работорговцами, управлявшими здесь как полные хозяева и не собиравшимися отказываться от свободы действий. Самый крупный из них, Зибер, даже убил в 1872 г. остановившегося у него египетского представителя, а два года спустя отвоевал Дарфур у официальных египетских властей.

У Исмаила не оставалось другого выхода, как дать Зиберу титул губернатора, но позже, заманив его в Египет лестными посулами, хедив заключил Зибера пожизненно в тюрьму. Одной этой хитрости для овладения Дарфуром оказалось мало. Стремясь найти чиновников, менее зависимых от местных условий, хедив обратился к помощи ряда европейцев, среди них наиболее известным стал Чарльз Гордон — сначала губернатор Экваториальной провинции, а затем генерал-губернатор Судана.

Гордон был яростным врагом торговли людьми и принял серьезные меры против работорговцев. Он, например, выслал из Бахр-эль-Газали всех „джеллаба” и попытался активно преследовать невольничьи караваны. Но, по его собственному признанию, 80% таких караванов ускользали. Для более незаметного передвижения караваны разделялись на небольшие группы и двигались даже не по тропам контрабандистов, а по самым тайным тропинкам. Для слежки за такими группами потребовалось бы разместить на таких тропях

огромный контингент войск, что в такой большой стране, как Судан, попросту было невозможно.

Серьезный шаг был сделан в 1877 г., когда Исмаил заключил с Англией конвенцию, которая предоставляла ей право досмотра египетских кораблей, и когда он издал декреты о новых репрессивных мерах против работорговли. Эти законы стали особенно эффективно применяться в Египте после 1882 г., поскольку оккупация его англичанами дала им возможность бороться не только с вывозом невольников по морю, но и непосредственно с работорговлей на суше. Все чаще стали освобождать недавно захваченных невольников; это подействовало на работорговцев и привело к сокращению операций по захвату невольников. На египетской территории такие операции окончательно прекратились в конце 1880-х годов.

В Судане применение декретов 1877 г. вскоре свелось на нет из-за восстания махдистов*, постепенно изгонявшего египетскую администрацию с большей части страны. Это крупное восстание вызвано было многими причинами, одной из которых, безусловно, явилось раздражение работорговцев действиями Гордона против них. Махди постарался привлечь и работорговцев в свой лагерь, пообещав разрешить им вернуться к их прежней деятельности. Триумф Махди после взятия им Хартума в 1885 г., однако, не принес работорговцам полного удовлетворения.

Сокращение рынка сбыта невольников в Египте, а также беспорядки, вызванные военными действиями, вынудили работорговцев покинуть южные районы Судана — главные места охоты на людей. Эти районы оказались вне возникшего нового махдистского государства, но оно было отрезано от них, что затрудняло получение новых рабов, требовавшихся для пополнения армии махдистов, боровшейся с поддерживаемым Англией Египтом. Какое-то время Махди еще удавалось контролировать южные районы, но вскоре

* Восстание махдистов в Судане (1881—1885) было направлено против колониальных устремлений египетских властей и поддерживавших их англичан. Руководитель восстания Махди Суданский (1844—1885) в 1881 г. объявил себя мессией пророка (махди) и призвал к священной войне (джихаду), в результате которой в Судане было создано махдистское государство. Оно просуществовало до 1898 г., когда потерпело поражение от английских колонизаторов.

это стало совсем невозможно из-за мощного местного сопротивления и проникновения сюда военных отрядов, посланных Леопольдом II из Конго.

Нападения на эфиопскую территорию не обеспечивали достаточный приток невольников, и из-за нехватки поступления новых рабов пришлось принять специальные меры внутри Судана. Были восстановлены в статусе рабов те, кого во время египетского правления освободили от рабства, установлена государственная монополия на продажу мужчин, большинство из которых требовалось для армии; наконец, полностью запретили вывоз рабов из страны. Последнее распространялось также и на женщин, хотя по отношению к ним запрет соблюдался менее строго и контрабандным путем их удавалось вывозить из Судана. Внутри страны торговля рабами велась еще активно⁵⁹, но в целом в это время наметился явный упадок работорговли по сравнению с предшествовавшим периодом египетского правления.

Такая же картина наблюдалась в южных районах Судана, оказавшихся вне границ махдистского государства.

Трудно найти точные данные, так как истинное положение в тот период малоизвестно (за исключением знаменитого эпизода, когда Стэнли „освободил” Эмин-Пашу)*. По-видимому, в это время работорговля опять усилилась, хотя не так, как ранее, поскольку вывоз рабов шел только в направлении Красного моря и Аравии. Египетская администрация, поддерживаемая английскими офицерами, сохранялась в Суакине, а итальянцы в 1885 г. уже оккупировали Массауа. Те и другие осуществляли морской контроль и, кроме того, создали на побережье наблюдательные посты. Однако их сеть была слишком мала, чтобы препятствовать тайной работорговле (до нескольких

* Стэнли Генри Мортон (1841—1904) — американский журналист, известный путешественник по Африке и крупный колониальный деятель. Эмин-Паша — Эдуард Шнитцер (1840—1892) — немецкий врач, колониальный деятель, принял ислам в Египте, с 1878 г. — египетский губернатор Южного Судана. В 1888 г., во время одного из его путешествий в верховьях Белого Нила, оказался в бедственном положении, и Стэнли (на средства английского „комитета по спасению Эмина”) направился из Конго на помощь Эмин-Паше.

тысяч человек в год), продолжавшейся до англо-египетского завоевания Судана в 1898 г.⁶⁰.

История рабства в Восточном Судане нашла свое продолжение в аванюре Раббаха. Этот бывший приближенный Зибера бежал из Дарфура, когда его хозяина заключили в тюрьму, а провинцию вновь завоевал Египет. Раббах направился на запад с находившимися в его распоряжении войсками и последовательно оккупировал Вадан, Багирми, затем Борну, создав из них свою эфемерную империю. Эти кампании сопровождались захватами большого числа невольников, которых продавали на рынках, чтобы обеспечить приобретение оружия и боеприпасов, или же включали в армию Раббаха для ее пополнения. Сам Раббах стал жертвой колониального раздела Африки, найдя смерть в 1900 г. в сражении против соединившихся трех французских колонн, подошедших к озеру Чад с севера, запада и юга. Вместе с гибелью Раббаха пришел конец и его империи.

И все же столь обширная суданская работорговля не могла иссякнуть за несколько лет. Утратив свои прежние масштабы, она продолжалась и позже, при этом достаточно регулярно, в частности в связи с паломничеством в Мекку, где продавали рабов из разных районов обширной суданской зоны, привезенных под видом родственников или слуг наложников⁶¹.

Центрально-Восточная Африка

Еще одна зона широкого развития работорговли в Африке протянулась с востока на запад от Индийского океана до центра континента и с севера на юг от Убанги до Мозамбика.

Мы видели, как на восточном побережье Африки, от Сомали до Софалы (на территории нынешнего Мозамбика), возникла цепочка арабских городов. В XVI в. португальцы овладели главными из них для того, чтобы обеспечить здесь стоянку своих кораблей по пути в Индию. В конце XVII в. городам, расположенным к северу от Ровумы, удалось освободиться с помощью арабов из Омана, и португальское господство сохранилось только южнее этой реки. Да и это „господство” было довольно своеобразным.

Официальная власть португальцев распространялась фактически лишь на несколько пунктов на побережье.

В глубине же материка из-за отсутствия у португальцев достаточных сил функции власти были ими возложены на хозяев очень крупных землевладений („празос”). Хотя эти функции были строго регламентированы, но при отсутствии контроля за их осуществлением они быстро стали фикцией. „Празос” занимали огромные пространства, и их хозяева, имевшие собственные армии, обладали абсолютной властью над местным населением.

Пренебрегая заботой об освоении земель, что как раз считалось одной из их главных обязанностей, землевладельцы занимались куда более доходными для себя делами. Самым прибыльным делом считалась торговля рабами, отправляемыми преимущественно в Бразилию. Этот поток африканских невольников присоединялся к потоку рабов, вывозимых через Атлантику, что рассмотрено в предыдущей части книги. Экспорт рабов в другом направлении хотя и уступал первому по объему, но в этом разделе он представляет для нас особый интерес, так как речь идет о Маскаренских островах.

Остров Маврикий, как его теперь называют, был сначала оккупирован голландцами в XVII в., но уже в начале XVIII в. они оставили его. В это время французы обосновались на острове Реюньон (название того времени — Бурбон) и, сменив голландцев на Маврикии, начали без промедления расширять на обоих островах плантации сахарного тростника. В соответствии с уровнем производства той эпохи эти плантации, как и в Южной Америке, требовали многочисленной рабочей силы — рабов. Сначала французы пытались заполучить невольников на Мадагаскаре и в Индии, но в первые десятилетия XVIII в. главным регионом их приобретения стало восточное побережье Африки. Отсюда ежегодно привозили по полторы тысячи рабов, в основном из Мозамбика. Однако тут сразу возникла одна трудность: в соответствии со сложившейся системой международной работорговли, восходящей корнями еще к „исключительному” праву Португалии, работорговля в Мозамбике происходила при обязательном посредничестве португальцев.

Безусловно, португальских чиновников было нетрудно подкупить, но сделки от этого становились менее выгодными. Вероятно, поэтому невольничьи

корабли все чаще устремлялись севернее, к той части побережья, где господствовали арабы. Наиболее посещаемыми городами были Занзибар и Килва, так как оба они являлись исходными пунктами торговли, которые вели к народам внутренней части материка: к ниямвези (район Табора) — по одной дороге и к яо (восточный берег озера Ньяса) — по другой.

Именно эти народы проявили инициативу в развитии торговых отношений с побережьем. Поскольку у них к этому времени уже существовали контакты с населением более глубинных районов, они и наладили доставку слоновой кости, меди и рабов в обмен на ружья и ткани. Рабов затем вывозили в Аравию, страны Персидского залива и Индию. Французы вмешались в эту работорговлю, предложив еще один рынок для сбыта невольников⁶².

В период наполеоновских войн англичане, запретившие к тому времени работорговлю, оккупировали Маскаренские острова. В 1815 г. они сохранили за собой Маврикий, где постепенно приток рабочей силы из Африки заменили привозом индийских кули, работавших по контракту. На острове же Бурбон, возвращенном Франции, из-за отсутствия других возможностей восстановилась старая практика доставки рабов, несмотря на формальное запрещение работорговли. Это продолжалось до 1831 г., когда благодаря новому, более суровому закону началась действительно активная борьба с работорговлей.

Хотя один поток в экспорте рабов из Африки прекратился, в целом в XIX в. работорговля оставалась еще широко распространенной в связи с рядом новых политических и экономических условий. Помощь Омана арабским городам на побережье к северу от Ровумы в их борьбе с португальцами оказывалась отнюдь не бескорыстно. Просто Оман стремился сам занять место прежних завоевателей. Этого удалось достичь не без труда, но Оман все же добился своего, когда в 1806 г. на трон взошел Сейид Саид.

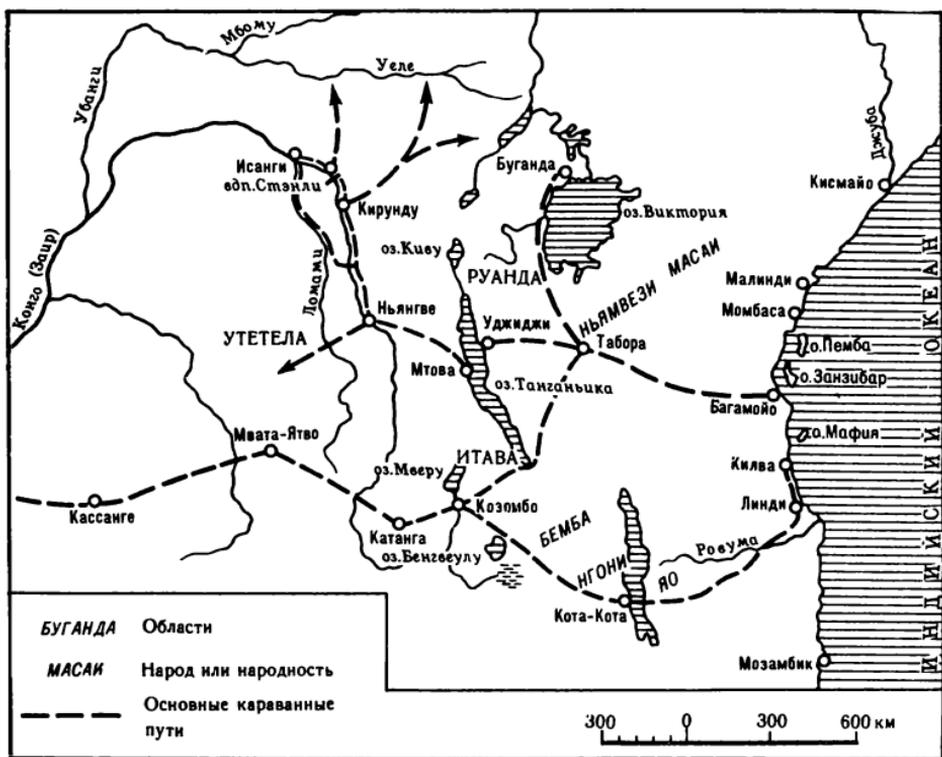
Привлеченный коммерческими перспективами африканского побережья, Саид решил взять здесь бразды правления в свои руки. Для этого, покинув жаркую столицу в Маскате, он перебрался на Занзибар. По инициативе султана большое развитие получила экспортная культура масличной гвоздики, быстро ставшая главным богатством островов Занзибар и

Пемба, удерживавших мировую монополию в сбыте этой пряности. Сюда иммигрировало все больше арабов, устраивавших гвоздичные плантации, а также индийцев, которых привлекала свобода деятельности. Последние образовали целую общину, занимающуюся финансовыми операциями. Даже великие державы проявили интерес к Занзибару, заключая с ним торговые соглашения и открывая консульства: США — в 1833 г., Великобритания — в 1840, Франция — в 1844, а Ганза — союз северонемецких городов — в 1859 г.

Развитие торговли на берегу океана сочеталось с широким проникновением в глубь континента. „Арабские“ работорговцы (в действительности речь шла не только о „чистокровных“ арабах, но это определение относилось и к метисам, и даже к суахили — исламизированному населению побережья) появлялись на всех путях, которые вели к ниямвези и яо. Проникая еще дальше в глубь материка, работорговцы все больше расширяли масштабы своей деятельности, остановленной только колониальными захватами европейцев в центральной части Африки. Но до тех пор работорговля в этих областях настолько распространилась и коснулась судеб такого числа людей, что стала историческим явлением в этом регионе в XIX в.

Возникли два главных пути вывоза рабов: через Ньясу и через Танганьiku.

Первый путь шел от Килвы, поворачивал на юго-запад и пересекал озеро Ньяса в его центральной части, затем проходил через Казембе (большой торговый центр к югу от озера Мверо) к району стыка границ современных Заира и Замбии, где впервые работорговцы объявились в 1831 г. Весь путь проходил по территории, населенной различными народами, активно взаимодействовавшими в течение всего столетия. Сначала путь пересекал на восточном берегу озера Ньяса земли яо, имевших давно сложившиеся по их инициативе связи с побережьем. Это способствовало укреплению их сил, так как среди прочего позволяло им обзавестись огнестрельным оружием, что обеспечивало превосходство яо над теми соседями, у которых такого оружия не было. По еще недостаточно ясным причинам к 1850 г. яо распались на несколько групп, расселившихся к северу от Ровумы и к югу от озера Ньяса. В этих районах яо активно занялись набегами за рабами, чему оказался свидетелем Д.Ливингстон, посетивший эти места в 1860 г.

Центрально-Восточная Африка

К западу от Ньясы жили нгони; спасаясь от тирании зулусов, они мигрировали сюда из Южной Африки в начале XIX в. Для обеспечения своей безопасности во время долгого переселения нгони своеобразно укрепляли свою военную мощь. У населения, покоренного в ходе миграции, они забирали женщин, чтобы они рожали от нгони, а также детей, которых воспитывали в своих воинских традициях. Таким образом, нгони в ходе военных действий все время увеличивали численность своего племенного объединения. Оно расселялось вблизи области Великих озер. После смерти в 1845 г. вождя этого объединения племен оно распалось на несколько групп. Одна из самых больших осела на берегу озера Ньяса и, продолжая прочно укрепившиеся у нгони традиции, начала совершать все более частые набеги на соседей для захвата рабов. Этому благоприятствовала возможность продажи части невольников появившимся здесь бродячим работорговцам.

Между занятой нгони территорией и Казембе жили бемба, у которых еще только начинала складываться политическая организация. Но в 1840 г. один из вождей

бемба сумел обеспечить себе верховную власть и добился более тесного объединения отдельных племен. Он присвоил себе монопольное право торговать слоновой костью и благодаря этому сконцентрировал в своих руках основной источник богатства, позволивший ему покупать ружья и использовать их для более крупных набегов. Сумев организовать и вооружиться, бемба успешно развивала свою склонность к военным предприятиям и долгое время наводила ужас на население между озерами Танганьика и Ньяса.

Таким образом, путь Килва—Казембе проходил по территории, которая во второй половине XIX в. испытывала серьезные военные потрясения. Отсутствие безопасности могло бы положить конец всякой торговле, если бы она ограничивалась лишь традиционными ресурсами области: слоновой костью, малахитом, медью. Но возник новый товар — рабы. Торговля ими получила широкий размах именно потому, что кругом господствовало насилие. Возник порочный круг: арабских работорговцев привлекало сюда повышенное предложение „живого товара”, а в то же время уверенность на местах в возможности легкого сбыта рабов, в свою очередь, вела ко все новым набегам для захвата невольников. Рабы стали самым распространенным товаром для обмена на любые предметы, привозимые торговцами с побережья.

В разных местах сделки совершались по-разному. У яо, издавна связанных с арабами, принявших ислам и усвоивших многое из арабских нравов, работорговцы чувствовали себя вольготно. Их дружелюбно принимали в деревнях, где они останавливались на время, необходимое для заключения сделок. Именно в это время яо устраивали набеги за невольниками, захватывая как раз такое число пленников, которое было нужно, чтобы расплатиться ими за нужные товары.

К западу от озера Ньяса работорговцы уже не могли рассчитывать на подобный прием. Поскольку здесь они оказывались далеко от своих баз, им приходилось заниматься крупным товарообменом, иначе их продолжительные поездки стали бы совсем нерентабельными. Работорговцы поэтому обосновывались здесь на два-три года на свободных землях, обработка которых обеспечивала их продовольствием, и стреми-

лись наладить контакты с окружающим населением, объезжая окрестности.

Таким образом, в отличие от той ситуации, которую мы рассмотрим ниже, здесь не возникало постоянных арабских поселений, являвшихся одновременно местом постоянного проживания торговцев, складирования товаров, отдыха караванов, т. е. зародышей городов. Единственным исключением стал город Кота-Кота на западном берегу Ньясы, в месте главной переправы через озеро. Обосновавшиеся в этом месте арабы привлекли к себе местное население, рассеянное до этого их же набегами, пообещав защиту в обмен на подчинение. Так возникло маленькое государство, просуществовавшее вплоть до прихода колонизаторов. Кота-Кота для одних африканцев стал гаванью спасения, но в то же время это не мешало ему превратиться в этап на пути невольничьих караванов, доставлявших рабов на побережье.

В XIX в. вокруг Ньясы развилась крупная торговля рабами, предназначавшимися в основном на экспорт, осуществлявшийся главным образом через порт Килву, на работорговой деятельности в котором мы остановимся дальше. Еще один поток невольников шел в Мозамбик. Хотя правительство в Лиссабоне в 1836 г. официально запретило работорговлю, в Африке эта деятельность не встречала других препятствий, кроме чиновников, но и они либо не имели реальной власти, либо сами участвовали в торговле рабами. Что же касается владельцев „празос“, фактически независимых в своих действиях, то они всегда активно занимались работорговлей совместно с арабами. Так возник большой невольничий рынок вблизи Килимана, а из портов на побережье вывозилось немало рабов.

Вторая зона проникновения в глубь континента начиналась от Багамойо на побережье напротив Занзибара. В 800 км от берега располагалась область ниямвези, где первые арабские работорговцы появились около 1830 г. Они закрепились там, создав базу, получившую впоследствии название Табора. По мере развития этого города, ставшего перекрестком трех невольничьих дорог, в нем неуклонно росло число работорговцев.

Одна из дорог вела из Таборы на север, в Буганду — централизованное как в политическом, так и в торговом отношении королевство. Кабаке (королю)

принадлежала монополия на все торговые дела в Буганде, а работорговцы должны были по приезде останавливаться в его дворце и вести переговоры только с ним. Торговцы привозили, помимо ружей, ткани и предметы роскоши, обменивая все это на слоновую кость и рабов. Поскольку специальных помещений для содержания приобретенных торговцами невольников не было, экспедиции за рабами устраивались лишь с появлением здесь торговцев. Набеги на западных или восточных соседей Буганды почти всегда заканчивались успешно благодаря ее большой армии и превосходству в вооружении.

Арабы не принимали прямого участия в набегах, хотя часть их людей сопровождала отряды кабаки. Сами же работорговцы ожидали возвращения участников набегов в столицу Буганды, где и становились владельцами части добычи. В общем, здесь складывалась ситуация, похожая на ту, что происходила у яо: присутствие работорговцев побуждало к захвату рабов, но сами торговцы этим не занимались. В других же районах картина была иной.

Дорога от Таборы на запад вела к Уджиджи, где в 1840 г. на восточном берегу Танганьики (вблизи современной Кигомы) впервые появились суахили*. Постепенно здесь возник центр, ставший впоследствии главным опорным пунктом арабской торговли в этой области Африки. Но чтобы это произошло, требовалось проложить дорогу в „великие леса Конго” на противоположном берегу озера, а до тех пор Уджиджи не отличалось активностью.

Третья дорога, также начинавшаяся в Таборе, быстро приобрела большое значение. Она вела на юго-запад и огибала южную оконечность озера Танганьика. Занзибарские купцы нацелились сначала на крупный рынок Казембе, но встретили там множество конкурентов, обосновавшихся здесь ранее. Тогда, не отказываясь совсем от интересов в Казембе, занзибарцы решили направить основные силы на менее освоенные территории — саванны к юго-востоку от нынешнего

* Суахили — потомки коренного населения береговых районов Восточной Африки (южнее Сомали и до Мозамбика), смешавшегося с расселившимися здесь арабами, индийцами, а также с выходцами из глубинных областей Африки.

Заира, где не было затруднения для передвижения, а конкуренция еще не возникла.

Среди „первооткрывателей” этих районов наиболее знаменитым стал Ахмед-бен-Мухаммед, прозванный Типпо-Тип*. Он родился в Занзибаре около 1840 г.; его отец достиг видного положения в Таборе и рано познакомил сына с коммерческим делом. Типпо-Тип стал возглавлять большие караваны, подолгу находившиеся в глубине материка, отправляя по мере совершения сделок все приобретенное на побережье. Благодаря преимуществам, которые Типпо-Типу давало применение огнестрельного оружия, он от торговых операций быстро перешел к открытому разбою. После одного столкновения в Итаве, к юго-востоку от Танганьики, Типпо-Тип захватил огромную добычу и установил свою власть в округе. Соседнее население стремилось поддерживать отношения с новым сильным властелином Итавы, на что он шел при условии выплаты ему дани. Затем в Утетеле, на реке Ломани, к северо-западу от Итавы, он сумел решить в свою пользу спор о наследовании власти, удачно „обнаружив” свое родство с умершим вождем и провозгласив себя его преемником. Так сложилась ситуация, давшая Типпо-Типу политическую власть. Пока еще она распространялась на ограниченную территорию, но к северу от нее лежали леса Конго.

Проникновение в них началось только около 1860 г. Оно сдерживалось из-за того, что исключительная духота и очень густой подлесок сильно затрудняли передвижение в лесной чаще. Однако преодоление трудностей щедро вознаграждалось открывавшимися возможностями самого разного плана. Прежде всего те, кто пересекал область Маниема, расположенную к западу от озера Танганьика напротив Уджиджи, выходили к замечательному естественному пути — реке Конго.

Арабы создали по ее берегам цепочку своих поселений от Ньянгве, вблизи современного Касонго, до Исанги, т. е. уже за водопадом Стэнли. Это были постоянные центры с более или менее крупным насе-

* Типпо-Тип (Типпу-Тиб) — суахильское прозвище („собира-
тель сокровищ”) крупного работоторговца, ставшего правите-
лем арабо-суахильского государственного образования в
бассейне р. Луалабы.

лением, включавшим семьи работорговцев, их приказчиков и прислугу. Здесь же располагались служебные помещения, необходимые для торговли. Отсюда и отправлялись экспедиции в соседние районы, где создавались небольшие временные базы на период операций по захвату невольников.

Проведению этих операций сильно способствовало отсутствие здесь каких-либо централизованных государственных образований. Местная власть обычно не распространялась больше, чем на одну деревню. Вооруженным отрядам не составляло никакого труда навязать свое господство или же, принимая чью-нибудь сторону в конфликтах, требовать за такую „помощь” слоновой кости и рабов, которых тут же отсылали хозяевам отрядов. Нередко после первого вторжения на новых местах оставляли посты — небольшие вооруженные группы, всего несколько человек, для обеспечения в деревнях подчинения. Эти люди, пользуясь громадным престижем той силы, которую они представляли, быстро добивались полноты власти, извлекая из этого всю возможную выгоду.

Таким образом, крупные работорговцы становились, по существу, феодалами, не зависящими в своих владениях ни от кого. В отличие от других африканских областей здесь им не приходилось считаться со способными защитить себя местными властями, так как они были полностью подавлены. Подобная обстановка привлекала многих иммигрантов, начиная от таких видных фигур, как Типпо-Тип, обосновавшийся у водопада Стэнли и присовокупивший еще один район к своим владениям, и кончая совсем мелкими торговцами, занявшимися простым грабежом. Вокруг своих поселений новые хозяева обеспечивали зону спокойствия, но остальная округа обычно превращалась в район сплошного разбоя.

В конце концов и в этом регионе сложились социально-экономические структуры, довольно схожие с их аналогами в Восточном Судане. Очень большую роль в них играли рабы, выполнявшие сельскохозяйственные работы для обеспечения продовольствием многочисленного пришлого населения. Они использовались также как носильщики для переноса всего собранного хозяевами в набегах, пополняли вооруженные отряды, наконец, они были и обычным эквивалентом в меновой торговле.

В приобретении невольников были заинтересованы не только крупные работорговцы, но, по всей вероятности, еще больше их персонал, получавший, например, лишь малую толику им же заготовленной слоновой кости, и поэтому только приобретение собственных рабов обеспечивало таким людям достаток. Как и в Восточном Судане, в рассматриваемом регионе постепенно сложился обширный невольничий рынок, оценить который количественно затруднительно. Отсюда вывозили только тех рабов, в которых не было нужды на месте, но самого побережья достигали немногие из них.

На пути к нему находились такие крупные арабские работорговые центры, как, например, Табора и Уджиджи. Значение второго особенно резко возросло с момента проникновения работорговли в леса Конго. В таких центрах всегда была нужда в рабах, так как из-за высокой их смертности постоянно требовалось обновление контингента невольников.

Так арабские работорговцы проникли от восточного побережья Африки далеко в глубь континента, создав там в сотрудничестве с африканцами или без них более или менее разветвленную сеть караванных путей и своих поселений. Первоначально они имели чисто коммерческую цель и интересовались в основном слоновой костью и рабами. На то и другое, хотя и в разных местах, но всегда был большой спрос. Одна лишь слоновая кость уже никак не могла обеспечить рентабельность торговых экспедиций, длившихся годами и требовавших участия сотен людей. Их приходилось оплачивать, содержать, и в связи с этим расширялась работорговля, вместе с ней возникли дороги, по которым постоянно гнали караваны невольников, описанные многими встречавшими их путешественниками.

Для того чтобы удержать от побега слабых невольников — женщин и детей, — достаточно было простой веревки. Мужчин же объединяли в группы по 10—20 человек, каждому надевали на шею железный обруч, соединенный цепью с кандалами на ногах. Обруч одного невольника приклепывали к обручу другого, и эти железные ошейники не снимались в течение всего пути каравана. На этапе малейшее дело, например подъем воды из колодца или поднос дров, что могли бы сделать один-два человека, требовало перемещения всей скованной группы. По мере продвижения каравана-

на число невольников уменьшалось за счет умерших и проданных, а оставшимся приходилось нести всю тяжесть общих кандалов. Если не хватало цепей, устраивали шейные колодки, сделанные из двух соединенных рогатин. Перехватив концы рогатки железной проволокой или лианами и окружив тем самым шею сразу двух невольников, их вынуждали все время держать голову приподнятой, чтобы не поранить ее о крепкую рогатину. Помимо этого, невольникам часто связывали руки, а для особо непокорных придумали еще более жестокую систему оков: кусок дерева закреплялся поперек рта вроде намордника, руки связывались за спиной веревкой, а конец ее стражник прикреплял к своему поясу. На остановках таких рабов привязывали за ноги к столбу, в который упирался и конец не снимаемой с шеи рогатины.

Если к подобным условиям содержания невольников добавить их крайнее утомление от переходов, а обычно и нехватку питания, то легко понять, как часто в караванах распространялись эпидемии, в частности оспы. Потери человеческих жизней были очень велики.

Сколько же рабов добралось этим путем до подчиненной Занзибару части восточного побережья Африки? Их число можно попытаться определить по таможенным документам, поступавшим в столицу султана для учета сбора пошлины, составлявшей от одного до двух долларов за невольника. Плохое состояние этого учета не позволяет определить точную цифру, и приходится оперировать данными, позволяющими представить себе хотя бы порядок величин. Эти данные следующие:

около 1810 г. — от 6000 до 10 000;
около 1850 г. — от 15 000 до 20 000;
около 1870 г. — от 22 000 до 23 000.

Кроме того, надо учесть, что эти сведения не включают контрабандную работорговлю, стремившуюся всячески ускользнуть от налогообложения. Если не игнорировать эту контрабанду, то для 1870 г. общее число рабов, доставленных в Занзибар, можно оценивать примерно в 35 000. Таким образом, в XIX в. произошел значительный рост работорговли, а следо-

вательно, возросла и площадь, охваченная охотой на людей.

Большая часть невольников поступала в Килву. Путь в глубь континента от этого города, как мы видели, был слабо освоен арабами, что вело к ограниченной потребности в рабах на месте и позволяло почти всех невольников отправлять на экспорт. На пути же, шедшем через Танганьiku до центра лесов Конго, наоборот, возникла крупная сеть арабских поселений, поглощавшая большинство захваченных в неволю. Работорговля здесь была преимущественно внутренней, и лишь „избыток” рабов в несколько тысяч человек отправляли на экспорт.

С побережья, главным образом из Килвы, невольников переправляли на Занзибар на небольших парусниках — „дау”. Скученность на судах была невероятной; рабов укладывали „валетом” на своего рода многоярусные нары с предельно минимальным просветом между „этажами”. Переправа занимала один-два дня в зависимости от ветра. Но если непредвиденно наступал штиль, то тут для несчастных рабов ситуация становилась критической: они умирали от удушья, начиная с лежащих на нижних рядах.

По прибытии на Занзибар таможенному чиновнику предъявляли только самых здоровых невольников. В отношении других, слишком слабых и непригодных для продажи, подобная формальность вызвала бы лишь бесцельные расходы. Таких рабов просто бросали на берегу.

На Занзибаре находился большой невольничий рынок, много раз описанный европейскими путешественниками. Часть продававшихся здесь рабов оседала на Занзибаре и Пембе как домашняя прислуга, а еще больше — для работы на гвоздичных плантациях. Другая часть, количественно менявшаяся в разные периоды, обеспечивала занзибарский реэкспорт рабов. Основными его направлениями были Момбаса и другие арабские города, вытянувшиеся на побережье цепочкой вплоть до Сомали на севере. Не проданных в этих городах невольников везли в Оман.

Но Оман с его столицей Маскат тоже был центром дальнейшего перераспределения невольников, что составляло экономическую основу этого государства, не имевшего, по существу, других ресурсов. По данным одного англичанина, около 1870 г. сюда ежегодно

привозили до 13 000 человек, частично из Эфиопии, но в основном с Занзибара. Поток реэкспорта из Омана распадался на восточную ветвь — в Белуджистан и Индию, и более многочисленную северную — в Персидский залив, где их раскупали во всех странах по его берегам (в арабских эмиратах, Персии, Месопотамии). Особенно много рабов шло в последнюю, так как она входила в состав Османской империи и открывала дорогу в Турцию, традиционно получавшую основную часть рабов из северных областей Африки.

По мере расширения территорий, попадавших под контроль европейцев, поступление рабов через Северную Африку прекратилось, и приток невольников в Турцию обеспечивался поступлением рабов от ее азиатских соседей, которые оставались не проданными за время их транзита. Сколь же длинен был путь невольников, пока они достигали его конечной точки! На этом пути они много раз переходили из рук в руки, задерживаясь на более или менее долгое время на каждом этапе. Иногда это растягивалось на многие годы⁶³.

Англия, самая мощная держава в Индийском океане, в рамках своей антирабовладельческой политики вынудила султана Омана, который был также хозяином на восточном побережье Африки к северу от Ровумы, подписать соглашения, направленные сначала на ограничение, а затем и на запрещение работорговли. В 1822 г. Сейиду Саиду пришлось запретить вывоз рабов за пределы своих владений, а в 1845 г. — их вывоз из его африканских владений в азиатские. После его смерти в 1856 г. Занзибар и Маскат разъединились, образовав два разных государства. В 1873 г. занзибарский султан должен был подписать еще более суровый договор, вообще запрещающий вывоз невольников с материка. Тем самым перекрывалась даже доставка рабочей силы на прибрежные острова султаната с их плантационным хозяйством.

По этим договорам Англия получала право инспектировать арабские суда с целью прекращения тайной работорговли. Но возможности Англии были недостаточны в сравнении с масштабом контрабандной работорговли и всей сети ее сообщников. По имеющимся довольно точным данным, английский флот захватывал и освобождал в море лишь 50% незаконно перевозившихся рабов. Борьба с этим злом могла

вестись только в открытом море. Однако после заключения соглашения 1873 г. многие плантаторы с островов Занзибар и Пемба, испытывая нехватку в рабочей силе, перенесли свое хозяйство на материк. Там они могли, как и прежде, приобретать рабов без всякого риска⁶⁴. В конечном счете английские морские операции оказались недостаточно эффективными.

Основная часть рабов вывозилась с Занзибара на север, но существовало и юго-восточное направление экспорта невольников. Речь идет о вывозе рабов на Мадагаскар и даже Реюньон, где одно время колонисты восстановили рабовладение, закамуфлировав его под работу по вольному найму. Для этого перекупали раба, официально объявленного свободным, а затем заставляли его, совершенно не понимавшего производимых с ним операций, подписать обязательство работать длительный срок на плантациях французской колонии⁶⁵.

Во всем регионе Коморский архипелаг и арабские поселения по северо-западному побережью Мадагаскара играли роль центров перераспределения поступавших сюда с материка невольников. Султаны островов Антуан и особенно Гранд-Комор основные доходы получали именно от этого. Что же касается Мадагаскара, то там особая роль принадлежала Майнтирано, где проживали сотни работорговцев и через который в 1870-х годах ежегодно проходило две тысячи невольников.

Эти рабы в южных широтах происходили из Мозамбика, бывшего португальским владением. Хотя правительство в Лиссабоне запретило работорговлю в 1836 г., но мы уже отмечали, сколь малоэффективным оказался его запрет. Англия тоже действовала в этих краях, навязав в 1842 г. соглашение о взаимном досмотре судов, что на практике сводилось лишь к проверке португальских кораблей англичанами. Борьба с работорговлей приносила здесь плоды крайне медленно, так как короткий путь от континента до Коморских островов и от них до Мадагаскара слабо контролировался. Поэтому к 1870 г., т. е. уже после прекращения работорговли, через Атлантику, из Мозамбика ежегодно вывозилось пять-шесть тысяч рабов и даже в 1880-х годах — около трех тысяч⁶⁶.

В целом для XIX в. общее число рабов, вывезенных из Центральной и Восточной Африки, можно оценить в полтора миллиона человек⁶⁷, и при этом не принимается во внимание внутренняя работорговля, особенно значительная в лесах Конго и в области Великих озер. Для ее оценки количественных данных нет, но известно, что она непрерывно нарастала и захватывала все большую территорию в течение почти всего столетия. Такая внутренняя работорговля прекратилась только в 1890-х годах, после установления повсеместно колониальной администрации.

Южная Африка

Когда 21 апреля 1652 г. Ян ван Рибек привел флотилию из трех кораблей голландской Ост-Индской компании в Столовую бухту, у него имелись четкие предписания, как действовать. Речь шла не о создании переселенческой или экономической колонии, а требовалось лишь обеспечить стоянку для кораблей, шедших в Индию и к островам Юго-Восточной Азии, богатых пряностями, где уже действовала сеть факторий. Новых иммигрантов обязывали построить небольшой порт, обеспечить запасы пресной воды и свежих продуктов, получая от местного населения скот для снабжения мясом кораблей, следовавших в Индийский океан.

Для того чтобы все это выполнить, требовалась хотя бы ограниченная рабочая сила для строительных работ, возделывания земли и выпаса скота. Но местное население (койкоин, их обычно называют готтенто-тами, хотя это, скорее, презрительная кличка) не могло обеспечить эти нужды. Его можно было использовать как слуг, но земледелие вызывало у них отвращение, так как противоречило их традиционному образу жизни. Возможно, выпас скота и подошел бы к нравам койкоин, но им было опасно доверять стада, поскольку возможность кражи скота явилась бы слишком большим искушением⁶⁸. Руководители Ост-Индской компании выступали против создания здесь большой европейской иммигрантской колонии, считая это дорогостоящим и бесполезным делом, что приводило к необходимости искать какой-то иной выход с рабочей силой.

Поисками ее сразу же занялись на ближайшей территории, которая могла бы удовлетворить потребность в рабочих руках, т. е. на Мадагаскаре. Сначала это не было успешным, но в 1658 г. неожиданно прибыли 174 англичанина, которых захватили в плен на португальском судне, шедшем в Бразилию, и 228 рабов, купленных в Попо в Гвинейском заливе. Этой рабочей силы оказалось более чем достаточно, и часть ее даже отправили в Батавию, других же распределили между колонистами. Однако ожидаемых результатов не достигли, потому что часть рабов разбежалась, а другая из-за неповиновения была возвращена компании и посажена на цепь в форте Кап. Тем не менее через год, когда разразилась первая война с койкои из-за земельных споров, рабов пришлось освободить из форта, вооружить и послать защищать осажденную крепость⁶⁹. В дальнейшем невольников с западного побережья Африки не поступало, так как это входило бы в противоречие с голландским законом, а монополия на торговлю в этот период в указанном регионе принадлежала Вест-Индской компании; Ост-Индская же компания имела право хозяйничать только в Индийском океане.

Именно в его бассейне и было решено действовать, т. е. вновь вернуться к Мадагаскару, куда стали часто посылать за невольниками небольшие суда. Сначала такие экспедиции устраивались не частными лицами, а представителями компании, имевшими на этот счет четкие инструкции. Они предписывали агентам компании договариваться с местными вождями или с арабскими купцами, расселившимися, как мы знаем, по западному побережью „Большого острова” и занимавшимися перепродажей рабов, доставляемых с материка. Предписывалось также представлять рекомендательные письма („переведенные на латинский язык”) и делать все возможное, чтобы добиваться умеренных цен. Если последнего достичь не удавалось, предлагалось добиваться поддержки влиятельных лиц — „дать на лапу” (так!). Приобретать следовало только крепких мужчин в возрасте 16—24 лет, не покупать женщин, обязательно обеспечивать невольникам хорошее содержание при перевозе, с тем чтобы избежать потерь. По этому вопросу нормативные предписания были особенно подробны.

Большое число привезенных в Кап рабов действительно происходило с Мадагаскара. Понятно, что с латинским языком на торговых переговорах делать было нечего. Обычно покупатели рабов брали с собой местного уроженца, давно находившегося в неволе и выступавшего в качестве переводчика. Если по прибытии покупателя невольников для продажи наготове не имелось, то тут же устраивалась охота за ними. В это время начинались переговоры, часто очень напряженные, в полном противоречии с приведенными выше инструкциями компании. Иногда, чтобы купить у неуступчивого вождя мужчин, приходилось приобретать еще женщин и маленьких детей, от которых вождь стремился избавиться. Впрочем, запрет на покупку женщин вообще просуществовал недолго, так как быстро стали понятными преимущества естественного производства рабов на месте.

Мадагаскар, однако, не стал единственным источником рабочей силы для компании. Постепенно она отказалась от своей монополии на приобретение невольников, разрешив покупку их и частным лицам, устремившимся с этой целью вдоль восточного берега Африки вплоть до Занзибара. В бухте Делагоа даже устроили факторию (современный Мапуту), заброшенную через десяток лет потому, что привозимые оттуда рабы не подходили для требовавшихся работ.

Обычно рабов либо покупали, либо захватывали на английских, французских или португальских невольничьих кораблях. О рабах, происходивших из очень далеких краев — голландских владений в Юго-Восточной Азии, из Индии, с Цейлона и т. д., — сначала сложилось самое лучшее впечатление. Они были очень послушны, и их продолжали привозить до тех пор, пока не заметили у них одну неприятную особенность. В припадке гнева или просто возбуждения послушание этих рабов мгновенно переходило в настоящее бешенство, приводившее порой невольников к преступлению. Впрочем, надо учесть, что часть этих рабов была из числа осужденных уголовников, от которых колониальные власти в Азии избавлялись путем отправки их в Южную Африку. Привоз таких невольников сюда прекратили. Следует отметить, однако, что из Индонезии не только привозились рабы, но и приезжали свободные переселенцы, получавшие здесь права колонистов⁷⁰.

В конце концов в этой части Южной Африки сформировалось особое население, находившееся в рабском состоянии. Его численность была относительно невелика, но оно стало весьма заметным среди оставшегося долгое время малочисленным белого населения. В 1711 г. здесь насчитывалось 1870 европейцев и 1771 невольник. Значительная часть последних умерла через два года в результате эпидемии оспы. Тогда пришлось снова заняться доставкой рабов, и их число быстро возросло настолько, что стало заметно превосходить число белых.

В 1797 г. на 21 746 европейцев приходилось 25 754 невольника⁷¹. Такого числа рабов, однако, уже не хватало, потому что в течение XVIII в. получила довольно широкое распространение культура винограда, обеспечивавшая колонии основной продукт экспорта, но в то же время требовавшая увеличения рабочей силы. Для преодоления ее нехватки была изобретена особая система, названная „обучением“: каждый ребенок, родившийся у женщины койкоин от раба, передавался на службу к колонисту, на чьей земле ребенок появился на свет. На этой службе он находился до двадцати пяти лет, после чего такой невольник получал свободу⁷².

В это время англичане, воспользовавшись вынужденным союзом Голландии с революционной, а затем наполеоновской Францией, захватили Капскую колонию, заставив на Венском конгрессе в 1815 г. признать свою власть над ней. Потеря независимости все более остро ощущалась бурами. В целом они плохо принимали новую власть, чужой язык, а в определенной степени и английское право. Что же касается отношений с местным населением и своими слугами, то буры стремились сохранить сложившийся порядок без всяких изменений.

Буры считали опасной уступкой отмену в 1828 г. обязательных пропусков, свидетельствовавших, что „цветные“ вне места своего постоянного проживания „путешествуют“ с ведома хозяев. Запрещение рабства в колониальных владениях, объявленное Англией в 1833 г., представилось бурам еще более серьезным покушением на их права и откровенным грабежом. Через два года после этого начался „Великий трек“, который за десяток лет увлек примерно 15 000 буров-переселенцев.

Они стремились избежать английского господства и хотели начать вдали от англичан независимую жизнь. Этого им удалось достичь не без труда. Их первая попытка осесть в Натале быстро провалилась в связи с аннексией территории Великобританией в 1843 г. Тогда буры устремились далеко в глубь материка, но капское правительство попыталось вновь установить контроль над ними. Несмотря на возникавшие трудности, англичане в конце концов признали самоуправление буров, подписав соглашения, положившие основу создания в 1852 и 1854 гг. новых республик — Трансвааля и Оранжевой. Но бурам, получившим удовлетворение по широкому кругу требований, пришлось все-таки сделать одну уступку — запретить рабство. Однако потребность в рабочей силе у буров не исчезла. Поэтому они вновь и в значительно большем объеме восстановили испытанную систему „обучения”, название которой к тому же не шокировало англичан. Последние сами воспользовались им для обозначения промежуточного этапа между запрещением рабства в колониях и реальным освобождением невольников.

На этот раз система „обучения” применялась бурами по отношению к детям, захваченным во время военных действий или добровольно отданным родителями европейским колонистам. Хотя в этом случае нельзя говорить о полной аналогии с рабством в прямом значении слова, так как „обучаемого” нельзя было продать, а его „служба” оканчивалась при достижении 25 лет, но все же нечто общее с обычным рабством и присущим ему насильем имелось. В соседние области специально направлялись вооруженные отряды для захвата пригодных для работы подростков. В других случаях землевладелец посулами или угрозами оказывал давление на семьи местных жителей, добиваясь их согласия отдать своих детей на „обучение”⁷³.

Такая практика с большей или меньшей интенсивностью продолжалась до конца XIX в., когда буры лишились своей независимости.

Эфиопия

Закончим нашу книгу рассмотрением региона, где дольше всего в Африке продолжалась крупная работорговля, — Эфиопии.

Вплоть до конца XIX в. названием Эфиопия, до сих пор отождествляемым с Абиссинией, обозначали разную территорию. Что же касается Абиссинии, то этим названием чаще обозначают лишь центральную и северную части современной Эфиопии. Эта христианская империя сумела на протяжении многих веков оказывать сопротивление нападениям мусульман, хотя не всегда могла столь же успешно противиться междоусобицам. Пока внешняя угроза не заставляла их объединяться, крупные феодалы были вовлечены в жестокое соперничество. Навязанные извне и возникшие внутри страны войны одинаково вели к захвату невольников, которых всегда без труда продавали. Еще в первой главе отмечалось, что среди рабов особенно высоко ценились эфиопы („абиссинцы“): мужчины как слуги или воины, женщины — в гаремах. Такое мнение сохранилось и в поздние времена, рассматриваемые в этой главе.

Однако главные источники для захвата рабов находились не внутри страны, а на ее южных и северных окраинах, где жили галла, гураге и шангала. Галла жили на юге провинции Шоа и привлекали охотников за рабами по двум причинам. Во-первых, непрерывные стычки галла между собой облегчали постоянный приток невольников, во-вторых, женщины-галла пользовались такой же высокой репутацией, как и другие эфиопки в домашних хозяйствах, что гарантировало спрос на них.

Их западные соседи — гурага — не отличались подобными достоинствами, но они жили так рассредоточенно, что захват их в плен оказывался легким делом, им могли заниматься даже многочисленные мелкие работорговцы⁷⁴. Что же касается шангала, живших еще западнее, ближе к Судану, то и на них имелся спрос в силу их известного трудолюбия и крепкого здоровья. Шангала составляли более трети всех невольников в самой Эфиопии⁷⁵.

В течение XIX в. рейды за невольниками часто совершались во все эти области, откуда приводили огромные караваны рабов. Часть невольников покупалась в самой Эфиопии, но большинство уходило для продажи на вывоз в двух главных направлениях: на север и на северо-восток.

Путь на север начинался от Фадасси и шел вдоль Голубого Нила в Судан. Другой путь вел к Гондару,

ставшему вместе с деревнями в его окрестностях подлинным центром продажи и перепродажи рабов. Отсюда невольников отправляли в Судан через рынки в Галлабате и Гедарфе или в Массауа.

Число рабов, поступавших таким путем в Судан, оценивается одним современным историком в 13—17 тысяч человек в год⁷⁶, что учтено в расчетах по работорговле в этом регионе, приведенных ранее. Такую оценку можно считать здесь средним показателем для всего XIX в. Мы полагаем все же, что в последнюю четверть столетия эта цифра была значительно ниже в связи с сокращением сбыта рабов в Египет, а также из-за перекрытия путей в период махдистского восстания.

Вторая дорога вела из Гондара в Массауа, куда также приходили караваны из Судана. Массауа уже несколько веков входила в состав Османской империи. В городе стоял турецкий гарнизон, а с 1865 г. администрация стала египетской. Сначала такая перемена властей не вызвала никаких изменений в работорговле, тем или иным способом приносившей выгоду губернаторам. Прошло много лет, пока все более строгие приказы из Каира не привели к применению мер, действительно препятствовавших торговле „живым товаром“. Эти меры ужесточились с установлением здесь в 1885 г. власти итальянцев.

Сколько же всего невольников вывозилось через Массауа? Уже упомянутый нами автор считает, что в среднем их число составляло 1750 в год⁷⁷. Но эта оценка не включает всего контрабандного вывоза рабов, получившего большой размах из-за нежелания давать взятки чиновникам или усиления запретов на торговлю рабами. Контрабандой же заниматься было нетрудно, потому что официальная власть в Массауа действовала только в самом городе, а за его пределами располагалось немало защищенных бухт, где рабов тайно грузили на суда, вывозившие их затем в Аравию.

Из областей, лежащих по южным окраинам Эфиопии, на северо-восток направлялся еще один поток рабов. Сеть дорог вела к ряду маленьких портов, следовавших один за другим от Асэба до Зейлы. Несмотря на усиление в Красном море борьбы с работорговлей, именно эту часть его побережья все чаще посещали работорговцы. Ведь отсюда было ближе

всего плыть до Аравийского полуострова, а следовательно, уменьшался риск на море. Сюда приходили, обходя Массауа, даже караваны из Судана. Не исключено, что вывоз рабов через все эти порты мог достигать в среднем до семи-восьми тысяч рабов в год⁷⁸. Их высаживали в Йемене, а затем отправляли по прибрежным дорогам Аравии на север, в Джидду, и дальше, либо на восток — в Оман, где этот поток сливался с потоком невольников из Занзибара.

Следует упомянуть, кроме того, восточный поток невольников в направлении Могадишо, но вывоз рабов с этого участка побережья не получил развития. Правда, несколько южнее экспорт рабов в отдельные периоды возрастал. До середины XIX в. район Кисимайо в устье Джубы еще населяли галла, но сюда с севера уже постепенно переселялись группы сомалийцев. Происходил тот процесс смены населения, который часто имел место в истории Африки. Галла дружелюбно приняли пришельцев с севера и доверили им охрану своих огромных стад. Сомалийцы, привлеченные таким радушием, стали переселяться сюда во все большем числе, пока в 1880-х годах, сочетая силу и обман, не поработили своих хозяев. Победенных галла убивали или обращали в рабство, а тех, кто сумел бежать, постигла та же участь там, где они имели несговорность искать убежища⁷⁹. Именно эти беженцы послужили упомянутым ранее источником пополнения рабов для плантаций.

Чтобы разобраться в работорговле, которая велась в это время из Эфиопии и Сомали по многочисленным направлениям, надо рассмотреть ее в тесной связи с положением в соседних странах. Крупные работорговые потоки протягивались на огромные расстояния, включая систему ответвлений, многие из которых до сих пор неизвестны. В ряде районов невольники перемещались во всех направлениях: одних вывозили, других ввозили, и так было и в Судане, и в Эфиопии, и на Занзибаре.

В работорговых сетях отдельные потоки как бы накладывались друг на друга, но индивидуальные особенности невольников при этом никогда не терялись из вида. Рабов наделяли четко определенными достоинствами и недостатками в зависимости от места их происхождения и от принадлежности к той или

иной народности. Покупатели знали эти оценки и делали выбор в соответствии со своими запросами и финансовыми возможностями⁸⁰. Поэтому одновременно могли существовать нехватка определенных категорий рабов и избыток других невольников, которых тоже надо было куда-то сбывать.

Восточный рог Африки, как и другие регионы материка, являлся очень активным внутренним невольничьим рынком и в то же время источником экспорта многочисленных рабов. Они вывозились в разных направлениях, включая, как мы видели, Восточный Судан и Египет. В последней четверти XIX в. работорговые операции в этом направлении сократились, но возросли в направлении Аравии.

Эта страна, старинный импортер эфиопских рабов, играла все большую роль в нараставших поставках невольников в Турцию. Как отмечалось, Турция была вынуждена по мере сокращения притока невольников из Средиземноморья чаще использовать свои азиатские владения для компенсации этих потерь. Помимо этого, группы рабов из Аравии переправлялись на побережье Персидского залива и в Индию.

В XVIII в. появилось еще одно далекое и неожиданное направление — Россия. Самый знаменитый пример — Ганнибал, „арап Петра Великого”, прадед Пушкина. Родившийся, очевидно, от турецкого янычара из гарнизона в Массауа и эфиопки, он был увезен в Константинополь, а оттуда отправлен в подарок царю. Став его личным слугой, Ганнибал сделал затем блестящую карьеру и получил чин генерал-аншефа. Эта история, первоначально уникальная для России, имела свое продолжение. В середине века императрица Елизавета собиралась привезти эфиопов, чтобы составить из них особый отряд лейб-гвардии и создать такую традицию для своих преемников⁸¹.

Возвращаясь к Эфиопии, отметим, что в ней уже в XIX в. издавались распоряжения о запрете работорговли, но их выполнение наталкивалось на очень древние традиции, и поэтому не дало больших результатов. Так, Теодорос II (1847—1868), восстановивший единство империи после долгого периода анархии, объявил о запрете работорговли и принял меры к выкупу невольников. Он приказал отрезать правую руку и левую ногу тем, кто ослушается приказа, во всяком случае тем, кто продает в рабство христиан. Однако

сам император терпимо относился к набегам за невольниками, когда их жертвы не являлись его единоверцами, а в походах он раздавал солдатам пленных в качестве вознаграждения. Теодорос, конечно, не мог сильно прижать крупных феодалов, получавших огромные пошлины с каждой головы невольников, проданных на их территории или пересекавших ее.

Его преемник Йоханнис IV (1871—1889) подтвердил запрет, но действовал более радикально, устранив всякое религиозное различие в делах работорговли и начав действительно применять закон на практике. Эта решимость вызывалась и интересами его международной политики. Эфиопия оказалась тогда под угрозой окружения Египтом после завоевания им южной части Судана, с одной стороны, захвата портов Массауа, Зейла и Бербера — с другой, а также Харара внутри самой Эфиопии, не говоря уже о попытке высадиться в Кисимайо, в Сомали.

Ощущая свою силу, египтяне дважды нападали на Эфиопию, в 1875 и 1876 гг., с целью оккупировать ее. Правда, они потерпели сильное поражение, но такая угроза сохранялась, и император стремился создать в Европе представление о себе как о прогрессивном человеке, чтобы обеспечить возможность поддержки западных держав в борьбе с противниками Эфиопии. Подобная ситуация, безусловно, складывалась в 1884 г., когда в разгар восстания махдистов вновь возникла угроза границам Эфиопии. Йоханнис подписал тогда договор с Англией, обязавшись бороться по мере своих возможностей с работорговлей. Возможности у него оказались невелики, и по всей стране сохранялась прежняя практика торговли невольниками.

Ситуация начала понемногу меняться только с приходом к власти основателя модернизованной Эфиопии — Менелика, негуса Шоа, занявшего императорский трон после смерти Йоханниса в 1889 г. В подтверждение своего стремления к реформам он в момент коронации объявил о намерении присоединиться в следующем году к заключительному акту Брюссельской конференции, объединившей делегатов семнадцати стран с целью выработки совместных действий по уничтожению работорговли в Африке. Это международное обязательство было значительно более весомым, чем взятое предшественником Менелика по соглашению с одной только Англией. Но и в данном

случае тоже надо учитывать влияние международной обстановки: ведь именно в этот период колонизаторы из Италии, Англии и Франции устанавливали свое господство на восточных берегах Африки.

Особенно угрожали Эфиопии итальянцы, трактуя по-своему Уччальский договор*, подписанный с ними Менеликом всего через несколько месяцев после его вступления на императорский трон. Италия настаивала на своем праве установить над Эфиопией протекторат, а новый император энергично отказывался от такого понимания подписанного им текста. В таких условиях приходилось брать на себя особые обязательства, чтобы ликвидировать явный предлог для вторжения именно тех, кто удовлетворял свои колониальные амбиции, прикрываясь идеей цивилизаторской миссии, поскольку местное население, дескать, не могло само встать на путь прогресса.

Обстоятельства тем не менее складывались совсем не так благополучно, и Менелику требовалось современное оружие, и притом в больших количествах. Оно было нужно, чтобы, с одной стороны, противостоять итальянской экспансии, а с другой — расширять свое господство над соседями. Поскольку в стране такое оружие не производилось, его приходилось импортировать. Но внешние связи Эфиопии зависели от караванных путей к побережью, полностью находившихся под контролем арабских купцов. Их интересы тоже приходилось учитывать, а они как раз в первую очередь сводились к работоторговле.

Менелик, когда он еще был только негусом Шоа, начал завоевание областей, граничивших с Эфиопией на западе и юге. Эту кампанию он намеревался завершить, став императором. Военные операции растянулись на длительный период и привели к захвату множества невольников. Сам Менелик без колебаний продавал их для пополнения казны, истощенной военными расходами. Кроме того, император дарил целые партии невольников тем влиятельным лицам, поддерж-

* Уччальский договор „о дружбе и торговле“ был заключен между Эфиопией и Италией в 1889 г. в местечке Уччале (Вучале). Расхождения в трактовке итальянского и амхарского (эфиопского) текстов этого договора привели к обострению отношений между обеими странами, закончившемуся итало-эфиопской войной 1895—1896 гг.

ку или верность которых ему требовалось обеспечить⁸².

Положение изменилось лишь в самые последние годы XIX в., когда Менелик сумел отбить натиск итальянцев и добился своего господства на присоединенных к империи территориях. Приток военнопленных прекратился, однако по всей стране продолжалась более или менее скрытая работорговля. С помощью взяток работорговцы „договаривались” с местными властями о том, чтобы забирать детей из близлежащей округи. Детей приобретали путем добровольных сделок с родителями или захватывали силой. Сборщики налогов, когда плательщики не могли уплатить подати, заставляли их расплачиваться детьми. В эфиопских деревнях, известных своей бедностью, разными путями заманивали девушек и молодых женщин, которым обещали „золотые горы” в городе. Соглашаясь уехать в надежде на лучшую жизнь, эти женщины по прибытии в намеченный пункт тут же насильно продавались в рабство. Хотя в стране существовал формальный запрет на работорговлю, но иметь домашних рабов закон разрешал.

Наличие домашних рабов было очень заметно в эфиопском обществе. Их насчитывалось 3—4 млн. при общей численности населения в 10—12 млн. человек. При этом сохранялось право законного владельца обменивать или продавать рабов, принадлежавших ему до запрещения работорговли. Не составляло большого труда под этим предлогом продавать и свободных людей, насильно превращаемых в невольников. Помимо этого, людей отдавали в залог под взятый долг, который на самом деле никогда не возвращался, как и живой залог. В общем, имелось достаточно возможностей по существу продолжать работорговлю, даже прикрываясь при этом законом. По этой причине сохранялись и невольничьи рынки, хотя приходилось соблюдать некоторые предосторожности и устраивать такие рынки вне многолюдных мест, но на небольшом удалении, например в нескольких часах пути от Аддис-Абебы⁸³.

Следует упомянуть о запрете еще одной „деятельности”: Менелик запретил под страхом смерти производить кастрацию людей, но такой запрет противоречил одной древней традиции. Она заключалась в том, что воины кастрировали убитых или взятых в плен ими

лично врагов, и материальные свидетельства такой операции считались самым почетным трофеем. Все это производилось еще и над итальянцами, побежденными в битве при Адуа в 1896 г., и над пленными в походах войск Менелика на юг и запад страны. Этот акт назывался „саллаба”, и его можно было в принципе совершать только по отношению к врагам, так как „саллаба” символизировал храбрость. Но когда выказать храбрость в бою не имелось возможности, некоторые стали практиковать „саллабу”, убивая по дорогам путников, а то и просто нападая на беззащитных больных.

Все время продолжалась также практика кастрации мальчиков, в результате чего в Эфиопии было довольно много евнухов, несмотря на то что их еще вывозили. Так, в 1910 г., по данным вполне надежного источника, в стране насчитывалось четыре-пять тысяч кастратов. Хозяева евнухов доверяли им не только своих жен, но и все состояние, поскольку лишенные забот о содержании собственной семьи и оплате дорогих утех евнухи пользовались безупречной репутацией. По тем же причинам им иногда удавалось занимать высокие должности⁸⁴.

Менелик умер в 1912 г., но вопрос о его преемнике возник на несколько лет раньше, когда император тяжело заболел. Он назначил наследником своего внука Лиджа Иясу, что вызвало неодобрение при дворе. Длительная борьба за престол закончилась провозглашением дочери покойного Менелика, Заудиту, императрицей. Регентом при ней стал рас Тафари. Однако полностью утвердить свою власть им удалось лишь около 1920 г.

Власти в стране в течение всего этого периода менее всего задумывались о проблеме работорговли, вновь вовлекавшей ежегодно в свою орбиту тысячи невольников. По мнению ряда ученых, в это время продажа невольников достигала иногда 10 000 человек в год⁸⁵.

Регент Тафари, обладавший реальной властью в стране, не мог смириться с таким положением. Его сильно заботило обеспечение места Эфиопии в международной политике, и для этого он стремился модернизировать все сферы в жизни своей страны. Одной из его целей было вступление Эфиопии в Лигу Наций. Именно поэтому в 1922 г. он ужесточил (вплоть до смертной

казни) санкции против торговли рабами и приказал казнить нескольких работорговцев.

Текст нового закона и отчет о принятых к его нарушителям мерах включили в досье, посланное из Эфиопии в Женеву. Однако комиссия, которой предстояло обсудить вопрос о приеме Эфиопии, сочла материалы этого досье неудовлетворительными, так как Лига Наций не могла принять в свой состав государство, где продолжало считаться законным домашнее рабство. Вопрос этот вызвал ожесточенные дискуссии, и кончилось тем, что регенту предложили взять на себя обязательство запретить любые виды рабства. Регент согласился, и 27 сентября 1923 г. Ассамблея Лиги Наций единогласно проголосовала за прием Эфиопии⁸⁶.

Оставалось лишь воплотить новую политику страны в реальность. Что касается работорговли, то она явно пошла на убыль, хотя это трудно определить количественно, поскольку вся работорговля стала вестись тайно. Тем не менее есть любопытное свидетельство путешественника Кесселя, побывавшего в Эфиопии в 1930 г. Ему удалось посетить одного жителя Харэра, и тот показал Кесселю крохотные потайные камеры, где находились рабы, предназначенные к вывозу в Аравию. Работорговец дал также пояснения о контрабандных методах приобретения рабов: вся тайная работорговая сеть сосредоточилась в руках арабов, так как эфиопы „слишком ленивы”, чтобы заниматься этим трудным делом. Требовались огромные предосторожности: караваны брали не более пятнадцати человек, переходы совершались очень редко и только по ночам. Хозяин жаловался на трудное время, страдал ностальгией по прошлому, когда работорговля в Эфиопии не встречала помех⁸⁷. Таким образом, торговля невольниками все же существовала, несмотря на всю реальную опасность репрессий.

Что касается домашнего рабства, то его запрет вызывал ряд очень сложных проблем, нарушая традиционную систему всей социальной структуры страны. Осуществить такой запрет сразу было вообще нереально. Делать это требовалось лишь постепенно, и необходимость именно такого подхода признали даже при приеме Эфиопии в Лигу Наций. Через год после него в стране начался первый этап реализации запрета: публикация декрета о свободе всех нарождающихся

детей и об отдельных мерах, способствовавших освобождению рабов и улучшению их судьбы. В течение нескольких лет эти мероприятия осуществлялись с большим трудом, а случаи освобождения рабов происходили крайне редко.

Рас Тафари, став императором под именем Хайле Селассие I, решил приступить ко второму этапу запрещения рабства и издал в 1931 г. закон, направленный на ускорение освобождения рабов и создание для них возможности самим содержать себя. Последствия этого мероприятия оказались весьма заметны, так как от принятия Эфиопии в Лигу Наций и до нападения на нее Италии в 1935 г. было освобождено около 250 000 рабов. Однако они составляли еще довольно незначительную часть от общего числа рабов, если мы обратимся к приведенным выше цифрам (несколько миллионов!). Пропаганда итальянских фашистов, конечно, не преминула воспользоваться такими данными, чтобы оправдать свою оккупацию Эфиопии, объявив ее средством решения проблемы рабства в стране.

Однако более объективный взгляд по-иному оценивал это положение, и независимые иностранные обозреватели единодушно признавали реальные усилия Эфиопии в борьбе с рабством в весьма трудной обстановке. Как бы ни медленно шел процесс ликвидации рабства в стране, к моменту агрессии Италии он явно развивался по верному пути⁸⁸.

Если взглянуть сразу на весь африканский континент в XIX в., то общая картина с работорговлей представляется следующей: на фоне постепенного исчезновения торговли невольниками на Атлантическом побережье и уменьшения ее на караванных путях Западной Сахары происходило очень резкое увеличение работорговли во всей Суданской зоне от Нигера до Красного моря, а также в области верховьев Конго и Великих озер. Этот рост торговли рабами насыщал ими обширный внутренний невольничий рынок и обеспечивал экспорт рабов, направленный преимущественно в страны Ближнего Востока. Такое положение сохранялось до конца столетия и даже позже существовало в Эфиопии, все еще затрагивая множество людей, так как число рабов здесь могло достигать 4 — 5 миллионов. Продолжение работорговли в XIX в. в крупном масштабе составляет один из главных аспектов истории Африки в этот период.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

От античного периода истории до XX в. в Африке с разной интенсивностью во времени и пространстве существовала работорговля. Ею занимались и сами африканцы, но куда больше арабы и европейцы. Касаясь последних, можно выделить два главных „сектора” работорговли: транссахарская и восточно-африканская торговля африканскими невольниками внутри континента и на экспорт, атлантическая работорговля, нацеленная только на вывоз людей из Африки. Хотя второй „сектор” существовал более короткое время, он охватил большее число людей, и поэтому оба „сектора” как бы уравниваются в своих суммарных масштабах, — самые последние оценки определяют общее число людей, прошедших как невольники по каждому „сектору”, в 12—14 млн. человек.

Мы не раз пользовались в книге цифрами, но они лишь указывали число людей, обращенных в рабство, а это крайне неполная, частичная оценка такого последствия работорговли, как сокращение численности населения Африки. Последствия эти могли сказываться сразу: убитые при набегах за невольниками, жертвы при передвижении рабов по суше и на море, погибшие от голода после опустошения деревень! Имелись и более отдаленные последствия — сокращение рождаемости; она долго не восстанавливалась у порабощенного населения Африки из-за тяжелых условий существования. Оценить масштаб всех подобных потерь просто невозможно, но есть все основания считать, что их влияние заметно проявляется на континенте и сегодня.

Впрочем, дело не только в приведенных цифрах: они всегда спорны и сейчас остаются предметом специальных исследований ученых. Главное, без сомнения,

заключается в другом — в качественной стороне проблемы обезлюдения. На протяжении веков непрерывно множество живых людей превращались в товар и совершалось это такими же, как они, людьми. Возможно, весь кошмар торговли людьми нельзя ощутить до конца, читая внешне спокойные страницы этой книги, но у авторов была лишь одна цель — заставить читателя как можно глубже задуматься над этими страницами.

ПРИМЕЧАНИЯ

От авторов

¹ По этому вопросу опубликована новая сводка по Африке. См.: *Lovejoy P.E. Transformation in Slavery. A History of Slavery in Africa. Cambridge, 1983.*

Часть I

¹ *Aymard A., Auboyer J. L'Orient et la Grèce antique. P., 1955. Arell A.J. A History of the Sudan from the Earliest Times to 1821. L., c. 107; Adams W.Y. Nubia, Corridor of Africa. L., 1977, c. 167–168; Histoire générale de l'Afrique (UNESCO). 1980, t. II, c. 136–144.*

² *Histoire générale de l'Afrique (UNESCO). 1980, t. II, c. 341.*

³ *Mauny R. Le Périples de la mer Erythrée et le problème du commerce romain en Afrique au sud du limes. — Journal de la Société des Africanistes. 1968, t. 38, fascicule 1, c. 26.* Другой экспортный центр находился в Малао (восточнее нынешней Зейлы), но рабы отсюда вывозились реже.

⁴ *Mathew G. The East African Coast Until the Coming of the Portuguese.—History of East Africa. Oxf., t. 1, 1966, c. 101.* Сасаниды — персидская династия III — VII вв.

⁵ *Histoire générale de l'Afrique (UNESCO). 1980, t. II, c. 404, 417.*

⁶ Геродот, кн. IV, § 183.

⁷ *Histoire générale de l'Afrique (UNESCO). 1980, t. II, c. 593.*

⁸ *Snowden F.M. Blacks in Antiquity. Cambridge (Massachusetts), 1970, c. 130–131.*

⁹ *Masson O. Les noms des esclaves dans la Grèce antique. — Actes du colloque 1971 sur l'esclavage (Université de Besançon), c. 15, 19.*

¹⁰ Теофраст, XXI, 4.

¹¹ *Snowden F.M. Blacks in Antiquity, c. 132–141.*

12 *Biezunska-Malowist I.* L'esclavage à Alexandrie durant la période gréco-romaine. — Actes du colloque 1973 sur l'esclavage (Université de Besançon), с. 300.

13 *Biezunska-Malowist I.* L'esclavage dans l'Égypte gréco-romaine. Actes du colloque 1971 sur l'esclavage, с. 81–82.

14 *Snowden F.M.* Blacks in Antiquity, с. 426, 670.

15 Histoire générale de l'Afrique (UNESCO). 1980, т. II, с. 528.

16 *Lammens H.* L'Arabie Occidentale avant l'hégire. Beyrouth, 1928. Этот автор уделяет много внимания военной деятельности эфиопов, служивших в Мекке. Однако его можно упрекнуть в неправильном толковании термина „ахабиш”, отождествленного с „хабши” (эфиопы), тогда как речь идет об обозначении этим словом „союзников”, т. е. бедуинских племен, с которыми у курейшитов был заключен договор. См.: *Hamidullah M.* Les Ahabish de la Mecque. — Studi orientalistici in onore de Giorgio Levi della Vida. Roma, 1956, т. I, с. 434–447. Тем не менее упоминание „широкоплечих негров” действительно относится к неграм, находившимся на военной службе у курейшитов. Некоторые племена могли целиком состоять из темнокожих людей, а участие „черных” в завоевании Египта свидетельствует о заметной роли негров в военных акциях арабов. См.: *Pipes D.* Black Soldiers in Early Muslim Armies.—International Journal of African Historical Studies. 1980, vol. 13, № 1, с. 87–94.

17 Перевод соглашения „бакт” см.: *Hamidullah M.* Documents sur la diplomatie musulmane à l'époque du Prophète et des califs orthodoxes. P., 1935, с. 127–129. Дополнительные поставки рабов, возникшие после заключения договора, перечисляются автором X в. Масуди, который увеличивает число рабов в основной дани до 365 человек, а географ IX в. оценивал общее число рабов, поступавших по „бакту”, в 400 человек. См.: *Maçoudi.* Les Prairies d'Or, P., 1865–1867, т. III, с. 38–41; *Ibn-Khordadbeh.* Le livre des routes et des provinces. P., 1865, с. 206.

18 Mémoire sur la Nubie. Mémoires géographiques et historiques sur l'Égypte et sur quelques contrées voisines recueillis et extraits des manuscrits coptes, arabes, etc. de la Bibliographie Impériale, P., 1811, т. II, с. 46–50.

19 *Hasan Yusuf Fadl.* The Arabs in the Sudan. Edinburgh, 1967, с. 42–46.

20 Сообщение Н. Читтика на симпозиуме ЮНЕСКО на Мавериккии 15–19 июля 1974 г. — Relations historiques à travers l'océan Indien, P., 1980, с. 19–20. О более широкой трактовке термина „зенджи” см.: *Thalami Ghada Hashem.* The Zanj Rebellion Reconsidered.—International Journal of African Historical Studies. 1977, vol. X, № 3, с. 443–461.

21 *Abd al Hakam.* Conquête de l'Afrique du Nord et de l'Espagne. Alger, 1942, с. 31, 57–59, 77. Тысячи пленников были отправлены также и на Восток — см.: *Talbi M.* L'Emirat aghlabide. P., 1966,

с. 32. О дани, собиравшейся в этом районе, см.: *Lewicki T. Le Sahara oriental et septentrional dans le haut Moyen-Age. — Etudes maghrébines et soudanaises, I I, Varsovie, 1983, с. 55*

22 *Triaud J.L. Islam et sociétés soudanaises au Moyen-Age. P., 1973, с. 208.*

23 *Al-Bakri (Cordoué, 1068), routier de l'Afrique blanche et noire du nord-ouest (traduit par V. Monteil). — Bull. de l'IFAN, série B, janvier 1968, с. 62–63.*

24 Там же, с. 68.

25 Автор X в. аль-Истархи, см. в : *Cuoq J. Recueil des sources arabes concernant l'Afrique Occidentale du VIII-e au XVI-e siècle. P., CNRS, 1975, с. 65; (далее — Recueil ...). Бакри писал в XI в., но он был компилятором и использовал, в частности, одно утерянное позже географическое произведение автора X в. Таким образом, оба источника могут считаться одновременными.*

26 *El-Bekri. Description de l'Afrique septentrionale. P., 1965, с. 176.*

27 *Ibn Haukal. Description de l'Afrique. P., 1842, с. 79. (Автор X в.).*

28 *Edrisi. Description de l'Afrique et de l'Espagne. Amsterdam, 1969, с. 38.*

29 Там же, с. 3–11. *Al Zuhri, см.: Cuoq J. Recueil, с. 120.*

30 Там же, с. 188; автор XIII в. — ал-Шариши.

31 Ибн-Саид Гаранги — автор XIII в.; см.: *Fagnan E. Extraits inédits relatifs au Maghreb. Alger, 1924, с. 19; далее — Extraits ...*

32 *Verlinden Ch. L'esclavage dans l'Europe médiévale, t. I, Bruges, 1955, с. 226.*

33 *Al-Omari. Masalik el Absar. P., 1927, t. I, с. 81.*

34 Омари утверждает, что монарха сопровождали 14 000 молодых рабов, предназначенных для его личных нужд (там же, с. 90). Такую же цифру приводит Макриси, но он отмечает, что это были рабыни — см.: *Cuoq. Recueil, с. 390.* Однако уже через две страницы после приведенного им же высказывания Омари уменьшает эту цифру до 10 000 и говорит лишь о „подданных”. Известны в этой связи упоминания всего „восьми тысяч людей”; см.: *Tarikh el Fettach. P., 1964, с. 58.*

35 *Al-Omari. Masalik el Absar, с. 81, 94–95.*

36 *Voyages d'Ibn Batoutah. P., 1854, t. IV, с. 445.*

37 *Makrizi. Histoire des sultans mamelouks de l'Egypte. P., 1837, t. I, 2-e partie, с. 131.*

38 *Al-Omari. Masalik el Absar, с. 95.*

39 *Makrizi. — Cuoq J. Recueil, с. 391.*

40 *Al-Omari. Masalik el Absar, с. 65.*

41 *Voyages d'Ibn Batoutah, с. 434.*

42 *Tarikh el Fettach ... (далее : TEF), с. 214–215.*

- 43 Лев Африканский, автор XVI в. *Jean-Léon l'Africain*. Description de l'Afrique. P., 1956, с. 473.
- 44 TEF, с. 218.
- 45 Tarikh es Sudan. P., 1964, с. 121–123.
- 46 TEF, с. 259.
- 47 TEF, с. 118.
- 48 Tarikh es Sudan, с. 168.
- 49 TEF, с. 107–112; *Kodjo N.G.* Contribution à l'étude des tribus serviles du Songaï. — Bull. de l'IFAN, 1976, série B, t. 38, N° 4, с. 790–812.
- 50 TEF, с. 38, 110, 214–215.
- 51 Там же, с. 122, 225.
- 52 Там же, с. 107.
- 53 *La Roncière Ch. de.* Découverte d'une relation de voyage daté du Touat et décrivant en 1447 le bassin du Niger. P., 1919, с. 20.
- 54 *Jean-Léon l'Africain*. Description, с. 471.
- 55 Там же, с. 439. Т.Левицкий полагает, что эта ситуация, отмеченная Львом Африканским в XVI в., в действительности относится к XI–XII вв., „учитывая большой приток черных рабов в эту эпоху”: Description ... (прим. 21).
- 56 *Dapper O.* Description de l'Aftique. Amsterdam, 1686, с. 212.
- 57 Лев Африканский отмечает наличие в Тлемсене многочисленных евнухов, охранявших рабынь-христианок. Он не сообщает, происходили ли они из Судана, но это вполне вероятно, так как автор одновременно говорит о значительных деловых связях этого города со „страной черных”, что и было основным источником богатства Тлемсена. *Jean-Léon l'Africain*. Description, с. 334–335.
- 58 Relations des voyages à la côte occidentale de l'Afrique d'Alvise de Cà da Mosto, 1455–1457. P., 1895, с. 48–50, 76–77. Частое похищение мавров португальцами отмечается в хронике: *Gomes Eanes de Zurara* Chronique de Guinée. — IFAN, Dakar, 1960.
- 59 *Jean-Léon l'Africain*. Description, с. 135, 142.
- 60 Там же, с. 429. Историк XVI в. — Ахмед Бен-Али Махалли; см.: *Fagnan E.* Extraits, с. 178–179.
- 61 *Jean-Léon l'Africain*. Description, с. 424.
- 62 Там же, с. 93–94.
- 63 Там же, с. 139, 189, 209. 238.
- 64 *Berthier P.* Les anciennes sucreries du Maroc et leurs réseaux hydrauliques. Rabat, 1966, с. 241–244. На этих плантациях также происходили бунты рабов, но, конечно, менее значительные, чем восстания в Месопотамии. См.: *Lara O.D.* Esclaves et révoltes négro-africains dans l'empire musulman du haut Moyen-Age. — Présence africaine, 1976, N° 98, с. 102.

65 *Berthier P.* Les anciennes, с. 283; *Abitbol M.* Tombouctou et les Arma. P., 1979, с. 43. По всему этому вопросу в целом см.: *Issifou Zakari.* L'Afrique noire dans les relations internationales au XVI-e siècle. P., 1982.

66 *Abitbol M.* Tombouctou, с. 80.

67 *Castries H.* Les sources inédites de l'histoire du Maroc. P., 1925, 1-re série, t. II, с. 146.

68 Анонимный арабский источник, см.: *Fagnan E.* Extraits, с. 418.

69 *Zouber Mahmoud A.* Ahmad Baba de Tombouctou (1556–1627). Sa vie et son œuvre. P., 1977, с. 131–146.

70 Journal du sieur de Saint-Olon à Mgr de Ponchartrain, 23.08.1693. Arch. Nation., АЕВ¹, f. 68.

71 *Meyers A.R.* Class, Ethnicity and Slavery: the Origins of the Moroccan Abid.—International Journal of African historical studies. 1977, vol. X, N° 3, с. 427–442.

72 *Abitbol M.* Le Maroc et le commerce transsaharien du XII-e au début du XX-e siècle. — Revue de l'Occident musulman et de la Méditerranée. 1980, N° 30, с. 5–19.

73 *Martin B.G.* Kanem, Bornu and the Fezzan.—Journal of African history. 1969, vol. X, N° 1, с. 18.

74 *Yakubi.* Les pays. Le Caire, 1937, с. 205.

75 Voyages d'Ibn Batoutah. P., 1854, t. IV, с. 441.

76 *Edrisi.* Description, с. 39.

77 *El-Bekri.* Description, с. 29. Анонимный арабский источник: L'Afrique septentrionale au XII-e siècle de notre ère. Constantine, 1900, с. 61.

78 Ибн-Саид-ал-Магриби, автор XII в., упомянутый в: *Ajayi J.F., Crowder M.* History of West Africa, L., 1971, t. I, с. 199–201; *Edrisi.* Description, с. 39; *Makrizi.* — *Cuoq'J.* Recueil, с. 384 и примечание переводчика.

79 *Qulqusandi* — см.: *Al Omari,* Masalik, с. 41–42.

80 *Jean-Léon l'Africain.* Description, с. 480–481.

81 *Verlinden Ch.* L'esclavage dans l'Europe médiévale, t. I, Bruges, 1955; t. II, Gand, 1977.

82 *Jean-Léon l'Africain.* Description, с. 414.

83 *Zouber M.A.* Ahmad Baba, с. 135.

84 *D'Anania.* См.: History of West Africa, t. II, с. 209.

85 *La Roncière Ch. de.* Une histoire du Bornou au XVII-e siècle. — Revue de l'histoire des colonies françaises, 2-e semestre 1919, с. 73–88. Это донесение французского хирурга, попавшего в рабство в Триполи в 1668 г., а отправка „ренегатов” датируется 1638 г. Там же, с. 79.

86 *Palmer H.R.* Sudanese Memoirs. Lagos, 1928, t. III, с. 109–110.

- 87 *Zouber M.A. Ahmad Baba*, с. 132.
- 88 *Adeleye R.A. Hausaland and Bornu, 1600–1800. — History of West Africa*, т. I, с. 525.
- 89 *Voyages d'Ibn Batoutah*, т. IV, с. 441.
- 90 *Makrisi. — Cuoq J. Recueil*, с. 66.
- 91 *Palmer H.R. Sudanese*, с. 114.
- 92 Там же, с. 119.
- 93 *Jean-Léon l'Africain. Description*, с. 473.
- 94 Там же, с. 471.
- 95 *Tarikh es Sudan*, с. 193.
- 96 Три источника того времени приводят соответственно цифры 12 000, 40 000 и 45 000: *Bacharach J.L. African Military Slaves in the Medieval Middle East.—International Journal of Middle East Studies*, 1981, vol. 13, с. 478.
- 97 *Edrisi. Description*, с. 16.
- 98 *El-Bekri. Description*, с. 9.
- 99 *Al-Omari. — Cuoq J. Recueil*, с. 261.
- 100 *Cuoq J. Recueil*, с. 341.
- 101 *Poncet C.J. A Voyage to Aethiopia. L., 1709*, с. 24–25.
- 102 *Edrisi. Description*, с. 31.
- 103 *Kiechel S. Voyages en Egypte pendant les années 1587–1588. Le Caire, 1972*, с. 219.
- 104 *Lange D. Un document de la fin du XVII-e siècle sur le commerce transsaharienne. — Revue Française d'histoire d'Outre-mer, 1–2 trimestres, 1979*, с. 219.
- 105 *Makrisi. — Cuoq J. Recueil*, с. 392.
- 106 *Traité d'Emmanuel Piloti sur le passage en Terre Sainte, 1420, Louvain. P., 1958*, с. 135.
- 107 *Radziwill K. — см.: Malowist M. Commerce d'or et d'esclaves au Soudan occidental. — Africana Bulletin, 1966, N° 4*, с. 67–68.
- 108 *Voyages en Egypte de Johann Wild, 1606–1610.—IFAO, 1973*, с. 19, 67–68.
- 109 *Voyage en Egypte de Jean-Palerne Forésien, 1581.—IFAO, 1971*, с. 50–51. Надо отметить также и подробное описание невольничьего рынка в Александрии, см.: *Voyages en Egypte de Felix Fabri, 1483.—IFAO, 1975*, с. 697–704.
- 110 *Kiechel S. Voyages*, с. 104.
- 111 *Sandys G. Voyages en Egypte des années 1611–1612.—IFAO, 1973*, с. 186.
- 112 *Voyages ... Fabri*, с. 442.
- 113 Резюме сообщения Тадеуша Левицкого — „Арабская торговля рабами-неграми в конце XVI в.“, представленного на симпозиуме по африканским исследованиям 28 ноября 1966 г. в Кракове. *Africana Bulletin, 1967, N° 6*.

114 *Al Muqaddasi*. Description de l'Occident musulman. Alger, 1950, с. 57. Похоже, что в самом Сомали не было таких центров кастрации, как в ряде областей Африки, но, по данным одной современной Мукаддаси хроники, сомалийцы традиционно оскопляли моряков, терпевших кораблекрушение у берегов их страны. Сомалийцы даже бравировали этим и демонстрировали собеседникам материальные свидетельства произведенных операций, стремясь доказать их числом свои „подвиги”. Именно по такой причине многие моряки опасались вообще плавать вблизи побережья Сомали. См. сборник рассказов арабских и персидских моряков X в.: *Livre des merveilles de l'Inde. Mémorial Jean Sauvaget*. Damask, 1954, t. I, с. 261.

115 Ибн-Хордадбех — автор IX в. *Ibn Khordadbeh*. Le livre des routes et des provinces. P., 1865, с. 282.

116 *Cuoq J.* L'islam en Ethiopie dès origines au XVI-e siècle. P., 1981, с. 40–48.

117 *Les voyages de Ludovico de Varthema*. P., 1888, с. 70.

118 *The Book of Duarte Barbosa*. L., 1918, t. I, с. 37. *The Late Travels of Sr Giacomo Baratti*. L., 1670, с. 21 и др. Первая книга — перевод с португальского, вторая — с итальянского.

119 *The Commentaries of the Great Afonso Dalboquerque*. L., 1884, t. IV, с. 28.

120 *Edrisi*. Description, с. 29–30.

121 *Devic L.M.* Le pays des Zendjs ou la côte orientale d'Afrique au Moyen Age d'après les écrivains arabes. P., 1883, с. 121–148. Судя по преданиям, собранным после смерти пророка Мухаммеда (хадисы), поговорка о „zendжах” принадлежит ему, но с той разницей, что Мухаммед говорил об эфиопах. Эта разница, безусловно, чисто формальная, так как оба понятия — „эфиоп” и „zendж” — весьма расплывчаты. См.: *Lammens H.* L'Arabie, с. 263; *Lewis B.* Race and Colour in Islam. L., 1970, с. 19.

122 *Popovic A.* La révolte des esclaves en Iraq au III-e–IX-e siècles. P., 1976.

123 *Géographie d'Edrisi*. P., 1836, t. I, с. 58-59. В приводимом отрывке Идриси ссылается на одного мореплавателя IX в., который сообщал, что „zendжи” буквально боготворили арабов и падали перед ними ниц, когда встречали их; см.: *Voyage du marchand arabe Sulaymân en Inde et en Chine*. P., 1922, с. 127–128. Основной приманкой, которую использовали арабы, заманивая детей, чтобы увезти их, были финики. Такой прием получил широкое распространение, тунисский путешественник по Дарфуру в XIX в. сообщает о нем же; см. *Zayn al-Abidin*. Livre du Soudan. P., 1981, с. 30. Об эволюции работоторговли в мусульманском мире той эпохи см.: *Lombard M.* L'islam dans sa première grandeur. P., 1971, с. 194–202. О рабах-европейцах см.: *Lewis B.* Comment l'Islam a découvert l'Europe. P., 1984, с. 187–195.

124 См. статью о „хабши”: *Encyclopédie de l'Islam*, t. III,

1971, с. 15–17. Сообщения Кесвани и Молля (*Keswani D.G., Mollat M.*) на симпозиуме ЮНЕСКО (см. прим. 20). *Harris J.E.* The African Presence in Asia.—Consequence of the East African Slave Trade. Evanston, 1971.

125 *Histoire générale de l'Afrique* (UNESCO). 1980, t. II, с. 610.

126 *Duyvendak J.J.L.* China's Discovery of Africa. L., 1949, с. 12–14, 23–24; *Filesi T.* Le relazioni della Cina con l'Africa nella Medio-Evo. Milano, 1962, с. 13.

127 *Livre des Merveilles de l'Inde*. Leiden, 1883–1885, № 1 (примечание на с. 284).

128 Там же, примечание на с. 114. Определение местонахождения островов Ваквак вызвало дискуссии среди специалистов. Чаще всего это название относили к Малайскому архипелагу, но предполагали также, что оно могло относиться и к Мадагаскару, так как арабы в то время думали, что африканский материк очень сильно вытянут на восток. По этой причине одним названием могли обозначаться и далекие острова, и Мадагаскар, часть населения которого была индонезийского происхождения (см. подробную сводку по этому вопросу — *Fernand G.* Les îles Ramny, Lanery, Wakwak, Komor des géographes arabes et Madagascar. — *Journal asiatique*, 1907, с. 433–566). В данном случае под словом „Ваквак” подразумевается Малайский архипелаг; это видно по продолжительности плавания и уточнению автора местонахождения острова — „напротив Китая”. Кроме того, в тексте упоминается, что люди с Ваквака причалили в „Канбало”. Л.Девик, изучив тексты арабских авторов, упоминающих это название, связывает его с Занзибаром — *Livre des Merveilles de l'Inde* (примечание 127, с. 283–294).

129 *Géographie d'Edrisi*, t. I, с. 58. О местонахождении островов Забедж см.: *Fragments arabes et persans inédits relatifs à l'Inde antérieurement au XI-e siècle*, recueillis par M. Rénaud. P., 1845, с. 123.

130 *Palmer H.R.* *Sudanese*, t. III (прим. 86, с. 112).

131 *Al-Omari*. *Masalik*, с. 16–17; *Zambaco D.A.* *Les eunuques d'aujourd'hui et ceux de jadis*. P., 1911, с. 99.

132 *Palmer H.R.* *Sudanese*, с. 111.

133 *Malowist M.* *Commerce d'or ...* (прим. 107, с. 63).

134 *Delafosse M.* *Les débuts des troupes noires au Maroc*. Hespéris, 1923, t. III, с. 1–12.

135 Многочисленные подробности имеются в делах Национального архива — АЕ В¹ 830, 831.

136 *Ibn Adhari*. *Histoire de l'Afrique et de l'Espagne*. Alger, 1901, t. I, с. 408–435. О черных войсках в Тунисе этого времени см.: *Idris H.R.* *La Berbérie orientale sous les Ziridis, X–XII siècles*. P., 1962, с. 211–217, 529–532; *Brett M.* *Ifriqiya as a Market for Saharan Trade from the Tenth to the Twelfth Century A.D.* — *Journal of African History*. 1969, vol. X, № 3, с. 354–356.

137 Sefer Nameh. Relation du voyage de Nassiri Khosran en Syrie, en Palestine, en Egypte, en Arabie et en Perse. P., 1881, с. 124. Этому путешественнику сообщали, что численность черных войск в то время достигала 20 000 человек (с. 138). Однако в следующем столетии в одной арабской хронике упоминалось уже более 50 000 человек — Recueil des historiens des Croisades. — Historiens orientaux. P., 1898, t. IV, с. 147.

138 Там же, с. 145—148; Lewis B. Race et couleur en pays d'Islam. P., 1982, с. 78—80.

139 Jean-Léon l'Africain. Description, с. 479. Потеря волос, видимо, была типичным явлением у носильщиков, так как об этой детали говорится и у португальского автора: Fernandes V. Description de la côte d'Afrique de Ceuta à Sénégal. P., 1939, с. 87.

140 Jean-Léon l'Africain. Description, с. 473—474.

141 Champault F.D. Une oasis du Sahara nord-occidental Tabelbala. P., 1969, с. 389.

142 Sefer Nameh, с. 227.

143 Казвини — автор XIII в. и Ибн Баттута — см.: Суоq J. Recueil, с. 199, 291; L'Afrique de Marmol. P., 1667, t. III, с. 43.

144 Hasan Yusuf Fadl. The Arabs ... (прим. 19, с. 50—63).

145 Wydle A.B. 83 to 87 in the Sudan. L., 1888, t. II, с. 247.

146 Austen R.A. The Transsaharan Slave Trade: a Tentative Census.—The Uncommon Market. N.Y., 1979, с. 66, 68.

Часть II

1 Gomes Eanes de Zurara. Chronique de Guinée (éd L.Bourdon). — Mémoires de l'IFAN, N° 60, Dakar, 1960, с. 92, 124, 132.

2 Mauro F. L'Atlantique portugaise et les esclaves, 1570—1670. Revista da Faculdade (Fac. de Letras, Univ. de Lisboa), t. XXII, 2-e série, 2, 1956, с. 5—55.

3 Scelle G. La traite négrière aux Indes de Castille. Contrats et traités d'assiento. Etude de droit public et d'histoire diplomatique. P., 1906, 2 vol.; Chaunu N., Chaunu P. Séville et l'Atlantique ... 8 vol., P., 1955—1960, 6, с. 402—403; Curtin Ph. The Atlantic Slave Trade. A Census. Madison, 1969, table 13.

4 Lovejoy P.E. Transformations in Slavery. A History of Slavery in Africa. Cambridge, 1983. Эта работа пересматривает многие общепринятые мнения, в частности и цифры, которых мы придерживаемся. Что касается „игр в цифры”, то можно, кроме указанной ранее книги Кертена, первым высказавшимся об этом, назвать еще ряд исследователей, труды которых более или менее использованы Лавджоем (Anstey, Austen, Daget, Eltis, Klein, Inikori, Mettas, Murray, Renault, Stein).

5 Craton M. Sinews of Empire. N.Y., 1974, с. 29 и след.

⁶ Это выдающееся издание не было продолжено; см.: *Barrey Ph.* Le Havre transatlantique de 1571 à 1610. — Mémoires et documents pour servir à l'histoire du commerce et de l'industrie en France. P., 1917, ch. VIII, c. 162—209.

⁷ *Green-Pedersen S.* The History of the Danish Negro Slave Trade, 1733—1807; in: La traite des Noirs par l'Atlantique. Nouvelles approches. P., 1976, c. 196—231.

⁸ *Rodney W.* A History of the Upper Guinea Coast, 1545—1800. Oxf., 1970, c. 283.

⁹ *Mettas J.* Répertoire des expéditions négrières françaises au XVIII-e siècle. P., 1978, t. I; 1984, t. II. Первый том (795 с.) посвящен только Нанту, второй (1000 с.) — остальным французским портам.

¹⁰ *Meyer J.* L'armement nantais. P., 1969.

¹¹ *Dieudonné-Rinchon P.* Ignace-Pierre-Lievin van Alstein, capitaine négrier. — Mémoires de l'IFAN, N° 71, Dakar, 1964. (Этому автору принадлежат и другие широко известные работы такого плана.)

¹² *Manning P.* Slavery. Colonialism and Economic Growth in Dahomey, 1640—1960. Cambridge, 1982. Об импорте каури вплоть до конца XIX в. см.: Notices statistiques sur les colonies françaises.

¹³ *Boulle P.H.* Marchandises de traite et développement industriel dans la France et l'Angleterre du XVIII-e siècle — La traite des Noirs, P., 1976, c. 309—330.

¹⁴ *Richardson D.* Profits in the Liverpool Slave Trade: the Accounts of William Davenport, 1757—1784. In: Liverpool, the African Slave Trade, and Abolition (*Anstey R., Hair P.E.H.*, eds), Lancashire and Cheshire Occas. series, vol. 2, 1976. См. также: *Austen R.A.* The Transsaharan Slave Trade, N.Y., 1979.

¹⁵ *Debien G.* Les Esclaves dans les Antilles françaises ... , Basse-Terre, Fort-de-France. — Soc. d'Histoire, Guadeloupe et Martinique, 1974, c. 529.

¹⁶ *Richardson D.* Profits ... ; *Meyer J.* Les Européens et les autres. P., 1975, c. 216—217.

¹⁷ *Bouet-Willamez L.E.* Commerce et traite des Noirs. P., 1848. Автор выделяет на побережье, от Сенегамбии до мыса Негро, 13 участков; как моряк, он и для суши пользуется морскими лье (1/20 градуса, т. е. 5555 м).

¹⁸ *Jonghe de.* Les formes d'asservissement dans les sociétés indigènes du Congo Belge. Bruxelles, 1949, c. 79; *Meillassoux Cl.* (éd.), L'esclavage en Afrique précoloniale. P., 1975; *Rodney W.* A History of the Upper Guinea, c. 108—109. Другие публикации, указываемые ниже, также включают одну или несколько глав, посвященных этим вопросам.

¹⁹ *Person Y.* Samory. Une révolution Dyula. Dakar, IFAN, 1968,

t. I, c. 99, 101, 115; *Person Y.* Histoire générale de l'Afrique Noire. P., 1970, t. I, c. 289.

20 *Hazoume P.* Le pacte de sang au Dahomey. P., — Trav. et Mém. Inst. d'ethnol., XXV, 1966, c. 28—32.

21 Archives départementales de la Loire-Atlantique (Nantes), 21, U 458 — отчет о плавании корабля „Маленькая Луиза” (1815), капитан Лансело, суперкарго Шово. „Святая клятва” совершена в бухте Назарет в Габоне, но в достоверности рассказа можно и сомневаться.

22 *Brown P.* Patterns of Authority in West Africa.—Africa, 1951, vol. XXI, № 4, Oct. *Evans-Pritchard E.E.*, Fortes M. (éd.), Systèmes politiques africains. P., 1964; *Meillassoux Cl.* L'esclavage ...; Etat et société en Afrique noire. P., Revue Franç. d'Histoire d'Outre-mer, t. LXVIII, № 250—253, 1981.

23 *Mollen G.* Voyages dans l'intérieur de l'Afrique aux sources du Sénégal et de la Gambie, faits en 1818 ... P., 1822, t. I, c. 103. Войны обычно начинали внезапно, и каждая сторона отступала после захвата нескольких пленников, избегая кровопролития, так как считалось, что людская кровь слишком дорога, чтобы ее проливать просто так.

24 *Ajayi J.F.A.* Yoruba Warfare. Ibadan, 1971, c. 124; *Adelye R.A.* Hausaland and Bornu, 1600—1800; in: *Ajayi and Crowder* (eds.), History of West Africa, vol. I.

25 *Yeboa Daaku K.* La traite des Noirs et la société africaine. Perspectives nouvelles sur l'histoire africaine (Congrès international d'historiens de l'Afrique, Dar-es-Salaam, 1965), P., 1971, c. 154. Дааку использует в данном случае работу — *Akinjogbin I.A.* Dahomey and Its Neighbours. L., 1963. Некоторые взгляды из этой книги пересмотрены Меннингом (*Manning.* Slavery, Colonialism ...).

26 *Biobaku S.O.* The Egba and Their Neighbours, 1842—1872. Oxf., 1965, c. 13.

27 *Bazin J., Terray Emm* (éd.). Guerres de lignages et guerres d'Etats en Afrique. P., 1982.

28 Table Ronde sur les origines de Kong. Univ. nat. de Côte-d'Ivoire, 1977. Это — прекрасная поэма, сочетающая богатство устных преданий со знаниями ученого-лингвиста (Mpe M.J. Derive).

29 Нелегкая история „королевства” реконструирована Котдивуарским ученым Жоржем Ниамке Коджо.

30 Table Ronde, c. 346—362. Выступление Лаби (с. 350) и должностного лица — начальника кантона (с. 360—362). Лаби, не стесненный официальным положением, прямо связал описываемые явления с совершенно конкретным местом. См. в этой же части книги также выступление Сериба и комментарии к нему Лаби.

31 Общие сведения об исследовании Африки из книги: *Deschamps H.* L'Europe découvre l'Afrique. P., 1970.

32 *Adamy M.* The Delivery of Slaves from the Central Sudan to the Bight of Benin in the Eighteenth and Nineteenth Centuries; in: *Gemery H.A., Hogendorn J.S.* (eds.). The Uncommon Market. Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade. N.Y., 1979, с. 163—180; *Lovejoy P.E., Hogendorn J.S.* In: The Uncommon Market, с. 213—235.

33 *Adamy M.* The Delivery, с. 179.

34 *Adamy M.* The Delivery, с. 180.

35 *Martin Phyllis.* The External Trade of Loango Coast, 1576—1870. Oxford, 1972, с. 193. Хорошим источником по Лоанго служит также книга аббата Пруайара с интересной картой: *Proyart.* Oeuvres complètes, t. XVII, Histoire de Loango, Kakongo et autres royaumes d'Afrique. P., 1819, с. 295.

36 *Mettas J.* Répertoire ... (см. прим. 9). Другие данные: *Manning P.* Slavery, Colonialism ...; *Lovejoy P.E.* Transformation in Slavery ...

37 *Dike Kenneth Onwuka.* Trade and Politics in the Niger Delta. Oxf., 1956; *Jones G.T.* The Trading States of the Oil Rivers. Oxf, 1963; *Latam A.J.H.* Old Calabar, 1600—1891. Oxford, 1973; *Nair Kannan K.* Politics and Society in South Eastern Nigeria, 1841—1916. L., 1972.

38 *Lovejoy P.E.* Transformation in Slavery, с. 50, табл. 3, 4. Лавджой для периода 1701—1800 гг. указывает цифру — 814 000.

39 *Kup P.* A History of Sierra-Leone. Cambridge, 1962; *Rodney W.* A History of the Upper ...; West Africa and the Atlantic Slave Trade. Hist. Assoc. of Tanzania, Paper 2, 1967; *Becker Ch., Martin V.* Kayor et Baol — royaumes sénégalais et traite des esclaves au XVIII-e siècle. In: La Traite des Noirs..., P. 1976. *Inkori J.E.* Forced Migration ... L., 1982, с. 100—125. *Curtin Ph.* Economic Change in Precolonial Africa. Senegambia in the Era of the Slave Trade. Madison, 1975.

40 *Debien, Delafosse, Thilmans.* Journal d'un voyage de traite en Guinée, à Cayenne et aux Antilles fait par Jean Barbot en 1678—1679: Dakar. — Bull. IFAN, 40, sér. B, avr. 1978, с. 235—395. *Mettas J.* Répertoire ... — в этой книге вообще проанализирована система французской работорговли в XVIII в.

41 *Klein H.S.* The Middle Passage. Princeton, 1978. *Klein H.S., Engerman S.* La mortalité des esclaves dans la traite française au XVIII-e siècle. P., Annales ESC, 1976, с. 1213—1224. К сожалению, во второй из указанных публикаций использовано много устаревших, неполных сведений.

42 *James C.L.R.* Les Jacobins Noirs. P., 1949; *Williams E.* Capitalisme et esclavage. P., 1968; *Brion Davis D.* The Problem of Slavery in Western Culture. N.Y., 1966; *Brion Davis D.* The Problem of Slavery in the Age of Revolution. N.Y., 1975. (Автор завершил и

третий том своего монументального исследования.) *Anstey R.* The Atlantic Slave Trade and British Abolition, 1760–1810. L., 1975; *Drescher S.* Econocide. Pittsburg, 1977; *Bolt Ch., Drescher S.* (eds.). Anti-slavery, Religion and Reform. Dawson, 1980. *Mercier R.* L'Afrique noire dans la littérature française. Les premières images. Dakar, 1962. *Daget S.* Les mots "esclave", "nègre", "noir", et les jugements de valeur sur la traite négrière dans la littérature abolitionniste française, 1770–1850. P., Revue Franç. d'Hist. d'Outremer, LX, 1973, N° 221, с. 511–548. При публикации данной книги ожидался выход в свет работы М.Шатийона об этом обществе, основанной на оригинальных документах.

43 *Daget S.* Long cours et négrier nantais du trafic illégal. — La Traite des Noirs, P. 1976.

44 *Verger P.* Flux et reflux de la traite des Nègres entre le golfe de Bénin et Bahia de Todos os Santos. P., 1968, с. 720.

45 *Oloruntimehin O.B.* The Impact of Abolition Movement on the Social and Political Development of West Africa. African Notes, VII, I, Ibadan, 1971–1972. Исследование более общего характера — *Lovejoy P.E.* The Ideology of Slavery in Africa. L., 1981.

46 *Jones Adam.* From Slaves to Palm Kernels. A History of the Galinhas Country (West Africa), 1730–1890. Wiesbaden, 1983.

47 Foreign Office 315/57 (12/2); Public Record Office, London. В сборнике "Etudes Africaines offertes à Henri Brunschwig", опубликована наша работа — A vieux Calabar en 1825: l'expédition du Charles (ou de l'Eugène) comme élément du modèle de la traite négrière illégale, с. 117–133. В этом же сборнике для нас представляет интерес статья Габриеля Дебьена о работорговле в Мозамбике: *Debien G.* Journal de traite de la Licorne au Mozambique, 1787–1788, с. 91–116.

48 Это соответствует заглавию диссертации одного из авторов: „Французские карательные морские экспедиции против торговли черными невольниками”.

49 В приводимой им обширной библиографии особый интерес представляет книга — *Eltis, Walvin, Green-Pedersen* (eds.) The Abolition of the Atlantic Slave Trade. Origins and effects in Europe, Africa and the Americas. Madison, 1981.

50 *Leveen Ph.* British Slave Trade Suppression Policies, 1821–1865. N.Y., 1977. Цифры в этой работе взяты из Кёртена (*Curtin Ph.* Economic Change ...), а также из официального британского документа 1845 г., приведенного в книгах: *Eltis.* The Transatlantic Slave Trade. Rochester, 1978; Uncommon Market, с. 273–301; *Daget S.* Long cours, с. 419–423. К этому же вопросу относятся и библиографическая ссылка в предыдущем примечании.

51 Английские данные из "British Parliamentary Papers; Colonies, Africa", N° (West Africa, General). Благодаря Французскому национальному центру научных исследований и его британскому аналогу — Совету исследований по социальным наукам — была

получена возможность в 1983 г. проверить данные английских материалов.

52 *Tableau Décennal du Commerce de la France ... 1857—1866.* P., 1869.

53 *Coquery-Vidrovitch Cath.* De la traite des esclaves à l'exportation de l'huile de palme; in: *Meillassoux Cl.* L'Evolution du commerce en Afrique de l'Ouest. Oxf., 1971, с. 107—123. Понятие „совмещения” принадлежит Нортруну. См.: *Northrup D.* The Compatibility of the Slave and Palm Oil Trades in the Bight of Biafra. *Journal of African History*, XVII, 3, 1976, с. 352—364; *Northrup D.* Trade Without Rulers: Pre-Colonial Economic Development in South-Eastern Nigeria. Oxf., 1978.

54 *Inikori J.E.* (ed.). *Forced Migration. The Impact of the Export Slave Trade on African Societies.* 1982, прим. 36.

Часть III

1 *Cissoko S.M.* Traits fondamentaux des sociétés du Soudan occidental du XVII-e au début du XIX-e siècle. — *Bull. de l'IFAN, série B.*, t. 31, Dakar, 1969, с. 1—30.

2 *Meillassoux Cl.* (éd.) *L'esclavage en Afrique précoloniale.* P., 1975, с. 17.

3 *Lovejoy P.E.* *Transformations in Slavery.* Cambridge, 1983, с. 159—195.

4 *Nachtigal G.* *Sahara and Sudan.* L., 1974, t. I, с. 216—217. Путешественник приводит столь же подробное описание и в другом месте книги (с. 334).

5 Там же, с. 58.

6 *Emerit M.* *La Révolution de 1848 en Algérie.* P., 1949, с. 31.

7 *Miège J.L.* *Le Maroc et l'Empire.* P., 1961, с. 15.

8 Там же, Т. III, с. 92.

9 Там же, Т. III, с. 363.

10 Там же, Т. III, с. 92.

11 *Martin A.* *Quatre siècles d'histoire marocaine.* P., 1923, с. 230, 274, 307, 308.

12 Доклад Второго бюро военного министерства Франции от 28 февраля 1845 г. Нац. архив (F 80/728).

13 Доклад Управления арабскими делами, июнь 1848 г. (там же).

14 Сообщение Флаттерса генералу, командующему подокругом Медея 11 апреля 1877 г. Архив алжирского генерал-губернаторства (21 Н 220).

15 *Soleillet P.* *L'Afrique Occidentale.* P., 1864, с. 164.

16 *Exposé des travaux de la Chambre de Commerce d'Alger,* 1864—1875, с. 1—23. Сообщение французского консула минист-

ру от 19 апреля 1879 г. (Архив иностранных дел, коммерческая корреспонденция, „Триполи в Барбарии”, Т. 43).

17 Сообщения приведены в работах: *Masson P.* Histoire des établissements et du commerce français dans l'Afrique barbaresque. P., 1903, с. 319–320; *Valensi L.* Esclaves chrétiens et esclaves noirs à Tunis au XVIIIe siècle. — *Annales ESC*, 1967, nov.—déc., с. 1274.

18 Сообщение французского консула в Тунисе от 29 апреля 1846 г. Нац. архив (F 80/728).

19 Решения 1841 и 1842 гг., см.: *Hertslet L.* A Complete Collection of the Treaties. L., Т. VIII, с. 914–916; *Bompard M.* Législation de la Tunisie. P., 1888, с. 398 — (декрет 1846 г.). Бей несколько преувеличивал, сообщая английскому консулу, что он „запретил рабство”. Письмо от 23 января 1846 г. — *Hertslet L.* A Complete Collection, с. 917.

20 Статья 37 договора. См.: *Bompard M.* Législation, с. 472.

21 Письма генерального резидента Франции в Тунисе Массико от 4 августа 1888 г. и 15 мая 1891 г. Архив генерал-губернатора в Алжире. (21 Н 214) *Jobard G.* L'esclavage en Tunisie. Tunis, 1890, с. 23–31.

22 *Bull. de la Société anti-esclavagiste de France*, 1890, avril-juin, с. 190–191.

23 *Renault F.* La traite des esclaves noirs en Lybie au XVIIIe siècle. — *Journal of African History*. 1980, N° 2, с. 163–181.

24 *Barth H.* Travels and Discoveries in North and Central Africa. N.Y., 1857, t. I, с. 515.

25 *Hertslet L.* A Complete Collection, t. X, с. 1097.

26 *Lyon G.F.* A Narrative of Travels in Northern Africa. L., 1821, с. 120, 129, 249–263, 281.

27 *Barth H.* Travels, t. II, с. 316–423. Последние исследования, основанные на письменных источниках и устных опросах, показали, насколько были распространены такие набеги — „раззия” — в этих областях: *Contribution de la recherche ethnologique à l'histoire des civilisations du Cameroun.* (*Tardits Cl.*, éd.). P., 1981; *Azedo M.* Power and Slavery in Central Africa: Chad (1890–1925). — *Journal of Negro History*. 1892, vol. 67, N° 3, с. 198–211.

28 *Pezant A.* Voyage en Afrique au royaume de Barcah. P., 1840, (с. 345). *Nachtigal G.* Sahara and Sudan, t.I, с. 121.

29 *Pezant A.* Voyage, с. 345; *Lyon G.F.* A Narrative of Travels, с. 188.

30 *Nachtigal G.* Sahara and Sudan, t. I, с. 121.

31 *Berlioux E.* La traite orientale. P., 1870, с. 26.

32 *Nachtigal G.* Sahara and Sudan, с. 154.

33 *Lyon G.F.* A Narrative of Travels, с. 154.

34 *Adu Boahen A.* Britain, the Sahara and the Western Sudan. Oxf., 1964, с. 127.

- 35 *Petragnani E.* Il Sahara tripolitano. Roma, 1929, с. 161–162. Автор, направленный в Феццан в 1914 г. в качестве вице-резидента, оказался пленником сенуситов, разгромивших маленький итальянский гарнизон. Петраньяни находился в плену до 1919 г.
- 36 *Nachtigal G.* Sahara and Sudan, t. IV, с. 67–68, 98, 141, 181–182. В целом можно считать, что в XIX в. рабы были самым главным „предметом экспорта” из Вадаи.
- 37 *Duveyrrier H.* La confrérie musulmane de Sidi Mohammed ben Ali es Senoussi. P., 1884, с. 18–19.
- 38 *Hassanein Bey.* The Lost Oases. L., 1925, с. 179–181.
- 39 *De Maillet.* Description de l’Egypte. P., 1735, с. 197. Де Майе — французский консул в Каире.
- 40 *Frank L.* Mémoire sur le commerce des Nègres au Caire. P., 1802, с. 19.
- 41 *Walz T.* Trade Between Egypt and Bilad as-Sudan, 1700–1820. Le Caire, 1978, с. 124–130, 173–220.
- 42 *Browne W.G.* Travels in Africa, Egypt and Syria from the Year 1792 to 1798. L., 1799, с. 298, 308–309; *Girard P.S.* Mémoire sur l’agriculture, l’industrie et le commerce de l’Egypte. P., 1821 — 1834. t. XVII, с. 278–283; *El Tounsy Mohammed.* Voyage au Ouadaï. P., 1851, с. 468–480. *Muhammad ... Zayn al-Abidin.* Le livre du Sudan. P., 1981, с. 8–9. Последний автор, сообщая о центрах воспроизводства рабов в Дарфуре, констатирует также наличие подобной практики и в Вадаи (с. 52–53). *O’Fahey R.S.* Slavery and the Slave Trade in Dar Fur.—Journal of African History. 1973, vol. 14, No 1, с. 29–43.
- 43 *Bruce J.* Travels to Discover the Source of the Nile. Edinburgh, 1790, t. IV, с. 485–486; *Lapouze M.J.* Sur les caravanes venant du royaume de Senaar. Mémoires sur l’Egypte. P., ans VIII–XI, с. 97–98; *Burckhardt J.L.* Travels in Nubia. L., 1819, с. 324.
- 44 *Frank L.* Mémoire sur le commerce, с. 13–15; *Girard P.S.* Mémoire sur l’agriculture, с. 283; *Burckhardt J.L.* Travels in Nubia, с. 329–331.
- 45 *Bruce J.* Travels to discover. t. I, с. 98.
- 46 Correspondance de Napoléon I-er, t. XXX, P., 1869, с. 14.
- 47 Œuvres de Napoléon Bonaparte, t. III, P., 1821, с. 89.
- 48 *Sauzet A.* Desaix, le “sultan juste”. P., 1954, с. 240.
- 49 *Frank L.* Mémoire sur le commerce, с. 16–17; *Cuoq J.* Esclaves du “Takrur” dans les armées de Bonaparte et de Khusraw Pacha. 2000 ans d’histoire africaine (Mélanges R.Mauny). P., 1881, с. 869–878.
- 50 A Non Military Journal of Observations Made in Egypt by An Officer Upon the Staff of the British Army. L., 1803, с. 33.
- 51 *Hill R.* Egypt in the Sudan, 1820–1833. Oxf., 1959, с. 7, 11, 13, 25, 40. Можно упомянуть еще, что батальон черных афри-

канцев посылался вице-королем Египта в 1863 г. в Мексику для включения в состав французских войск (там же, с. 104).

52 *Schweinfurth G.* Au cœur de l'Afrique. P., 1875, с. 303.

53 Там же, т. I, с. 39. Система организации работорговли, описываемая далее, основана на данных, приведенных в обоих томах указанного труда.

54 *Lotar L.* Souvenir de l'Uélé. Les traitants nubiens. Congo, 1933, т. II, № 5, с. 658—682; т. I, № 1, с. 1—12.

55 *Schweinfurth G.* Au cœur de l'Afrique, т. II, с. 299.

56 Там же, т. II, с. 321.

57 Там же, т. I, с. 347.

58 Там же, т. II, с. 362.

59 *Ohrwalder J.* Ten Years Captivity in the Mahdist Camp. L., 1892, с. 208—209, 382—386; *Slatin Pasha.* Feu et Fer au Soudan. Le Caire, 1898, т. II, с. 558—559, 661—666, 723—728; *Holt P.M.* The Mahdist State in the Sudan, 1881—1898, Oxf., 1958.

60 *Renault F.* Lavigerie, l'esclavage africain et l'Europe. P., 1971, т. II, с. 31—41.

61 *Dejong G.E.* Slavery in Africa.—The Moslem World. 1934, vol. 24, с. 126—144; *La Gravière, Le Brun Keris.* Rapports, l'Assemblée de l'Union Française. Доклады в приложении к протоколу заседания от 17 ноября 1955 г. См. также доклады комитетов по рабству Лиги Наций и ООН.

62 *Filliot J.M.* La traite des esclaves vers les Mascareignes au XVIII-e siècle. P., 1974.

63 *Toledano E.R.* The Ottoman Slave Trade and Its Suppression, 1840—1890. Princeton, 1982. Сведения о поступлении рабов в Турцию из Северной и Восточной Африки, с Ближнего Востока и из Черноморья.

64 *Cooper F.* Plantation, Slavery in the East Coast of Africa. Yale, 1977; *Alpers E.A.*, Muqdisho in the Nineteenth Century: a Regional Perspective.—Journal of African History, 1983, vol. 24, № 4, с. 441—459.

65 Об этой системе, которая имела место также и на западном побережье Африки с санкции самого Наполеона III, для невольников, вывозившихся на Антильские острова, см.: *Renault F.* Libération d'esclaves et nouvelle servitude. Abidjan, 1976.

66 О работорговле в Центральной и Восточной Африке в XIX в. см.: *Lavigerie*, т. I.

67 Недавние подсчеты о вывозе рабов с восточного побережья Африки дают общую цифру для XIX в. в 1 200 000 человек — *Martin E.B., Ryan T.C.* A Quantitative Assessment of the Arab Slave Trade of East Africa, 1780—1896.—Kenya Historical Review. 1977, vol. X, с. 71—91. Но указанная работа касается только побережья современных Кении и Танзании, а в нашей оценке учитывается еще и Мозамбик. Для отдельных лет уточненные данные по это-

му региону см.: *Alpers E.A.* Ivory and Slaves in East Central Africa. L., 1975, с. 187, 213. О ввозе рабов в Сомали из Занзибара см.: *Martin E.B., Ryan T.C.* The Slave Trade in the Bajin and Benadir Coasts.—*Transafrican Journal of History*. 1980, vol. IX, No 1–2, с. 103–132.

68 *Elphick R.* Kraal and Castle, Khoikhoi and the Founding of White South Africa. L., 1977, с. 177.

69 *Theal G.* History of South Africa under the Administration of the Dutch East India Company. L., 1897, t. I, с. 42–94.

70 Там же. т. II, с. 77. *De Kock V.* Those in Bondage. L., 1950, с. 17–33. *Oxford History of South Africa*. Oxf., 1969, с. 194–195, 200–205; *Böeseken A.J.* Slaves and Free Blacks at the Cape, 1658–1700. Cape Town, 1977.

71 *De Kock V.* Those in Bondage, с. 237. *Oxford History*, с. 204.

72 *Theal G.* History of South, t. II, с. 148.

73 *Oxford History*, с. 367, 437.

74 *Pankhurst R.* Economic History of Ethiopia, 1800–1935. Addis-Ababa, 1968, с. 87–88.

75 *Merab.* Impressions d'Ethiopie (l'Abyssinie sous Ménélik II). P., t. III, 1929. с. 131–132. Автор — личный врач Менелика II — долгое время жил в Эфиопии.

76 *Pankhurst R.* The Ethiopian Slave Trade in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries: A Statistical Inquiry.—*Journal of Semitic Studies*. 1964, vol. X, с. 220–228. Автор приводит только статистические данные, а набросанная нами схематическая картина основана на информации консулов, морских офицеров, путешественников и т. п.

77 Там же, с. 225.

78 Там же, с. 226.

79 *Il Libro degli Zengi.* Somalia, Roma, 1957, t. I, с. 286–289.

80 По этому вопросу есть ряд арабских, персидских и турецких текстов X–XVIII вв., собранных в книге: *Müller H.* Die Kunst des Sklavenkaufs. Freiburg, 1980. Эти тексты содержат советы покупателям рабов, указывают достоинства и недостатки невольников в зависимости от мест их происхождения и пола, чтобы покупатели могли сделать выбор, исходя из желаемых услуг (любых!) и с учетом того, что именно надо проверить у рабов до заключения сделки и т. п. Один из наиболее характерных в этом отношении текстов принадлежит багдадскому врачу XI в. — Ибн Бутлану. Французский перевод этого текста включен в книгу: *Lewis B.* Race et couleur en pays d'Islam. P., 1982, с. 140–147.

81 *Jesman C.* The Russians in Ethiopia. L., 1958, с. 31–34.

82 *Pankhurst R.* Economic History, с. 92–106.

83 *Merab.* Impressions, t. III, с. 134–139. Оценка численности домашних рабов приводится на с. 145.

- 84 Там же, с. 166—185.
- 85 *Pankhurst R.* Economic History, с. 111—112.
- 86 Société des Nations. Journal Officiel, Supplément spécial, N° 13, с. 125—126; N° 19, с. 13—35.
- 87 *Kessel J.* Marchés d'esclaves. P., 1983, с. 67—80.
- 88 *Pankhurst R.* Economic History, с. 114—124. *Edwards J.R.* Slavery, the Slave Trade and the Economic Reorganisation of Ethiopia, 1916—1935. — African Economic History, 1982, N° 11, с. 5—14.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Авторы заканчивают свою книгу такими словами: „На протяжении веков непрерывно множество живых людей превращались в товар и совершалось это такими же, как они, людьми.

Возможно, весь кошмар торговли людьми нельзя ощутить до конца, чигая внешне спокойные страницы этой книги, но у авторов была лишь одна цель — заставить читателя как можно глубже задуматься над этими страницами”. Нам кажется, что эти слова стоит сказать читателю и до прочтения им книги, так как они справедливы и заслуживают доверия.

Когда завершалась подготовка к печати данной книги на русский язык, миллионы советских людей ежедневно прикипали к телеэкрану, привлеченные показом незатейливого многосерийного бразильского фильма „Рабья Изаура”. Как ни наивны коллизии и персонажи этой мелодрамы, бразильская лента ярко показала кошмар любого рабства на примере судеб многочисленных африканских невольников и их потомков на американской земле.

Наши соотечественники через сто с лишним лет после выхода в свет первого русского перевода „Хижина дяди Тома” Гарриет Бичер-Стоу вновь и теперь даже как бы зрительно прикоснулись к одной из великих трагедий Африки и ее продолжению в странах обеих Америк.

В действительности ужасы рабства и работорговли превосходят все доступное изображению в литературе и искусстве, и их трудно передать, как всякую боль, словами, обладая даже такой силой таланта, как у Проспера Мериме в его „Таманго”. Трагедия рабства и работорговли, безусловно, всегда волновала людей, как обладавших личной свободой, так и борющихся за нее.

О рабстве и работорговле в далеком и почти недавнем прошлом написано очень много, в том числе и об африканской работорговле, составляющей совершенно особую и наиболее близкую к нам по времени страницу в мировой истории рабства.

Своеобразие этой работорговли не только в хронологической близости к нам, но и в том, что ее прямыми и косвенными жертвами стали огромные людские массы, что вывоз африканских невольников за океан коренным образом изменил этноде-

мографическую ситуацию в обеих Америках, что африканская работорговля оказала влияние на все экономическое развитие Западной Европы и во многом предопределила колониальные захваты в Африке.

Расширяя свою экспансию в Южной и Северной Америке, европейские колонизаторы проводили массовое истребление коренного населения обоих континентов. Но уже с начала XVI в. установился прочный поток рабов-африканцев, которых доставляли в колонии Вест-Индии.

Вывоз сюда невольников, превративший Африку, по широко известному изречению Маркса, в заповедное поле охоты на чернокожих, продолжался более трех столетий. А с началом создания в американских колониях крупных плантационных хозяйств потребность в рабах возросла, еще в XVII в. и в середине XVIII в. приходилось доставлять сюда ежегодно до 100 000 африканцев.

Несмотря на формальное запрещение работорговли в большинстве европейских стран к началу XIX в., официальная и тайная работорговля через океан продолжалась еще более полувека, а в страны Востока — и до нашего столетия.

Удовлетворить вполне закономерное желание советского читателя подробнее узнать обо всем этом будет нелегко. Хотя наша африканистика немало занималась историей работорговли в Африке и ее последствиями для африканских народов, результаты таких исследований отражены преимущественно в сугубо научных публикациях или же, наоборот, в кратких статьях справочно-энциклопедических изданий. Особенно заметный вклад в изучение африканской работорговли внесла С.Ю.Абрамова.

Ее научные монографии во многом опирались на те же источники, которыми пользуются авторы этой и других современных книг по работорговле в Африке, но в то же время значительно отличаются от последних методологическими установками. При всех их достоинствах указанные в примечании книги изданы у нас уже достаточно давно и, главное, скромными тиражами.

Книга Ф.Рено и С.Даже, поступившая на Московскую книжную ярмарку осенью 1987 г., сразу привлекла внимание широкой охвата проблемы, а также безусловным стремлением авторов к наибольшей объективности, использованием ряда совершенно новых источников. При этом следует помнить, что книга французских авторов не о рабстве, а только об африканской работорговле, которая, однако, настолько меняла свои формы, масштабы и другие черты на протяжении тысячелетий, что в ори-

*С.Ю.Абрамова. История работорговли на Верхне-Гвинейском побережье. М., 1966; она же. Африка: четыре столетия работорговли. М., 1978; она же. Работорговля в Африке. — Энциклопедический справочник. 1987, т. II, с. 302—303.

гинальном тексте название книги звучит как „африканские работорговли”.

Главное достоинство и интерес книги видятся в том, что торговля африканскими рабами рассмотрена с древнейших времен и до нашего столетия, охватывая все территории материка. От многих других исследований на эту же тему настоящая книга отличается не только использованием новых архивных находок и записей африканских преданий, но и особым вниманием к франкоязычным источникам, до сих пор недостаточно использованным в исследованиях по работорговле. Наконец, авторы избрали форму изложения, которая в большинстве случаев даже довольно сухой материал позволяет делать доступным широкому читателю.

В то же время книга сохраняет и элементы научного издания, в частности детальность библиографического аппарата, что будет полезно и специалистам.

Один из центральных вопросов в истории африканской работорговли — оценка численности людских потерь в связи с деятельностью европейских работорговцев. Обычно в нашей литературе в последние десятилетия в этом плане пользуются цифрами, принадлежащими видному прогрессивному деятелю, афро-американскому историку Уильяму Дюбуа: 100 миллионов человек, из которых 60 миллионов — трансатлантическая, а 40 миллионов рабов — так называемая арабская работорговля.

Эти цифры стараются учесть все потери, т.е. и погибших при захвате в рабство или плен, и умерших по дороге к морским портам, но, конечно, не включают невольников, не перенесших морского путешествия. Есть ряд современных исследователей, особенно африканских историков, склонных определять общие людские потери Африки в результате работорговли за последние четыре-пять веков в 200 миллионов человек и более.

Авторы книги приводят очень много расчетов как для этого, так и для более ранних периодов африканской работорговли. Их оценки, как правило, ниже максимальных известных цифр.

Но авторы открыто выступают против „игры в цифры” в этом серьезном вопросе. Думается, что стремление более точно вычислить то, что сейчас, спустя несколько столетий, просто не поддается точному учету, не так уж нужно. Ведь стал вполне очевиден порядок величин страшных людских потерь, характер и размеры бедственных последствий этого. С.Ю.Абрамова, например, считает, что на каждого африканца, доставленного в американские колонии, приходится четыре-восемь погибших в Африке.

Любая из двух цифр в сочетании с более точно известным числом африканских рабов, достигших американских берегов, свидетельствует о массовом характере трагедии. Об этом говорят авторы французской книги, но у них почти не звучит та мысль, которую особо подчеркивают советские африканисты: работорговля, помимо всей ее антигуманной сущности,

явилась препятствием в становлении и укреплении африканской государственности, что существенно облегчило европейские колониальные захваты в Африке. В какой-то степени авторы имеют в виду это косвенно, когда подчеркивают отрицательное воздействие работорговли на демографическую ситуацию в Африке XVIII — XIX вв.: общее сокращение численности населения, рождаемости, рост смертности в районах, разоренных работорговцами, и т. п.

Большое внимание в книге уделено разработке понятий „работорговая Европа” и „работорговая Африка” в системе мировой торговли африканскими рабами с середины XVII до начала XIX в.

Не будем торопиться делать вывод, что подобным путем авторы обязательно хотят как-нибудь преуменьшить историческую вину европейских работорговцев и рабовладельцев в предколониальной трагедии Африки, как бы разделить эту вину с африканцами. Подобный вывод еще недавно мог быть единственно возможным, чтобы комментатор избежал упрека в отходе от сложившегося стереотипа. Ведь если из-за совершенно очевидных фактов незавидная роль арабских работорговцев все-таки отмечалась главным образом для Восточной и Северной Африки, то часто необъяснимо упорно обходилась молчанием активная роль самих африканцев в продаже европейцам своих соотечественников.

Безусловно, в первую очередь в этом повинна родоплеменная и феодальная верхушка. Именно эта ситуация в книге рассмотрена довольно детально на конкретных примерах и позволяет более широко увидеть реальную картину африканской работорговли последнего периода.

В то же время напрашивается критическое замечание в связи с тем, что в книге почти игнорируется бесспорный факт широкого использования борьбы с работорговлей в Африке как предлога или оправдания европейского вооруженного проникновения в Африку повсеместно. Ведь в этом отношении трудно найти различие в действиях французских или германских, английских или итальянских, равно как и всех остальных колонизаторов.

Однако авторам, вполне беспристрастным в оценке неблагоприятных деяний своих соотечественников в большинстве случаев, все же не всегда удается сохранить полную научную объективность, хотя, может быть, и неосознанно. Так, например, упорную борьбу африканцев против французских военных отрядов в районе озера Чад на заре нашего века они называют „авантюрой”, хотя к 1900 г. эта борьба была уже не столько защитой связанного с работорговлей местного правителя Раббаха, сколько сопротивлением нашествию иноземцев, которое и закончилось установлением здесь французской колониальной власти.

Не могу обойти и довольно наивную попытку авторов как-то притянуть и Россию в XVIII — XIX вв. к „работорговой Европе”. Это сделано, кажется, скорее в расчете на неискущенного фран-

цузского или франкоязычного читателя, которому любопытно узнать, например, о предке великого Пушкина — Ганнибале, „арапе Петра Великого”. Но что такое единичные случаи покупки за границей африканских невольников для „украшения” лакейской свиты аристократической верхушки России в XVIII в. в сравнении со страшной судьбой миллионов африканцев, прошедших в те же годы через работоторговую голгофу? Хотя и за каждым единичным случаем превращения человека в раба стоит человеческая трагедия. И без этого нельзя до конца понять ни драму африканского или иного раба, ни крепостного, ни любого человека такой судьбы. А к тому же факт привоза в Россию африканцев-рабов бесспорен даже для XIX в. Вспомним хотя бы грибоедовскую Хлестову: „Какая у меня арапка для услуг! Курчавая... Да как черна!” И далее о Загорецком: „...мне и сестре Прасковье, Двоих арапчонков на ярмонке достал; Купил...”

Те места, которые, как представляется, требуют пояснения, так как либо они нечетко изложены в книге, либо затрагивают малоизвестные у нас вопросы, мы снабдили примечаниями.

В основном они касаются этнических и религиозных понятий, устаревших географических названий, отдельных исторических событий, лиц и т. п. Большая группа примечаний связана с тем, что авторы несколько „упростили” себе работу над текстом, неоправданно часто пользуясь словом „королевство”. Они обозначают им самые разнотипные политико-государственные образования — от племенных военных союзов до раннефеодальных и исламизированных феодальных государств.

В этом не только терминологическом вопросе авторы иногда как бы пассивно следуют за европейскими, особенно франкоязычными источниками XVI—XVIII вв., в которых нередко устами, точнее, рукой капитанов, судовых врачей или коммерсантов „королями” именовались и те местные африканские правители, под чьей властью подчас находилось всего несколько деревушек, но тем же титулом часто именуется и почти самодержавные правители поистине крупных территорий.

Авторские определения в тексте мы не меняли, а в примечаниях приведены краткие сведения о характере, местонахождении, времени существования упомянутых государственных образований так, как на сегодня это принято советскими африканистами.

Внимание читателей особо привлечено к таким названиям, как Гана, Мали, Бенин и др., которые в книге относятся к государственным образованиям прошлого, но эти же названия носят сегодня новые африканские государства.

М.Б. Горнунг

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
Часть I. Работорговля до XVII в.	5
Античность	5
Аравия и завоевание Северной Америки	11
Суданские империи	18
Центральный Судан	26
Египет и Восточный Судан	31
Восточная Африка и Индийский океан	37
Использование рабов	45
Часть II. Торговля африканскими рабами через Атлантику.	52
Страны Западной Европы в Африке и их торговля, 1440—1640 гг.	57
Развитие специализированной торгов- ли, 1640—1807 гг.	67
Часть III. Транссахарская и восточноафриканская торговля рабами в XVIII — XX вв.	124
Западная Африка и Магриб	124
Триполитания и Киренаика	134
Египет и Восточный Судан	141
Центрально-Восточная Африка	158
Южная Африка	173
Эфиопия	177
Заключение	188
Примечания	190
М.Б.Горнунг. Послесловие	209

Научное издание

Рено Франсуа, Даже Серож

АФРИКАНСКИЕ РАБЫ В ДАЛЕКОМ И НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ

*Утверждено к печати
редколлегией серии
"Рассказы о странах Востока"*

Заведующий редакцией *Л.Ш.Роханский*

Редактор *Л.Э.Шварц*

Младший редактор *М.С.Грикурова*

Художник *Э.Л.Эрман*

Художественный редактор *Б.Л.Резников*

Технический редактор *Л.Н.Кузьмина*

Корректор *Н.Н.Цыгорева*

ИБ № 16283

Сдано в набор 13.12.89. Подписано к печати 11.12.90
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная №1. Печать офсетная
Усл. п.л. 11,34. Усл. кр.-отт. 11,97. Уч.-изд.л. 11,07
Тираж 5000 экз. Изд. № 6804. Зак. № 531. Цена 1 р. 80 к.

Издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103051, Москва К-51, Цветной бульвар, 21

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Франсуа Рено. Серж Даже

АФРИКАНСКИЕ РАБЫ В ДАЛЕКОМ И НЕДАВНЕМ ПРОШЛОМ

Для мировой истории с самого ее начала характерны разные формы господства человека над человеком. Среди этих форм одна из наиболее значительных — рабство. Историк или социологу довольно трудно дать всеобъемлющее определение рабства, которое может обозначать весьма несхожие явления: от предельно тяжелого труда до относительно легкой кабалы.

